

The background of the book cover is a painting. On the left, a large, orange-skinned hand with a silver ring on the ring finger holds a small, green tree frog. The frog is perched on a dark brown, textured branch. The hand is wearing a purple sleeve. In the background, the Eiffel Tower is visible against a yellow sky. The overall style is painterly and whimsical.

Владимир
Большаков

Кофе
и круассан

Русское утро в Париже

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Annotation

Владимир Викторович Большаков — журналист-международник. Много лет работал специальным корреспондентом газеты «Правда» в разных странах. Особенно близкой и любимой из стран, где он побывал, была Франция.

«Кофе и круассан. Русское утро в Париже» представляет собой его взгляд на историю и современность Франции: что происходит на улицах городов, почему возникают такие люди, как Тулузский стрелок, где можно найти во Франции русский след. С этой книгой читатель сможет пройти и по шумным улочкам Парижа, и по его закоулкам, и зайти на винные тропы Франции...

- [Владимир Викторович Большаков](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Часть первая](#)
 -
 - [Почему их не любят](#)
 - [По следам Фонвизина](#)
 - [Кто вы, меcье Дюпон?](#)
 - [«Искусство жить»](#)
 - [У вас Ridicule](#)
 - [По законам политеса](#)
 - [...И фонари не бьют?](#)
 - [Горит ли Париж?](#)
 - [Буква закона](#)
 - [Гласность по-французски](#)
 - [Вокруг Нантского эдикта](#)
 - [На кладбище Пикпюс все спокойнички...](#)
 - [Секс не порок](#)
 - [Немного о нравах и о сиренах Булонского леса](#)
 - [Голубая мода](#)
 - [«Не мойся!»](#)
 - [Когда они работают?](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Увидеть его и умереть](#)
 - [Пора отпусков](#)
 - [«Сольды»](#)

- [Отдых — это святое](#)
- [Статуя Свободы](#)
- [Эйфелева башня](#)
- [Елисейские поля...](#)
- [Фобург Сан-Оноре](#)
- [Maxim's](#)
- [Храм Музыки и Танца](#)
- [Вандомская площадь](#)
- [Лувр](#)
- [Собор](#)
- [Букинисты, каштаны и греческий сандвич](#)
- [Все дороги ведут к Монмартру](#)
- [По русским адресам](#)
- [У моста Александра III](#)
- [Улица Петра Великого](#)
- [Rue Petrograd-Leningrad-St.Petersbourg](#)
- [Place Stalingrad](#)
- [Rue Moscoз, Rue Odessa и другие «крымские» улицы](#)
- [Бульвар Севастополь](#)
- [В моем квартале](#)
- [Булочная \(Boulangerie\)](#)
- [Газетный киоск \(Presse\)](#)
- [Бассри](#)
- [Шоу парикмахера Жоржа](#)
- [У «Николя» \(Nicolas\)](#)
- [Сырная \(Fromagerie\)](#)
- [«В 15-м», у Антуана...](#)
- [Аптека \(Pharmacie\)](#)
- [«Князь Игорь»](#)
- [В обеденный перерыв](#)
- [Ночная жизнь](#)
- [Самые обнаженные и самые недоступные](#)
- [Часть третья](#)
 -
 - [Очи черные](#)
 - [Русские «хуация» и русские по крови](#)
 - [Наша «диаспора»](#)
 - [Русская Ницца](#)
 - [Русский след](#)
 - [Под андреевским флагом](#)

- [Ностальгия](#)
 - [Русские из «Нина Риччи»](#)
 - [Лидия Антосевич](#)
 - [Русская звезда Луи Ферро](#)
 - [Диалог с «Нострадамусом»](#)
 - [Россия Питера Устинова](#)
 - [Тайны семейных корней](#)
 - [Диалог с Богом](#)
-

Владимир Викторович Большаков
Кофе и круассан. Русское утро в Париже

Вместо предисловия

Между Францией и Россией бывало всякое. Были войны с «Великой армией» Наполеона Бонапарта (с 1812 по 1815 г.), под знаменами которой выступала вместе с Францией практически вся Европа; Крымская кампания (1853–1856), где Франция в коалиции с Англией и Сардинским королевством вторглась в южные пределы России; интервенция Антанты в 1918–1921 гг. В ходе второй мировой войны мы были союзниками со свободной Францией де Голля, и символом этого союза стали эскадрилья «Нормандия-Неман», а также боевые операции отрядов советских военнопленных, влившихся в движение Сопротивления в оккупированной Франции. Но по другую сторону линии фронта действовала против нас в те же самые годы и дивизия СС «Карл Великий», укомплектованная на 100 процентов гражданами Франции. Немногие из ее солдат и офицеров, уцелевших после битв под Сталинградом и в Померании, после войны отсидели вместе с пленными гитлеровцами положенные им сроки в ГУЛАГе.

В летописи наших отношений печальные страницы франко-русского противостояния занимают, к счастью, во временном отношении совсем немного места. От тех лихих времен остались в русском языке слова «шерамыжник» (от слов «*Cher ami!*», т. е. «Дорогой друг!») и «шваль» (от слова «*Cheval*» т. е. «лошадь») с которыми обращались к русским крестьянам за подаянием и гужевым транспортом изголодавшиеся и измученные солдаты отступавшей армии Бонапарта. Французам наши казаки, занявшие в 1814 г. Монмартр, оставили словечко «Быстро!», что французские половые быстро поняли, как «Давай, пошевеливайся!» и впоследствии преобразовали его в свой вариант названия ресторанов «фаст-фуд» под именем «*bistro*». Общего между нами куда больше, чем различий. И куда солиднее летоисчисление нашей дружбы и союзничества, отношений, полных взаимной восторженности и взаимопонимания.

Все, однако, начинается, говоря словами Уолта Уитмена, с «корней травы». С желания понять друг друга и умения этого добиться. Ни то, ни другое невозможно без информации о том, кто же мы такие?

Францию и французов понять не так-то просто. И если русские иной раз похваляются тем, что для того, чтобы нас понять, надо пуд соли съесть, то французы то же самое скажут и про себя, только добавят одно слово: «пуд морской соли». Когда я писал эту книгу, я меньше всего думал о том, чтобы представить на суд читателей некий банк данных о том, что из себя

представляют французы. «Типичного» или «среднего» француза, которого для удобства обобщения именуют обычно «Месье Дюпон» (аналог нашему Иванов — Петров — Сидоров), в общем-то не существует. Но те типичные черты, что ему свойственны, надо учитывать, если хочешь понять Францию и французов и быть самому ими понятым.

Поначалу я совсем не хотел касаться политики в этой книге, но все же решил рассказать о двух президентах Франции: Франсуа Миттеране и Жаке Шираке. Как ни парадоксально, в них при ближайшем рассмотрении находишь больше типичных черт месье Дюпона, чем в обычном рядовом французе. Если месье Дюпон почитает насмешку самым большим для себя оскорблением, то президенты Франции, к какой бы партии они ни принадлежали, выше всего ставят величие Франции, ее честь и достоинство и никому не позволят на это посягать. Увы, в истории наших отношений были такие периоды, когда в Москве этого не понимали. И не случайно генерал Де Голль еще в 1942 году говорил о «трагическом непонимании, мешавшем союзу между нашими странами».

«Все, однако, начинается, говоря словами Уолта Уитмена с “корней травы” С желанием понять друг друга и умения этого добиться. Ни то, ни другое невозможно без информации о том, кто же мы такие?»

Францию и французов понять не так-то просто. И, если русские иной раз похваляются тем, что для того, чтобы нас понять, надо пуд соли съесть, то французы то же самое скажут и про себя только добавят одно слово — “пуд морской соли”».

(Владимир Викторович Большаков)

10 декабря 1944 года в ходе официального визита Де Голля в СССР был подписан франко-советский Договор о дружбе и взаимопомощи. Генерал сказал тогда, поставив под ним свою подпись: «Для Франции и России быть объединенными — значит быть сильными, быть разъединенными — значит находиться в опасности».

Тем самым будущий президент Пятой республики суммировал весь исторический опыт наших отношений. Де Голль не раз говорил об «особом характере» франко-русских отношений, о роли Франции как моста между США и Россией и России как моста между Европой и Азией. При этом он всегда подчеркивал именно слова «Россия» и «русский», т. к. слова «СССР» и «советский» генерал не воспринимал на дух. Это, соответственно, в руководстве СССР истолковывали как личное оскорбление. В результате ровно через 10 лет после подписания нашего Договора о дружбе он был

расторгнут Советским Союзом в одностороннем порядке под предлогом подписания Францией Парижских соглашений, по которым ФРГ получила доступ в НАТО. Но еще за два года до этого вышел 11 том Большой советской энциклопедии, в котором Де Голлю был вынесен приговор Агитпропа.

О нем БСЭ сообщала следующее: «Де Голль — французский реакционный деятель, руководитель фашистской (!) партии «Объединение французского народа», монархист и клерикал». Советскому читателю внушали, что оказывается его организация «Свободная Франция», с которой СССР и заключал соглашение о союзничестве в войне против фашизма, была создана по заданию Черчилля, что уже само по себе в те годы было в СССР криминалом. Далее, в том же духе «классовой ненависти», который отравил наши отношения на долгие годы «холодной войны». Франция попала в разряд наших «империалистических врагов», а хорошими французами считались только те, кто принадлежал к Французской коммунистической партии и Обществу дружбы «Франция — СССР», находившемуся под контролем тех же коммунистов. На долгие годы между двумя странами образовалась новая пропасть непонимания. К счастью, де Голль сумел подняться выше всего этого бреда и сделал первый шаг навстречу Москве вскоре после своего избрания президентом. И я бы не вспоминал об этой печальной истории, если бы она не свидетельствовала о том, что непонимание между руководителями наших страна оборачивается и непониманием между нашими народами.

Больше всего мне хочется, чтобы эта книга помогла моим соотечественникам понять французов. Нам есть чему у них поучиться, как и им у нас. Но дело тут не в некоем практическом смысле, а в абсолютно необходимом для новой России духовном воссоединении с той цивилизацией, которая дала нам так много и взяла от нас не меньше. Но, взяв, особенно в послереволюционные годы, сумела и сохранить то, что революционная Россия отринула, то, что мы сейчас собираем по крупицам. В этой книге я посвятил тому немало страниц и целую главу «Здесь Русью пахнет». При работе над ней и другими главами книги я частично использовал свою книгу «Русские березы под Парижем» (М.: Издательство «Молодая гвардия», 1989), которая была удостоена премии Воровского Союза журналистов СССР, а также ряд моих статей и очерков, публиковавшихся в периодической печати Советского Союза и России в конце XX — начале XXI века.

Часть первая

Кто вы, месье Дюпон?

Расхожее российское представление о французе являет собой некую литературно-кинематографическую окрошку. При слове «француз» в нашем воображении всплывает уникальное создание: человек, очень похожий на д'Артаньяна, причем в исполнении Аллена Делона, но не в мундире, а в костюме от Пьера Кардена, добивающийся взаимности от Анжелики в варианте Брижит Бардо, которая напевает блюзы Патриции Касс... И так далее...

Почему их не любят

Как правило, русские плохо знают Францию и судят о ней по стереотипам еще XVIII века. При этом о Франции и французах у нас представление розовое, несмотря на довольно мрачные отзывы о представителях этой нации практически всех русских классиков, которые когда-либо здесь жила, от Фонвизина до Бунина. Достаточно вспомнить фразочку Фонвизина из его «Писем из Франции»: «Если француз проведет день, не обманув кого-либо хотя бы на один франк, он будет чувствовать себя глубоко несчастным».

В конце XVIII века, примерно в то же время, что и Фонвизин, граф Оксфордский, сэр Гораций Уолпол писал: «Французов я не люблю не из вульгарной антипатии между народами, живущими по соседству, а из-за их высокомерия и привычки демонстрировать свое ничем не оправданное превосходство». В конце XX века одна английская газета написала, что во Франции прекрасно отдыхать и что Франция была бы еще прекраснее, если бы... «там не было французов». По оценкам августа 1997 года, французы «агрессивные вульгарные, грязные, плохо организованные и ленивые» (лондонская «Миррор»). В июльском опросе 1997 года, опубликованном газетой «Фигаро» под заголовком «Что думают о французах иностранцы», немцы утверждали, что французы «не дисциплинированы и агрессивны». Американцы, напротив, заявили, что французы «робки и холодны». Англичане в ходе того же опроса возмущались французскими «невежеством, неорганизованностью и склонностью к болтовне». Можно подобрать соответствующую коллекцию аналогичных высказываний о французах в переводе практически со всех европейских языков. Высказывания же некоторых американцев на ту же тему и вовсе порою непередаваемы. Справедливы ли все эти инвективы? В чем-то, да. По большей части, нет. И, может быть, отчасти объяснение современной неприязни, скажем, англичан к французам (во многом обусловленное общей историей) следует искать, скорее, во многовековой привычке. А может быть, ответ заключается как раз в вопросе британского «Экспресса»: «Почему мы, англичане, много лучше себя чувствуем, когда ненавидим французов?»

Если не постараться понять француза и побудительные мотивы его занудства и гоношистости, то с непривычки можно, конечно, крепко надорвать нервы. И все же, на мой взгляд, Фонвизин, погорячился, приняв французскую расчетливость и прагматизм за общенациональное желание обьегорить кого-нибудь. А сэр Гораций воспринял искреннее стремление

француза подать иностранцу самый полезный совет, как лучше всего повести себя в той или иной ситуации во Франции, за высокомерие. В какой-то степени французское занудство заложено в самом французском языке, где все слова без исключения имеют ударение на последнем слоге. И к тому же интонация в этом языке такова, что невинная фраза, например, «Осторожнее подавайте назад. Сзади — машина» воспринимается, как вызов, нечто вроде: «Ты что, идиот, не видишь, что у тебя сзади машина!?»

Француза трудно полюбить с первого взгляда, даже если это Аллен Делон. Сразу представителя этой нации будет трудно даже воспринять без раздражения: манера всех поучать, наставлять и всем вправлять мозги столь же сильно въелась в кровь потомков племени галлов, как общероссийское предрасположение к посылке всех знакомых и незнакомых, а также всего остального человечества по самому дальнему адресу. Каждому свое. И у французов, как и у любой другой нации, в этом их «своем» есть и впрямь замечательные черты, а есть, увы, и малоприятные.

Знатоки Франции, характеризуя француза, непременно пустятся в пространные рассуждения относительно различий между уроженцами здешних 95 департаментов и 22 регионов. Действительно, гасконец по темпераменту ближе к испанцу, а эльзасец — к немцу, житель Прованса, юга Франции, говорит на своем диалекте, настолько отличном от парижского, что «вычислить» южанина не составляет никакого труда, а бретонец настолько же медлителен и основателен, насколько «ртутен» житель Савойи. И все же за свое почти двухтысячелетнее существование французская нация прошла переплавку в ходе объединения нынешних французских земель великими королями, от Хлодвига до Людовика XIV. Она закалилась в таком мощном костре, как Великая Французская революция, в наполеоновских и в двух мировых войнах. И окончательно в великом котле для переплавки национальных и прочих различий, созданном промышленной революцией, был отлит тот современный француз, о котором можно говорить уже не только как о среднестатистической, этнической и демографической категории, но и как о явлении социальном, социологическом и психологическом. Процесс европейской и глобальной интеграции, подобно жернову, растирает в пыль все и всяческие национальные отличия. И все же французы, как никто, держатся, не теряя своей самобытности, цепляются за нее с неистовой гордостью, граничащей с отчаянием, действительно, чем-то напоминая при этом д'Артаньяна, который не столько от чрезмерной уверенности в себе, сколько из гонора, вызвал на дуэль сразу трех лучших рубак мушкетеров, едва появившись в Париже.

Над французами потешаются, когда они пытаются отвоевать в сплошь англоязычном Интернете хотя бы часть информационного пространства для

французского языка, вводят законы, запрещающие его уродовать так, как изуродовали наш язык «новые русские» кальками с английского типа «баксы», «дилер», «киллер», «имиджмейкер», «рейтинг и т. д. Французы не останавливают шумные кампании протеста в США, когда они устанавливают квоту на обязательный показ французских фильмов по телевидению и заставляют передавать по радио и телевидению столько французских песен, стихов, пьес и радиопостановок, сколько необходимо для того, чтобы французская культура выдержала чудовищную конкуренцию голливудских и прочих американских фабрик массовой культуры. Они не торопятся демонтировать государственный сектор, потому что знают: это надежный резерв Франции в любом кризисе и мощный двигатель ее развития. Пусть в Белом доме президент за президентом говорят, что это идеологически пахнет социализмом. Ну и что? Не все в социализме плохо. А в капитализме не все хорошо. Главное, чтоб было хорошо Франции и французам.

Здесь детей интернационализму не учат. Учат терпимости к другим народам и расам. Но учат и гордиться Францией, ее историей и ее современностью. И патриотизм оказывается экономически выгодным. Французы привыкли «покупать все французское». Это повсеместно принятый лозунг и одновременно повсеместный подход французского потребителя к рынку. Пусть будет даже немного подороже, зато это французское, а раз французское, значит, качественное, без обмана. И франкоязычие в Интернете оказывается не так уж и безнадёжно с экономической точки зрения. Есть рынок для такой интернетовской продукции во франкоязычных странах, куда идут французские компьютеры, программное обеспечение и видеоигры.

В современной Европе, а уж тем более в Америке мало кому понравится настоящий патриотизм француза, который будет упорно доказывать приезжему, что Франция — это не просто колыбель современной западной цивилизации и мировой заодно, но и самый надежный двигатель прогресса. И у него будут на то все основания. После того, как американская армия высадилась во французской Нормандии 6 июня 1944 года, открыв таким образом второй фронт, многим американцам впервые пришлось вплотную столкнуться с Францией и французами. Поначалу и Штаб-квартира НАТО размещалась под Парижем, пока де Голль не потребовал перенести ее хотя бы в Брюссель. И вот, для того чтобы облегчить интеграцию своих солдат во французское общество, командование США подготовило для них небольшую книжечку «Наши друзья французы». В ней было собрано 112 типичных не столько даже вопросов на тему «А почему французы такие?», сколько расхожих, предвзятых представлений о них.

Составители книги, надо отдать им должное, нашли на все это объективные ответы, пусть даже не всегда при этом лестные для французов. Перечитывая эту книжечку, я поймал себя на мысли, что и многие мои соотечественники и современники так же предвзято воспринимают французов и Францию, как американские солдаты времен Второй мировой войны, и задают практически те же самые вопросы.

Вот стереотип № 28 из этой книжечки: «Французы отвергают новые идеи. Они вообще не изобретательны». И вот ответ: «Назовем несколько изобретений и открытий, пришедших из Франции:

Алюминий

Система Брайля, давшая возможность слепым читать

Винтовка с затвором

Целлофан

Бензиновый мотор

Электродуговая печь для выплавки стали

Электрические батареи

Монгольфьер

Гироскоп

Гальванизация железа

Ламинированное стекло

Металлические гильзы

Пастеризация

Фосфорные спички

Фотография

Вискоза

Вискоза-целлюлоза

Воздушный винт (пропеллер)

Вязальная машина

Бездымный порох

Паровой автомобиль

Манометр

Стетоскоп

Телеэкран на тысячу строк и т. д.

С 1901 по 1939 гг. 203 человека были награждены Нобелевской премией за выдающиеся достижения в медицине, физике, химии, литературе и в деле служения миру. Из них 25 человек были американцами, а 28 — французами. Француженка Мария Кюри была единственным дважды лауреатом Нобелевской премии».

Под номером 34 шел такой вопрос: «Что эти проклятые пожиратели лягушек дали миру?» Ответ на него был дан очень подробный:

«Вспомним, что фундаментальные принципы свободы, прав человека и демократии были самым обстоятельным образом разработаны французскими писателями и мыслителями эпохи Просвещения. Но помимо этого эти «пожиратели лягушек» внесли основной вклад в историю и литературу, в науку и искусство, в философию и политологию, что дает этой нации право на самую почетную пальмовую ветвь в истории человечества. Во многих областях они держат первенство».

Далее, на три страницы идет список великих имен. Писатели — от Вийона до Золя и от Мопассана до Андре Малро, ученые — от Паскаля и Пастера до Кюри и Ле Блана, композиторы — от Бизе до Равеля, художники и скульпторы — от Сезанна до Родена, от Энгра до Ренуара, философы — от Шатобриана до Монтескье, от Монтеня до Руссо, историки — от Токвиля до Сен-Симона. Только великая нация может внести в копилку интеллектуального богатства человечества такой вклад. И пусть даже большинство французов, не говоря уже об американцах, не знают всех имен своих великих соотечественников, они знают о величии их свершений. И умеют гордиться ими, как величием Франции.

Это мы над собой хохотали по поводу того, что мы «впереди планеты всей». А француз уверен, что в случае с Францией так оно и есть. Он искренне верит в то, что его страна, действительно, самая прекрасная в мире и что Елисейские поля самая красивая улица на земле. И дело даже не в том, что Франция к началу XXI века вышла на первое место в мире по экспорту сельхозпродукции, по числу атомных электростанций на один квадратный километр национальной территории, по числу запускаемых в космос иностранных коммерческих спутников. А в том, скорее, что объективно Франция по качеству жизни — одна из самых удобных для житья стран в мире, если не самая удобная. Даже американская печать признает устами «Интернэшнл геральд трибюн», выходящей в Париже, что «Франция создала одно из самых продвинутых обществ в мире. Качеству жизни во Франции, которое сложилось благодаря обильным вливаниям государства, многие завидуют». Еще в 1945 году справочник «The World Almanac» отметил, что Франция «идет в авангарде в том, что касается социального законодательства. Это касается и пенсий, и медицинского страхования, и заботы об увечных и больных. И именно Франция первой ввела 40-часовую рабочую неделю». Добавлю, что и в области оперы и балета они тоже не отстают.

Елисейские Поля — центральная улица Парижа, одна из главных магистралей VIII округа французской столицы. Елисейские поля простираются от площади Конкорд (Согласия) до Триумфальной арки. Длина — 1915 м, ширина -71 м.

*В солнечный день и в дождь, в полдень или в полночь,
Все, что хотите, есть на Елисейских Полях...*

(Джо Дассен «Champs-Elysees»)

Французы не хотят переделывать свою Францию на американский или какой-либо другой манер, чтобы добиться еще большего. Они стремятся при любых переменах сохранить свое национальное лицо в неприкосновенности. Американцы и прочие «глобалисты» могут сколько угодно говорить о том, что французская модель развития для XXI века не годится, что французское государство страдает избытком протекционизма, а это ведет лишь к тому, что бедные не имеют стимула зарабатывать, а безработные не стремятся найти работу, и, наконец, что излишняя самостоятельность Парижа всех в западном сообществе раздражает.

Франция на самом высшем уровне поучаствует в таких дебатах, но последнее слово оставит за собой. И услышав это последнее слово, в Белом доме и на Даунинг-стрит будут сходить с ума. Ну, например, узнав, что официальный Париж решительно осудил диктатуру Саддама Хуссейна, но не менее решительно осудил англо-американское вторжение в Ирак. Или, услышав сообщение о том, что мэрия Парижа финансировала организацию шествия антиглобалистов по улицам французской столицы.

Француз для многих остается загадкой. Уже потому, что не будет ни под кого подделываться и не станет с кого-либо брать пример. Франция может только подавать пример, советовать всему остальному человечеству, как ему поступить в той или иной ситуации. И в этом историческом предназначении Франции одинаково уверены все французы — от Президента Республики до городского клошара. Так что со времен сэра Горация Оксфордского тут мало что изменилось.

По следам Фонвизина

«... Из Лиона приехал я сюда в пять дней. Монпелье — город небольшой, но имеющий приятное местоположение: улицы его узки и скверны, но дома есть очень хорошие. Университет здешний основан в 1180 году, и медицинский его факультет славен в Европе. Вне города есть «Ля пляс дю Пейру», приятнейшее и великолепнейшее из всех известных. На нем прогуливается целый город вседневно... Сие прекрасное место заслуживает и быть в таком климате, каков здешний, где гулянье во все времена года составляет наилучшую забаву...»

От Лиона до Монпелье (всего-то 375 километров) я доехал за четыре часа без особой спешки по отличному скоростному шоссе, подивившись про себя тихходности экипажей времен известного русского писателя Д. И. Фонвизина, автора этого письма, датированного 22 ноября (3 декабря по новому стилю) 1777 года. Всего за 12 лет до Великой Французской революции автор «Недоросля» и «Бригадира» приехал на юг Франции со своей супругой. И пока она принимала процедуры и прописанные ей знаменитыми врачами Монпелье лекарства, Фонвизин изучал Францию и французов. Свои впечатления он излагал в письмах на имя покровительствовавшего ему генерала графа П. И. Панина, вошедшего в историю с характеристикой «палач пугачевского восстания». Так у Фонвизина сложилась небольшая книжечка «Письма из Франции», мало у нас известная. Письма эти я перечитывал не раз. То спорил с автором мысленно, защищая французов от его хлестких и не всегда справедливых оценок, то, напротив, удивлялся, как за столь короткий срок он сумел так точно подметить характернейшие черты французской нации, оставшиеся неизменными по сей день, даже по прошествии более двух веков...

Один из самых древних городов Франции — более ста лет назад праздновали его тысячелетие — встретил меня пылью, гарью и автомобильным чадом. Описанные Фонвизиним скверные узкие улочки старого города были до отказа забиты автопробками. Точно следуя тексту «Писем», я прошел под Триумфальной аркой, перекрывшей авеню Фош, и вышел к балюстраде, из-за которой смотрел на столицу Лангедока с огромного каменного буцефала Людовик Великий. Это и был знаменитый «променад Пейру», реющий над долиной, в которой уместились все окраины и пригороды Монпелье, а также «славный акуэджок», сработанный еще рабами Рима. Вода уже давно перестала по нему течь, но его по-

прежнему берегут, о чем красноречиво свидетельствовал не так давно положенный — вместо рассыпавшегося от времени — цемент.

День был солнечный. Но ни Средиземного моря, ни тем более Испании я не увидел. Попытался все же представить себе променады времен Фонвизина. Ах, какими-то они были, эти дамы в кринолинах и кавалеры в париках? Как, должно быть, серьезно готовились они к выходу сюда, особенно в те дни, когда поблизости собирались Генеральные штаты Лангедока и из Парижа приезжали посланцы его величества с тем, чтобы напомнить гражданам города, как писал Фонвизин, об истории перехода древнего монпельевского королевства во владение французских государей и о вытекающем отсюда патриотическом «долге верноподданных платить исправно подати...»

В Монпелье любят шутку. Когда спрашиваешь, какое самое главное богатство города, отвечают: «Серое вещество». Монпелье — прибежище интеллектуалов. Среди его жителей 45 тысяч студентов, 7 тысяч ученых и исследователей. Три университета, шесть институтов, богатейшие традиции культуры и просвещения. Здесь учатся и русские студенты, а наши профессора преподают русский язык.

Город растет, ширится. Уже есть планы сделать его портом, соединив хитроумными каналами прямо со Средиземным морем. Рядом со старым городом, на месте бывшего полигона, поднялся именно под таким названием новый жилой квартал. А напротив этого многоэтажно-бетонного «Стрельбища» вырос фантастический поселок по имени Антигона. В названии его двойной смысл. Прежде всего, прямой — расположенный напротив Полигона. А затем и переносный. Дело в том, что Антигона, хоть и сделана из бетонных панелей, выдержана в духе классической античной архитектуры, что позволило избежать нагромождения современных многоэтажных коробок, типичных для муниципальных застроек во Франции. Многим беднякам мэрия города помогла таким образом обзавестись собственной крышей над головой. Но вот парадокс: в этих сверхсовременных, сделанных «под Рим» многоэтажках немало семей живут не только без телефона, но даже без электричества, так как им просто нечем за него платить...

Старый Монпелье почти не изменился с тех пор, когда по брусчатке его улиц бродила чета Фонвизиных. Несмотря на многочисленные войны и распри, революции и контрреволюции, здесь сумели сохранить акведуки и тысячелетние храмы, каменные дворцы и триумфальные арки, а главное — преемственность культуры и знания, тот самый «гумус» цивилизации, без которого нация обречена на интеллектуальное, да и материальное обнищание.

Неподалеку от Пляс де Пейру — знаменитая медицинская школа Монпелье — «Эколь де медсин», официально основанная в XII веке, хотя обучение врачеванию там началось впервые в 1021 году. Утверждают, что здесь преподавал великий Авиценна. Монпелье, таким образом, стал одним из немногих средневековых городов, начавшихся не с церкви, а с храма науки.

Впрочем, они удачно сосуществовали. На стене вестибюля медицинской школы висит мемориальная доска, на которой рядом с именами знаменитых врачей — имена знатных французов и кардиналов, и даже королей, изучавших здесь медицину. Соседствующий с анатомическим театром храм Святого Петра был построен почти на три века позже первой кафедры медицины, и не случайно, видимо, его называли Храмом Разума.

Конечно, и здесь свирепствовала инквизиция, и в историю Франции вошел процесс трех студентов-медиков, осужденных «за ересь» в 1528 году. Тем не менее даже во времена религиозных войн Монпелье славился своей высокой культурой и терпимостью. И сумел передать эти свои качества всей Франции, которой по тем временам до монпельевского королевства было далеко. Ведь уже в XII веке сюда ехали в поисках исцеления едва ли не со всего света. И шесть веков спустя, когда Фонвизин привез лечиться свою жену в Монпелье, эта слава за местными эскулапами сохранилась.

Визит Фонвизина особенно интересен тем, что имел место всего за 12 лет до Великой Французской революции. До этого и Россия, и Франция были абсолютными монархиями, а уровень их развития — примерно одинаковым. За исключением только политических структур. Во Франции даже в недрах абсолютизма вызревала потихонечку буржуазная демократия, о чем говорит и фонвизинский рассказ о сборе Генеральных штатов Лангедока, и люди уже во многом привыкли к ней к моменту взятия Бастилии. В России же все еще свирепствовало крепостное право, любые ростки демократии жестоко подавлялись. Несмотря на то, что императрица переписывалась с Вольтером, в те времена слово «вольтерьянец» в русском языке звучало примерно так же, как у нас в 70 — 80-е годы XX века слово «диссидент».

Во время своей поездки по Франции Фонвизин стал свидетелем знаменитого визита Вольтера во Французскую академию и его избрания ее директором, после чего и восьми дней не прошло, как Вольтер умер в том самом доме на берегу Сены, напротив Лувра, куда провожал его народ с факелами после представления его последней трагедии «Ирена, или Алексей Комнин». Эта манифестация Фонвизина потрясла. Но поди поделись таким чувством с вельможным графом. Не поймет! Учитывая это, Фонвизин в своем письме Панину описывает прибытие Вольтера в Париж в

1778 году с известной осторожностью, как бы отстраняясь от «вольтерьянца» номер один, подчеркивая, что не на него лично, а на «народ здешний» прибытие Вольтера «произвело точно такое... действие, как бы сошествие какого-нибудь божества на землю. Почтение, ему оказываемое, ничем не разнствуует от обожания». Как опытный придворный и неплохой политик, Фонвизин сразу увидел, чем это обожание чревато. Он предупреждал Панина: «Я уверен, что если б глубокая старость и немощи его не отягчали и он захотел бы проповедовать теперь новую какую секту, то б весь народ к нему обратился...» Фонвизин информировал Панина обо всем, в те дни происшедшем, весьма подробно и даже направил ему портрет Вольтера с припиской о том, что долго великий философ и писатель из-за пошатнувшегося здоровья и возраста «не протянет». Считается, что он не просто ездил лечить жену в Монпелье, а был послан секретным ведомством, которое курировал Панин, во Францию с особой миссией — посмотреть, как там у них с революционной ситуацией.

Автор «Недоросля» не только из стремления засвидетельствовать свою благонадежность с таким небрежением писал о демократических умонастроениях французов. Как и многие в России того времени, он считал, что демократия в нашем отечестве не привьется. Фонвизин, конечно, был много лучше других вельмож. Он понимал, что «надобно отрешись вовсе от общего смысла и истины, если сказать, что нет здесь (во Франции, в частности, и за границей вообще. — В. Б.) весьма много чрезвычайно хорошего и подражания достойного». Но к тому добавлял: «Все сие, однако ж, не ослепляет меня до того, чтобы не видеть здесь столько же, или и больше, совершенно дурного и такого, от чего нас боже избави...»

«Письма из Франции» современники Фонвизина прочитали не сразу. Но в архивах Панина они пролежали недолго и уже в конце XVIII века были изданы. В наше расхожее представление о французах, увы, вошли многие из фонвизинских «хлесткостей», в то время как объективные его наблюдения были забыты. Без умысла автора сложился тот «стереотип», который использовался затем для формирования отрицательного отношения не к Франции как таковой — французский язык и культура вообще в российском дворянстве нередко почитались выше всего русского, — а к происшедшим там в 1789 году революционным переменам и к их активным участникам.

Станным образом этот стереотип, который окончательно утвердился в результате войны 1812 года и оккупации Франции русскими войсками, запечатлелся в национальном сознании. Когда произносится слово «француз», у многих почему-то возникает образ беспутного любителя поволочиться, выпить и погулять, повесы, отлынивающего от работы, краснобая, которому неважно, о чем говорить, лишь бы почесать языком.

Увы, именно такой почти опереточной персонаж — главный герой фонвизинских «Писем из Франции», хотя, впрочем, и не единственный.

Каков же все-таки француз на самом деле? Насколько далек созданный Фонвизинным его образ от сегодняшней реальности и где он все-таки к ней близок?

Кто вы, месье Дюпон?

Месье Дюпон — мой хороший знакомый. Я его встречаю каждый день, разговариваю с ним часами, мы вместе частенько выпиваем в кафе на углу по чашечке крепчайшего кофе, выкуриваем по сигарете «Галуаз», раздирающей легкие, но зато не пробивающей такую дыру в бюджете, как «Мальборо». Месье Дюпон приносит мне газету и ежедневную почту и выпекает изумительный хлеб. Он круглый год торгует на рынке свежими овощами и фруктами, составляет на ЭВМ прогноз погоды и водит поездка парижского метро. Он стоит у станка и за прилавком маленького магазинчика, крутит баранку такси и колесо знаменитой карусели с лошадами у Эйфелевой башни под аккомпанемент электронной шарманки, держит свой семейный ресторанчик и с утра до ночи пестует доставшийся ему от деда-прадеда виноградник.

Месье Дюпон индивидуален и многолик, ибо так называют «типичного среднего француза». Он живет в каждом городе и в каждой деревне Франции — в одном только парижском телефонном справочнике несколько страниц занимают Дюпоны — и вместе с тем объективно не существует, ибо создан статистикой, а потому, может быть, и похож на себя в ее зеркале, но не более чем фоторобот на фотопортрет. Словом, он один из 55 миллионов французов, проживающих во Франции.

Во Франции служба статистики поставлена много лучше, чем в других странах. Здесь о французе, как потребляющей статистической единице, как гражданине определенных взглядов, знают все. И все же статистика и опросы общественного мнения — единственно возможное средство создать образ «типичного француза», представить его зрительно и даже где-то понять его причуды, вкусы, симпатии, антипатии и предрассудки. Знакомясь таким образом со своим приятелем месье Дюпоном, я сделал для себя немало открытий, причем совершенно неожиданных.

Для примера. Французы покупают в среднем на человека всего 4 куса туалетного мыла (650 граммов) в год, в два раза меньше, чем англичане, хотя этого добра в магазинах — выше крыши. Они в среднем приобретают по 0,8 зубной щетки на человека и лишь по 2,9 тюбика зубной пасты. Но зато французы в два раза больше, чем другие европейцы, потребляют снотворного (90 миллионов упаковок в год) и чаще покупали обувь — 5 пар в год на человека.

Во Франции меньше ванн, чем телевизоров. 10 процентов французов никогда не посещали парикмахерских. Каждый второй француз никогда не

ходит в кино.

Французы потребляют 80 литров вина на человека в год и за тот же период — всего 54 литра минеральной воды. 25 процентов из них ничего не едят на завтрак.

Месье Дюпон проводит в день три с половиной часа перед телевизором и 2 часа 45 минут слушает радио. Вместе с тем 51 процент французов выступает за то, чтобы телевидение хотя бы один вечер в неделю не работало. 43 процента против этого. В 1967 году только 54 процента французских семей имели телевизор. В 1988-м — уже 94 процента. 82 процента французов согласно опросам «смотрят телевизор каждый или почти каждый день». Это на 31 процент выше, чем в начале 60-х годов, когда 67 процентов французов ежедневно слушали радио и 60 процентов каждый день читали газеты. Сегодня газеты регулярно читают меньше 40 процентов французов. Поднялся, однако, процент читающих иллюстрированные журналы, как везде. Но вот как комментируют этот рост специалисты: «Журналы, которые наиболее популярны сейчас, — это своего рода дополнение к телевизионным передачам...»

Телеспрут виной тому, что пустеют театры, стадионы. Всего 9 процентов французов по меньшей мере раз в год посещают спортивные состязания. 18 процентов французов ходят в кино, по крайней мере, один раз в месяц, но телевидение и быстрое воспроизведение кинопремьер в записи бьет и по кинотеатрам, в результате чего и билеты в кино все дорожают. Пустеют и знаменитые французские кафе и бистро. Только 17 процентов французов, по крайней мере, раз в неделю ходят в кафе.

«Ночная терраса кафе» — картина нидерландского живописца Винсента ван Гога. «Ночная терраса кафе» была написана художником на юге Франции, в Арле в сентябре 1888 года.

В 60-х годах 42 процента мужчин во Франции были завсегдатаями кафе, где они смотрели, как правило, спортивные передачи и особенно скачки. Сейчас среди мужчин только 25 процентов опрошенных называют себя постоянными посетителями кафе. Результат — кафе «прогорают» все чаще.

Любовь французов к телевидению объясняется во многом и национальным характером. Французы народ очень любопытный: где что, кто с кем, кто в чем — им надо узнать в первую очередь и желательно раньше других. К тому же они до смерти любят обсуждать в деталях дела, на наш взгляд, казалось бы, пустяковые, а для них чрезвычайно существенные. Предметом дискуссии может быть что угодно. Обсуждается, в первую очередь, то, что касается качества жизни, обслуживания, моды, социального обеспечения, налогов, медицины, состояния больниц и клиник,

благотворительной помощи и градостроительства, взаимоотношений между юношами и девушками, мужьями и женами, детьми и родителями, охраны исторического и культурного наследия.

Обсуждается политика правительства и оппозиции, личность самих политиков и их жен. Часто телекамера входит прямо в их дома, и диспуты идут оттуда в живой трансляции с вопросами телезрителей по телефону. В общем, по французскому телевидению есть что послушать и что посмотреть. Но если бы оно было только французское! Из США хлынули на телеэкраны полицейские сериалы, фильмы ужасов и такое «порно», которое заставит покраснеть даже павиана. Журнал «Пуэн» подсчитал, что только за одну неделю по французскому телевидению по шести основным каналам показывают до 670 убийств, 15 изнасилований, 848 драк, 419 поджогов и взрывов, 14 похищений, 11 грабежей, 8 самоубийств, 32 взятия заложников, 27 сцен пыток, 18 сцен применения наркотиков и 9 выбросов из окна, 13 сцен удушения жертв. На 11 военных сражений пришлось столько же стриптизов и 20 откровенно порнографических эпизодов. Добавьте к этому регулярные кошмары, которые идут в сериях фильмов ужасов, где натурализм доведен до такой степени, что их можно «принимать» вместо рвотного. Порнография окончательно утвердилась в правах на платном «Канале плюс», одном из самых популярных в стране. Там регулярно в ночное время демонстрируются порнофильмы. По сравнению с этой продукцией фильмы вроде «Любовник леди Чаттерлей» с Сильвией Кристель, исполнительницей главной роли в фильме «Эмануэль», кажутся «мягкой эротикой». По телепрограмме «ТФ-1» раз в неделю либо идет передача типа «Сексуальные забавы», либо обсуждаются проблемы секса. По каналу М-6 идут «Эротические клипы» и занудно эротические фильмы. Все это, увы, знакомо теперь и нам по российскому телевидению, особенно кабельному.

Меньше всего от телевидения защищены дети. И от эротических сцен, которые можно увидеть по телевидению в любое время дня и ночи, и особенно от насилия. В последнее время на французский телеэкран хлынули японские мультфильмы, где насилие просто возведено в абсолют, а самурайские ценности — в высшую человеческую доблесть. Комментируя это нашествие, известный детский психолог Лилиан Л. Люрса говорит: «В японских фильмах образ мальчика смоделирован как образ воина, что соответствует японской традиции, культуре, основанной на войне. Девочке отводится доля постоянного подчинения. Неизбежно эти фильмы проповедуют насилие. Даже в мультфильмах про волейбол человеческое исчезает. Остается одна жестокость. Эти фильмы, которые в пять-десять раз дешевле, чем производящиеся в других странах, оставляют страшные следы

в детских душах. Особенно у детей от двух до шести лет, в тот период, когда формируются личность будущего человека и гражданина, его отношение к жизни и к людям».

Телевидение, да и радио, как оказалось, поощряют пассивное восприятие. Чего напрягаться читать, когда можно просто сидеть, и смотреть, и слушать. И вот результат, конечно, не только по вине развития современных массовых коммуникаций: 3 миллиона французов вообще не умеют ни читать, ни писать. Впрочем, трое из каждых четырех французов читают в среднем одну книгу в год.

Что же читают? Опрос общественного мнения, проведенный детскими журналами и еженедельником «Эвенман ди жеди», показал, что больше всего книг во Франции читают дети. До двух книг в месяц — 37,8 процента, от 3 до 5 книг — 41 процент и более пяти — 21,2 процента. Это, не считая журналов и сборников комиксов. Опрос среди взрослых показал, что 63,3 процента французов предпочитают покупать романы, 33 процента — повести и 21 процент — документальные произведения. На последнем месте по популярности у покупателей книг стоят атласы и словари — 5,8 процента.

Наибольшим успехом у всех трех поколений французских читателей пользуется Виктор Гюго. За ним следует Жюль Верн, Агата Кристи, графиня Сегюр и Александр Дюма. О соотношении начитанности и культуры по этим цифрам судить трудно. Но есть и такие вот данные: 25 процентов французов считают, что Солнце вращается вокруг Земли; 21 процент уверен, что инопланетяне регулярно появляются на нашей планете; 90 процентов населения Франции знают свой знак Зодиака и более-менее регулярно сверяются с предсказаниями астрологов; 8 миллионов прибегают к услугам ясновидящих и прочих предсказателей...

Статистика, конечно, не рождается на пустом месте. Она отражает целую гамму явлений — экономических, социальных, демографических, исторических и не в последнюю очередь национальный характер. А он, в свою очередь, формируется под влиянием всех этих и множества других факторов. В 1800 году французов было лишь 28,7 миллиона. Несмотря на многочисленные войны, в том числе Наполеоновские и две мировые, за двести с лишним лет население страны выросло почти вдвое, хотя женщин до сих пор примерно на 1,5 миллиона больше, чем мужчин. По всем подсчетам, к 2075 году дефицит французов на нашей планете не восполнится: их будет в лучшем случае всего миллионов 60. Рождаемость низкая, хотя и более высокая, чем в России, и она падает из года в год.

Несмотря на многочисленные программы поощрения рождаемости, субсидии беременным, пособия многодетным, во Франции в среднем

производится 170 тысяч добровольных аборт в год. Причины, по которым француженки не торопятся спасти Францию от грозящей ей демографической катастрофы, многочисленны. Но одна из них очевидна: взлеты и падения на графиках рождаемости почти буквально совпадают с подъемами и спадами в экономике. Неуверенность в завтрашнем дне, постоянные угрозы потери работы (в стране постоянно не меньше миллиона зарегистрированных безработных, а фактически их в два-три раза больше), боязнь войны (53 процента француженок боятся наступления 2014 года, на который приходится по предсказаниям астрологов космическая катастрофа, 25 процентов населения все еще считают, что война неизбежна), терроризма — вот, пожалуй, причины главные.

Хотя 81 процент французов считает, что «семья — основа общества», в брак они вступать не торопятся. И женятся и рожают поздно. 13 миллионов французов жалуются на одиночество. В стране 7,6 миллиона холостяков в возрасте от 20 и более лет. 1, 5 миллиона — разведены. 4 миллиона (80 процентов — женщины) — вдовствуют. 48 процентов парижских «домашних хозяйств» состоят из одного человека.

... 768 тысяч французов появились на свет в 1985 году. Что их ждет? Как они выглядят? Чем предпочтут заниматься в жизни, и какие у них сложатся привычки? Статистика и здесь помогает составить прогноз. Средняя продолжительность жизни во Франции для мужчин 70,4 года, а для женщин — 78,4. За сто последних лет нация подросла. Мужчины — на 7 сантиметров, их средний рост составляет 1,72 метра, а женщины на 5 сантиметров — 1,6 метра. Но французы продолжают появляться на свет миниатюрными, как куклы. И когда жена одного советского дипломата родила в Париже мальчика весом 4,5 килограмма, что для нас в общем-то довольно обычно, на это чудо сбежался смотреть весь госпиталь. Средний французский ребенок достигает веса в 6 килограммов только к 9—10 месяцам. Видно, сказывается всеобщее увлечение француженок диетой. В статистике это выглядит соответственно: с 1970 года женщины в среднем похудели на 600 граммов, их средний вес не превышает 60 килограммов, причем француженки, видимо, намерены тощать и впредь. 45 процентов из них считают, что у них лишний вес и его надо бы сбросить.

Однако даже визуальное знакомство с достижениями француженок по этой части показывает, что особых успехов они здесь не добиваются. Какими бы миниатюрными ни были манекенщицы, как бы эфирно ни выглядели, французский мужчина, если он только полноценен, в женщине ценит прежде всего традиционные достоинства. Поэтому у символа Франции — Марианны, для которой позировали и Брижит Бардо, и Мирей Матье, и да мало ли еще кто, бюст столь же крепок и высок, как и у юных

русалок, без стеснения демонстрирующих свою грудь на всех пляжах Франции.

Но вот к старости господин и госпожа Дюпон, в отличие от американцев и американок, редко достигают таких габаритов, под которые не подберешь ни одного платья даже в магазине фирмы «Толстяк». Полнота здесь признак вовсе не обеспеченности (это у нас только от Азии пошло, что «полная» и «упитанная» — синонимы), а, наоборот, бедности. Чтобы поддерживать себя в форме, нужно соответственно и питаться, вводить в ежедневное меню соки, фрукты, овощи, легкое, без жира, мясо, разную рыбу, моллюсков и дичь, обезжиренные молочные продукты и т. д. и т. п. А это стоит недешево. Биопродукты по цене в полтора-два раза дороже, чем такие же в супермаркете.

Я уже не говорю о кремах и лосьонах для похудения, особом мыле для более изящных бедер и шампунях для упругости живота. Все это, понятно, требует денег, специальных статей в семейном бюджете, к которому французы относятся с величайшим почтением. В каждой семье он разный, соответственно доходам и социальному положению, но счет деньгам знает каждый француз. Раз уж речь зашла о доходах, оговоримся: тут термин «средний француз» не подходит. Статистика всегда превращается, по известному выражению, в «великого лжеца», как только принимается усреднять доходы бедных и богатей.

Реальная картина такова. Всего 1 процент французов владеет 30 процентами национального богатства, а 10 процентов — 60 процентами того же богатства. Причем львиная доля принадлежит 1 030 самым богатым людям. Во Франции 16 миллиардеров и 100 тысяч крупных семейных состояний, обладатели которых и составляют те самые сверхпривилегированные 10 процентов.

10 же процентов самых бедных семей обладают всего 0,03 процента национального богатства.

Между этими двумя полюсами чудовищного богатства и крайней бедности существует своего рода «слоеный пирог» социального неравенства. Если состояние наследника авиационной империи Марселя Дассо, его сына Сержа Дассо оценивается в 7–7,5 миллиарда франков, а банкира Э. Ротшильда — в 2,5 миллиарда франков, то никому не известный месть Дюпон, оказавшийся в самом низу социальной пирамиды французского общества, живет от зарплаты к зарплате и до конца своей жизни выплачивает бесконечные кредиты.

1 процент французов зарабатывает свыше 100 тысяч евро в месяц. А 15 процентов французов получают доход вдвое меньше среднего на душу населения и, по оценкам Европейской экономической комиссии, живут ниже

уровня бедности. Их ни много ни мало 8 миллионов человек. Около миллиона из них, в основном это иммигранты, ведут просто полуголодное существование. Но есть и весьма внушительный, обеспеченный «средний слой». Появление его обусловлено переменами в структуре активного населения Франции. Картина такова: 60 процентов работающих французов заняты в административно-управленческой сфере, научной, системе образования, сфере обслуживания, 32,2 процента — в промышленности и лишь 7,8 процента — в сельском хозяйстве. Высшая шкала доходов приходится как раз на первые 60 процентов. Там сосредоточено наибольшее количество специалистов с высшим образованием (всего 7,5 процента населения Франции имеет дипломы вузов). Это категория привилегированная, доходы которой в пять-шесть раз, а у руководителей предприятий в десятки раз — выше, чем у рядовых работников. Поэтому месяце Дюпон во всей своей многоликости протягивает ножки по одежке. В среднестатистическом варианте это выглядит так. В типичном семейном бюджете французов 21,1 процента расходов идет на питание, 6,3 процента — на приобретение одежды, 17,5 процента — на оплату жилья, 9 процентов на приобретение предметов домашнего обихода. Расходы на врачей и лекарства составляют 13,2 процента, на транспорт — 13,8 процента, на развлечения — 6,4 процента и другие нужды — 12,7 процента.

Если питаться в семье, а на работу брать бутерброды, что во Франции в общем-то не принято, то можно на еде сэкономить. Питание относительно дешево, особенно фрукты, овощи, молочные продукты, хлеб. Мясо уже дороже — по рыночным ценам, которые, как правило, ниже цены в больших универсамах, говядина стоит от 10 до 30 евро за килограмм в зависимости от сорта. Но месяце Дюпон «прогорает» во время обеденного перерыва, когда обедает в брассери или дешевом ресторане. А если он еще и вечером посидит там с друзьями, то в бюджете у него тут же образуется весьма заметная брешь.

Статья расходов на одежду постоянно сокращается. Объясняется это не только равнодушием к моде (лишь пять процентов французов следит за ней внимательно, а 52 процента почти или вовсе не обращают внимания, как они одеты), но и дороговизной. Часто в Париже и других городах можно увидеть внешне явно небедных людей, роющихся в «развалах» одежды на распродажах в поисках чего подешевле. Особенно трудно одевать детей: детские джинсики, например, даже если они пошиты на ребенка трех лет, стоят столько же, сколько «взрослые», а платьице для девочки пяти-шести лет — столько же, сколько платье для мамы.

Многие мужчины во Франции имеют всего лишь один костюм, пару рубашек «на выход» и куртку на непогоду. А так чаще — джинсы, майка,

свитерок. Шапок и дубленок, как правило, французы не покупают: зима здесь мягкая. И только в последнее время, когда зачастили морозы многие стали запасаться шапками, причем в моде наши армейские ушанки, и теплыми шарфами.

Квартиру снять, особенно в Париже, и сложно, и дорого. В зависимости от престижности района однокомнатные квартиры дешевле, чем за 400–500 евро в месяц не снимешь. В пригородах подешевле, но там француз, если он работает в Париже либо другом большом городе, прогорает на транспорте.

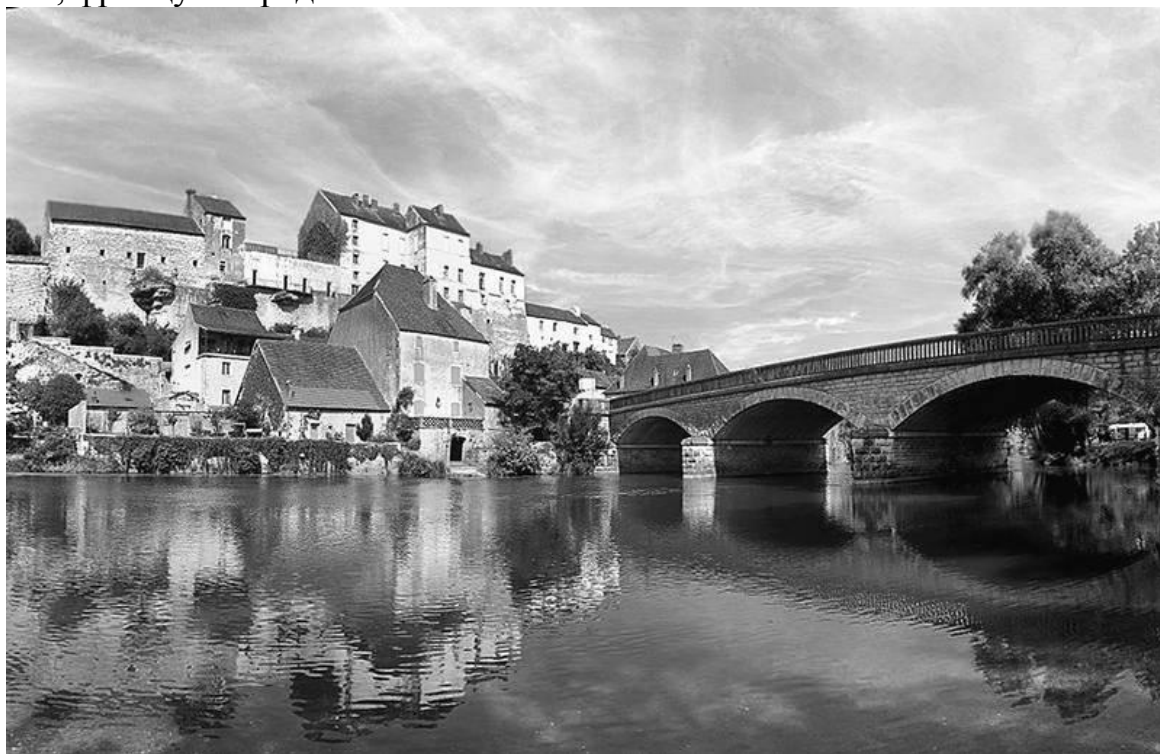
Расходы на лечение выросли во Франции за 12 лет — с 1974 по 1986 год — в шесть раз, а с 1986 по 2002 — втрое. И если бы не довольно мощная система социального страхования, месье Дюпон просто разорился бы. Простой визит к врачу-специалисту обходится в 50–60 евро. Во столько же и установка одной пломбы на зуб без удаления нерва. Только на лекарства французы тратят около 250 евро в среднем в год на человека. Для сравнения укажем, что минимальная заработная плата достигла во Франции к началу XXI века 1 тысячи евро, а минимальное пособие по безработице — 500 евро в месяц.

Стремление сэкономить каждый сантиметр, приобрести что-то в дом, просто свести концы с концами приводит и к тому, что французы становятся домоседами. Только 49 процентов говорят, что раз в год бывают в кино, 21 процент — на концертах, лишь 15 процентов раз в год бывают в театре. То же и с путешествиями. Несмотря на то, что во Франции насчитывается около 25 миллионов автомобилей (правда, большинство из них «в возрасте» от 5 до 20 лет), 54 процента французов никогда не покидают дома на время уик-энда и только 20 процентов выезжают куда-нибудь раз в месяц. Бензин дорог, как и техобслуживание. К тому же на дорогах Франции, даже столь великолепно ухоженных и разветвленных, погибают около 10 тысяч человек в год.

Зачем рисковать, когда и дома хорошо? Тем более что дом, семья для француза — не только его крепость и тыл, но и едва ли не смысл существования. Иметь свой дом — мечта каждого. Во Франции 12 миллионов личных домов, в которых проживает 54 процента населения страны. Домоседство, а у многих и одиночество привели к тому, что во Франции в конце 90-х годов насчитывалось 33 миллиона домашних животных, из них 9 миллионов собак, 7 миллионов кошек, 9 миллионов птиц, два миллиона кроликов и т. д. Больше их в частных домах (80 процентов) и меньше — в квартирах. В год на содержание этой «второй Франции» идет 5 миллиардов евро. Вторая страсть французов — это разведение цветов, декоративных кустарников и тропических растений. Все это тоже обходится в немалую сумму, как и постоянное

«усовершенствование» среднефранцузского дома за счет новинок бытовой и электронной техники.

В том, что касается социального поведения месье Дюпона, то здесь детерминантой для него давно уже стало самосохранение. И в этом отношении современный француз, по классическому определению Александра Зиновьева, — идеальный «западноид». Как гражданин общества потребления, он, конечно, научился жить в кредит, но всегда будет стремиться выполнить завет Наполеона Бонапарта, который исповедовал нехитрую мудрость корсиканского крестьянина: «Для того чтобы быть счастливым, надо, прежде всего, не влезать в долги, а, во вторых, тратить не больше двух третей своего дохода, остальное откладывать. И уметь соизмерять свои вкусы и потребности со своими средствами...» Вот почему разговоры о деньгах и о том, как их зарабатывать, тратить и укрывать от налогов, французы предпочитают любой политике.

Иметь свой дом — мечта каждого. Во Франции 12 миллионов личных домов, в которых проживает 54 процента населения страны

Для нас откровения французов на эти темы часто кажутся скучными, потому что мы не понимаем, сколь важны для них финансовые проблемы самосохранения и благоденствия. Не знаем мы часто и просто о чем конкретно идет речь. Все эти банковские программы «P.E.L.» (план

накоплений на строительство жилья), «Р.Е.Р» (план личных накоплений) и т. д. для француза — это целая симфония, которая для нас звучит сплошным диссонансом. А уж что касается налоговых уверток, скидок и прочих ухищрений, то это целая Калевала, которую французы могут слушать ежевечерне, как дети сказку. Уровень жизни во Франции заметно вырос в 80-е и 90-е годы. Но поддерживать этот уровень, весьма высокий даже для Западной Европы, нелегко, и за это приходится платить не только деньгами. Жить в режиме самосохранения — дело нелегкое. За это нация платит своим здоровьем.

В психиатрических клиниках Франции постоянное население составляет 115 тысяч человек. Всего во Франции 1 300 тысяч умственно отсталых и психически больных, 20 миллионов французов страдают от бессонницы, 8 миллионов — от мигрени. Почти полмиллиона французов принимают наркотики регулярно. 12 тысяч человек ежегодно кончают жизнь самоубийством, а 150 тысяч французов предпринимают такие попытки каждый год. Франция держит первое место в мире по потреблению успокаивающих средств на душу населения.

Помимо нервных срывов, погоня за благополучием оборачивается и падением культурного уровня, элементарным невежеством. И это в стране, где компьютеризация почти стопроцентная, а бытовая электроника прочно вошла в быт миллионов.

Удивительное отсутствие интереса к внешнему миру (месье Дюпон предпочитает путешествовать по своей стране и мало ездит за границу туристом, даже когда имеет такую возможность, а если ездит, то в основном для того, чтобы убедиться, что во Франции все же лучше) странным образом сочетается с отсутствием познаний собственной культуры и истории. Французы ими гордятся, но в массе своей не знают. Вот результаты одного из опросов общественного мнения, проведенного в том самом «среднем слое», где месье Дюпон достаточно обеспечен всеми благами:

- Кто автор «Лунной сонаты»?
- Джон Леннон...
- Кто такой Роден?
- Мыслитель...
- Кто автор «Марсельезы»?
- Де Голль... Нет, кажется, Робеспьер.
- В каком году Гитлер пришел к власти?
- В 1605-м...

Невежество? Мягко говоря. Но оно тем не менее не мешает месье Дюпону чувствовать свое собственное превосходство над «всеми теми, кто не живет во Франции», и соответственно над всеми, кто не из его города, не

с его улицы, ну и не из его дома. Лично он уже в силу этого обстоятельства «абсолютно счастлив». По крайней мере, то же самое вместе с ним заявляют 85 процентов французов. Прибавьте к этому и такой фактор: как бы ему туго ни приходилось, месье Дюпон никогда не станет никому жаловаться. И на ни к чему не обязывающий вопрос: «Как твои дела?» всегда ответит: «Са ва». В приблизительном переводе это означает: «Все в порядке», а точнее — «В полном порядке».

«Искусство жить»

Меня поначалу очень удручали информационные программы французского телевидения. Они явно рассчитаны на людей, которых, кроме Франции и сугубо французских проблем, ничего больше не интересует. О России, например, в теленовостях можно вообще ничего не услышать неделями.

Французы, действительно, мало озабочены тем, что происходит вне их «шестиугольника», как они называют Францию. Лучший комплимент, который они дали президенту Франсуа Миттерану, был такой: «Он очень шестиуголен». «Для англичанина, американца, русского поле деятельности — это весь мир, — писал французский историк XIX века Жюль Мишле. — Только мы, французы, такой «благоразумный» народ, что сидим на одном и том же месте, если нас не оденут по-солдатски. Мы живем там, где родились...» Со времен Мишле в менталитете нации на этот счет мало что переменялось. Французы не любят отдыхать за границей, предпочитая проводить каникулы и отпуска у себя на родине, где, может быть, и скучновато отдыхать, но зато удобно. Нигде лучше, чем во Франции, не поешь. Нигде нет такого хорошего вина. И что может сравниться по комфорту и скорости передвижения с французским скоростным поездом ТЖВ?! И где вы отыщете более надежные автотрассы? И, наконец, во Франции можно отдохнуть совсем недорого, подобрав себе по вкусу и средствам любое место отдыха. Французам, действительно, повезло. Климат мягкий. Снег, если и выпадает в Париже, то раз в десять лет. Атлантический океан — от Ла Манша до Испании, где есть все: и скалы, и дюны, и серф в Биаррице, не хуже, чем на Гавайях, и рыбалка, круглый год океан достаточно теплый, чтобы в нем можно было искупаться даже на Новый год. С юга — теплое Средиземное море, прекрасные пляжи Лазурного берега и Корсики. Хотите в горы — есть Французские Альпы, Пиренеи и Юра. По грибы — под Парижем в лесу Рамбуйе и в лесах Фонтенбло такие белые, такие подосиновики и лисички, что залюбуешься.

На отдыхе французы хотят получить не только тот же уровень жизни, что и во Франции, но и то, что несет в себе понятие «*ambiance*». Это — в весьма приблизительном переводе «атмосфера заведения, его дух и комфорт и подбор посетителей». Короче, это нечто уникальное, нигде, кроме Франции, не повторяющееся. Одна моя московская знакомая, когда я пустился в рассуждения на эти темы, принялась меня осаждать вопросами: «Ну скажи мне, чего такого у нас в Москве нет, что есть во Франции? Духи

от «Нины Риччи»? Залейся! Костюмы от Кардена и Ив-Сен Лорана, от Версачи и Диора! Французские коньяки, вина! Чего только нет!» Я мог лишь ответить ей, что в Москве нет Парижа. Но самое главное, чего нет и, думаю, не будет ни в России, ни в любой другой стране мира, так это уникального французского «art de vivre», т. е. искусства жить.

... Я сидел за столиком расположившегося под открытым небом кафе на Пляс де Комеди, куда в наши дни переместился променад Монпелье. Бродячие музыканты играли Стравинского на гитарах в четыре руки... Затем их сменил бородатый саксофонист, добрый час игравший композиции Чарльза Паркера. Музыка не умолкала до утра. Развлекая туристов, музыканты зарабатывают себе на жизнь. А заодно — рядом с ними — делают свой бизнес владельцы маленьких и больших кафе.

Кажется, что эта праздная публика вообще никогда не работала и работать не собирается. Так безмятежно и вальяжно сидят за столиками, а то и прямо на мостовой Пляс де Комеди люди всех возрастов и, наверное, всех возможных во Франции взглядов и убеждений. Кто-то из них вернется домой вовремя, кто-то под утро. Кто-то отправится спать в гостиницу, а кто-то прикорнет прямо у фонтана либо в сквере поблизости и проспит, прикрывшись чем бог послал, пока не разбудят его первые дворники. И так не только в субботу и воскресенье — каждую ночь. Это подметил еще Фонвизин и... не одобрил.

«Слушаться рассудка и во всем прибегать к его суду — скучно; а французы скуки терпеть не могут. Чего не делают они, чтобы избежать скуки, то есть, чтоб ничего не делать! И действительно, всякий день здесь праздник. Видя с утра до ночи бесчисленное множество людей в непрерывной праздности, удивиться надобно, когда что здесь делается. Все столько любят забавы, сколько труды ненавидят; а особливо черной работы народ терпеть не может...»

Для многих иностранцев, бывавших либо живущих во Франции, эти слова Фонвизина будто сегодня написаны. Не от одного я слышал: «И когда они только работают?» Что поделаешь! Одним нравится «праздник, который всегда с тобой» (так называл Париж Э. Хемингуэй), а другим он надоедает в первый же вечер и в дальнейшем ничего, кроме раздражения, не вызывает. Люди разные, и соответственное у них восприятие. Эмоциональное к тому же, скажем, впечатление вечного гулянья на Пляс де Комеди в Монпелье или на Елисейских полях в Париже, я уже не говорю об Английском променаде в Ницце можно подкрепить и статистикой.

Виктор Шерер, например, автор нашумевшей книги «Ленивая Франция», а заодно крупный предприниматель, привел массу данных, которые вроде бы и подтверждают заголовок его исследования на все сто

процентов. Шерер подсчитал, что во французском агропроме, включающем производство сельхозпродуктов, работают на 330 часов в год меньше, чем в американском агробизнесе, то есть фактически на два месяца меньше! И если среди строительных рабочих в Японии абсентизм составляет всего 2 процента, то во Франции рабочие той же специальности прогуливают по 20 дней в году, и абсентизм, таким образом, достигает здесь 10 процентов. Какую сферу промышленности или сельского хозяйства ни возьми, по Шереру, подумается, что французы работают намного меньше своих зарубежных коллег. Одного только не объяснил озабоченный предприниматель, каким это образом столь «ленивые» французские крестьяне умудряются заваливать своей продукцией не только французский, но и европейский рынок, да так, что против них вынуждены принимать специальные ограничительные меры в Евросоюзе, да и в США возводят специальные таможенные барьеры. А как при столь широко распространенном «разгильдяйстве» Франция сумела стать единственной в Западной Европе космической державой, вышла на самые передовые рубежи в авиастроении и автомобильной промышленности, строительстве и обустройстве дорог, фармацевтике и точном приборостроении... Да разве все перечтешь!

Фонвизин, несомненно, прав в том, что французы, действительно, обожают праздники и посещают всякие торжества, особенно бесплатные, как дисциплинированная бабушка — родительские собрания в школе внука. Сколько у французов праздников, подсчитать я не берусь. Знаю только, что великое множество. Если официального праздника нет, его придумают. У виноделов свои праздники, у пекарей и сыроваров — свои. То же самое — у рыбаков и фермеров, производящих оливковое масло. Практически каждый день связан либо с именем какого-то святого и соответственно празднуется, либо с каким-либо историческим событием, имеющим значение для всей Франции, отдельного региона, города, поселка. Часто — особенно летом — такие локальные праздники идут по несколько дней кряду, сопровождаемые фейерверками, представлениями. Многие христианские праздники схожи с нашими, православными, хотя и в разное время отмечаются, — Пасха, Троица, Рождество...

6 января справляется религиозный праздник Эпифания. В этот день по всей Франции булочники пекут «королевские галеты» из слоеного теста. Их начиняют миндалем. Пекут также пироги с запеченными бобами или вкладывают в пирог какую-нибудь статуэтку с короной на голове. После обеда в семье пирог делят между всеми его участниками, и тому, кому попадается кусок с «начинкой», предоставляется право стать королем или королевой на один день.

2 февраля — праздник Шанделер. В этот день по традиции пекут блины. И каждый член семьи должен, держа золотую монету или несколько банкнот в одной руке, перекинуть через руку блин. Если это удастся, то, значит, целый год в семье будет достаток, будут деньги. Похож на этот праздник и «жирный вторник», предшествующий предпоследнему дню масленицы. В этот день можно увидеть на улицах детей в карнавальных костюмах. И по этому случаю пекут блины.

14 февраля — день Святого Валентина, День всех влюбленных. Надо дарить красные сердечки любимым и все, что любимые любят.

1 апреля — очень древний Праздник дураков. По традиции в этот день надо разыгрывать друзей и постараться прикрепить рыбку из бумаги на одежду того, над кем подшучиваешь, чтобы он этого не заметил.

1 мая отмечается Праздник труда. Это нерабочий день. По традиции 1 мая французы дарят друг другу ландыши на счастье и в знак любви. Каждый может в этот день стать продавцом ландышей, без всякой лицензии на торговлю. Кажется, что торгуют в этот день все.

8 мая празднуется День Победы над гитлеровской Германией. В этот день возлагаются венки к памятникам павшим, к могилам борцов с фашизмом в Булонском лесу, где накануне освобождения Парижа были расстреляны бойцы Сопротивления, проводится траурный митинг. Всегда в этот день французы украшают цветами и могилы советских людей, сражавшихся и погибших во Франции.

В конце мая или в начале июня отмечается «праздник матерей». Дети сами делают подарки для своих мам, часто в школе, а мужья покупают женам подарки и цветы. Через четыре недели после этого отмечается «праздник отцов». Любопытно, что во всех парижских универмагах и маленьких лавочках к этим дням специально готовятся подарки, одежда для пожилых людей, сувенирные букетики и пр.

14 июля — национальный праздник Франции, отмечающей День взятия Бастилии и Великую Французскую революцию 1789 года. В этот день проходят народные гулянья, гремит салют, повсюду устраиваются концерты, лотереи, ярмарки. Непременно по Елисейским полям проходит военный парад, который принимают президент и премьер-министр республики.

1 ноября французы отмечают День всех святых, когда по традиции все едут на кладбище и возлагают хризантемы на могилы родных и близких.

2 ноября справляют День перемирия, когда было подписано перемирие, положившее конец первой мировой войне 1914–1918 годов.

25 ноября французы, а точнее француженки, отмечают очень трогательный праздник «Святой Катрины». Это день рабочий. Но угадать его просто: с утра молодые, незамужние женщины, достигшие 25 лет,

надевают желтые или зеленые береты, чтобы привлечь внимание поклонников. Эту традицию, кстати, чтут все мастерские и дома мод.

4 декабря — День несовершеннолетних. Это детский праздник. Все родители обязательно дарят в этот день своим детям подарки.

Рождество Христово в конце декабря. Это веселый семейный праздник, который принято проводить с детьми и ближайшими родственниками. Типичное меню рождественского ужина для тех, конечно, у кого есть на это средства, — устрицы и гусиная печенка. На следующий день — гусь или фаршированная индейка.

31 декабря встречают Новый год обычно не дома, как на Рождество, а в ресторане, с друзьями. Во всех ресторанах специальное меню. Места заказываются заранее. С полуночи и до трех часов утра толпы людей в Париже гуляют по Елисейским полям, распивают прямо на улице шампанское (единственный день в году, когда это позволено) и пристают ко всем с предложением расцеловаться.

С 19 декабря по самое начало января идет кампания отправления поздравительных открыток. Дарятся подарки. Обычно более крупные и дорогие, чем на Новый год. В этот день обязательно нужно что-нибудь подарить консьержу дома, в котором живешь.

Но это все по календарю. Чаше французы сами себе придумывают праздники.

... В день седьмого парижского Праздника музыки газеты и радио с утра предупреждали водителей: в центр, в район Люксембургского сада, Эйфелевой башни и площади Трокадеро, в Латинский квартал, особенно на бульвары Сен-Мишель и Сен-Жермен-де-Пре, лучше ехать вечером, не на машине, а на метро.

Я не внял совету — поехал на машине и уже на Елисейских полях убедился, что сделал ошибку. Весь Париж высыпал на улицы. Под каштанами на Елисейских, на небольшой эстраде, подсвеченной розовым светом, выступали танцоры из Египта. На площади Оперы, прямо на ступеньках знаменитого оперного театра, построенного Шарлем Гарнье, профессиональные певцы пели хором вместе с прохожими, и, естественно, весь поток машин встал послушать. Невозможно было пробиться к набережным Сены ни через площадь Согласия, ни через улицу Лувра: там выступала популярнейшая антильская группа «Кассав». А что творилось на Трокадеро! У Эйфелевой башни! Лазерные лучи выписывали фантастические картины в небе, переплетаясь со струями фонтанов и звуками органной музыки. В эту симфонию воды и цвета, музыки и электроники врвался то и дело фейерверк, расцвечивая небо над Парижем. На площади Троицы поклонники рок-н-ролла пели старые шлягеры Джонни

Холидея, а за тридцать километров от них, в Версале, на площади, название которой переводится как «Армии Короля-Солнца», фейерверком открыл свои гастроли «король» современного рока Пинк Флойд. 25 европейских стран, артисты из Канады, США, Египта, Индонезии, Ирака, Иордании, Гвинеи, Ганы и Венесуэлы участвовали в празднике, который с каждым годом привлекает все больше и больше людей. С легкой руки французов он стал международным и отмечается в 60 странах на 4 континентах. Его лозунг прекрасен: «Принесем музыку в каждый дом, на каждую улицу, на каждое рабочее место!»

Вид на площадь Трокадеро с Эйфелевой башни. Название площадь получила от Холма Трокадеро, на котором расположена, а он, в свою очередь удостоился им в честь победы французов в 1823 году при осаде форта Трокадеро, принадлежащего испанцам

Только ли зрелища ради он проводится? Нет, есть цели и чисто практические, хотя и возвышенные. Французы — дотошные люди. С помощью своей отлично налаженной службы социологических исследований они выявили, что вопреки широко распространенному мнению месье Дюпон не столь уж и большой знаток музыки и далеко не часто поет.

Цифры же вот какие. Лишь в 36,6 процента семей есть хотя бы один музыкальный инструмент. Лишь 15,5 процента французов заявили, что они поют довольно часто, при этом чаще всего это либо молодежь 20–24 лет, либо те, кому за 60, за 70. Парижане, как выяснилось, самые певучие: в провинции поют реже. Наверное, потому и выбор праздника пал именно на Париж.

Выяснили социологи и кого французы знают из классиков. Оказалось, что 45 процентов французов знают имя Бетховена, 37 процентов — Моцарта, 23 процента — Шопена, 22 процента — Баха, 15 процентов — Шуберта, 13 процентов — Листа, 9 процентов — Вагнера, 8 процентов — Вивальди, 7 процентов — Брамса, по 6 процентов пришлось на Равеля и Верди, Шумана и Чайковского. Но самое интересное, что французские композиторы во Франции как раз меньше всего и известны. Всего 7 процентов опрошенных несколько лет назад знали Берлиоза, 6 процентов — Равеля, 5 процентов — Дебюсси и всего 1 процент — Бизе. В чем тут дело? Как выяснилось, в довольно ограниченном числе слушателей классической музыки. Лишь 4,2 процента французов посещают концерты симфонических оркестров более-менее регулярно. А об опере и говорить не приходится — это удовольствие весьма дорогое. Тем не менее театры с классическим музыкальным репертуаром не пустуют. В среднем, в ходе театрального сезона, во Франции показывают до 600 оперных спектаклей, 952 драмы и комедии, 76 оперетт, 703 балетных спектакля. В целом эти спектакля посещают около 2 миллионов человек. Неплохо вроде бы. Но, увы, статистические показатели здесь улучшают не французы, а многочисленные туристы и живущие подолгу во Франции иностранцы.

... В день седьмого Праздника музыки гигантской сценой стала вся столица Франции. Театр по имени «Париж» посетили миллионы зрителей. Праздник открылся исполнением Пятой симфонии Шуберта, а вот что было исполнено под финал, сказать трудно. Праздник закончился с рассветом.

В полночь по традиции мы дарили друг другу подарки. Заранее запаслись? Да нет! Подошел уличный торговец. На руке у него висели светящиеся нитки, на каждой из которых, переливаясь, мерцала нота до. Ну как было не купить?!

Французы, кстати, обожают делать подарки и, конечно, еще больше их получать. Для этого создана целая индустрия, сеть специальных магазинов, где все так уложат и завернут, что и пустячок покажется шкатулкой из пещеры с Острова сокровищ. Французы, надо признать, и умеют принимать подарки, не благодаря униженно, а всегда с достоинством, не визжа от восторга, что бы ни подарили...

Народный характер не поддается проверке логикой и статистикой, что справедливо для любого народа. И то, и другое годно лишь для подтверждения каких-то закономерностей, и только. Как-то раз я увидел в Париже рекламу, которая вдруг неожиданно помогла мне понять то, что раньше, мягко говоря, озадачивало. На рекламном щите, разделенном надвое, были изображены две женщины. Одна — в синей блузе, с решительным выражением лица, со щеткой в руке и с таким напряжением во всей мужеподобной фигуре, что ясно было: костью ляжет, но то, что ей поручено вычистить (а рекламировалось как раз средство для очистки кафеля и эмалированных раковин), вычистит. Это подтверждала и надпись, осуждающая не столько женщину в блузе, сколько некий безымянный порошок для чистки: «Без удовольствия и с напряжением». Прямо как в известной песне ансамбля «Наутилус Помпилиус» про нас: «Здесь женщины ищут, но находят лишь старость. Здесь мерилom работы считают усталость». Из другой половинки рекламы смотрела кокетливая «типичная француженка», уже «почистившая перышки», хорошо причесанная и загримированная. Она тоже держала в руке порошок, но только тот, который соответствовал и надписи, и ее французскому характеру: «Без напряжения и с удовольствием!»

Суть французского подхода к любой работе, видимо, определяется таким понятием, как «искусство жить», о котором кратко упоминал и Фонвизин. Французское «искусство жить» совсем не имеет ничего общего с принятым у нас понятием «умение жить», в которое, как правило, мы вкладываем подтекст отрицательный. Во Франции это, прежде всего, искусство получать от жизни максимум удовольствия, уметь наслаждаться ею во всех аспектах и проявлениях. Человек, обладающий этим искусством, должен, прежде всего, обладать хорошим вкусом во всем. Это и умение подать себя, со вкусом одеться и обставить соответственно свою квартиру, обустроить свой загородный дом и сад. В этом причина огромной популярности многочисленных иллюстрированных журналов мод, альманахов с описанием интерьеров и наставлений по дизайну.

Во Франции ежегодно проводится конкурс на звание «Лучший рабочий». На коньячном заводе Камю в городе Коньяк меня познакомили с лауреатом этого конкурса 1995 года. Им оказался работающий у Камю бочар, мастер по производству и ремонту дубовых бочек для выдержки и хранения знаменитого коньяка. Ему платят, как хорошему инженеру, потому что таких специалистов — по пальцам перечесть. Платят за искусную работу.

Только во Франции, где мастерство кулинара достигло степени искусства, могли выбрать действительным членом Французской академии

профессора кулинарии и известного шефа-повара. В роскошных французских ресторанах, таких, как «Тур даржан» в Париже или «Усто Боманьер» неподалеку от Нима шеф-повар работает над каждым блюдом, как художник над полотном. Шедевры французской кухни — это действительно плод вдохновения и творчества.

В искусство жить входит и умение вкусно поесть и выпить. Отсюда бесконечное, бесприкрыто раздражающее иностранцев обсуждение меню в ресторанах, которое непременно сопровождает любой званый обед вне дома. Француз обсудит все. И совпадает ли паштет с горячим, и какой лучше попросить соус, а также как поджарить хлеб. Как лучше всего подать и приготовить мясо: хорошо прожаренным, средне или с кровью, на медленном огне или быстром, на сковородке или на гриле. Ну а уж когда дело дойдет до того, каким это все вином запивать, как тут вообще разворачиваются дебаты, как на римском Форуме. У каждого уважающего себя француза непременно есть табличка (ее обычно дают постоянным клиентам во всех винных погребах и магазинах бесплатно), на которой указаны сорта вин и годы, в которые они наилучшим образом удались. Сверившись с ней и снова поспорив, выберут, наконец, и вино, соблюдая все правила и тонкости: белое «Шабли» или «Пуйи фюме» — к устрицам, розовое анжуйское — с филе утиной грудки, а вот красное божоле, бургундское либо бордо, так это только с мясом. Да и то не со всяким. К бифштексу — одно, к мясу в «рокфоре» — другое, а с трюфелями, так третье. В особо дорогих ресторанах в подобной дискуссии, а обычно в таких заведениях роскошные винные погреба, непременно примет участие и «сомелье», т. е. знаток и дегустатор вин. Отдельно проконсультирует желающих отведать сыры и «фромажье», а кондитер-специалист по десертам даст исчерпывающую информацию, что из сладкого лучше взять в зависимости от того, что съедено в виде закусок и горячего и что под это выпито.

Официанты и метрдотели воспринимают это все, как должное, никого не торопят и играют свою роль в этом ежедневном спектакле «Красиво жить не запретишь», помогая советом и поясняя, если требуется, что скрывается за цветастыми названиями фирменных блюд. Идет, по сути дела, игра по имени «Искусство жить». За свои деньги и время человек имеет право получить стопроцентное удовольствие, выбрав то, что соответствует его представлению об этом уникальном искусстве. И нет для француза большей награды, чем подтверждение приглашенным гостем того, что обед прошел, действительно, на высоком уровне и что все было «comme il faut», т. е. так, как и положено. Французы редко приглашают гостей в рестораны высокой кулинарии, ибо это далеко не всем по карману. Но уж если приглашают, то

подходят к этому делу, как хороший режиссер к постановке произведения классика, стремясь при этом не только доставить удовольствие гостю, но и получить его самому. Конечно, в этом много показухи и «понта», но без этого нет француза. Писатель XIX века Жан Альфонс Карр достаточно откровенно писал о своих соотечественниках: «Французы не очень-то тратятся на то, чтобы быть довольными и веселыми, но готовы разориться, чтобы казаться довольными и заставлять думать других, что веселятся; при этом они поглядывают по сторонам, чтобы видеть, смотрят ли на них».

Так, кстати, во всем. Я поражаюсь, когда видел французов, выпускающих рыбу в водоем обратно после рыбалки. И какую! Но ведь именно в этом и заключается искусство жить. Получить удовольствие, продемонстрировать свою рыбацкую сноровку и экипировку, а потом, даже если любишь рыбку, преодолеть себя и показать, что не жаден, что можешь взять из улова одну-две (для кошки), а остальное выпускаешь, чтобы соблюсти принцип: «Живи сам и давай жить другим!» Так в любой забаве, в учебе, в работе. Французы, действительно, не любят трудной, грязной и монотонной работы. Ну а кто ее такую любит? Но зато залюбуешься, когдамотришь, как четко и быстро, словно с кем-то соревнуясь, делает свою работу специалист. Именно специалист, потому что во Франции издавна привит вкус к высококвалифицированной работе, такому труду, где есть возможность проявить себя в полном блеске и, значит, показать тем самым, что ты овладел своей профессией, как «искусством жить».

Даже к своим политическим лидерам, к выборам и вообще политическому процессу французы подходят с той же самой меркой. Рассуждая об этом искусстве, Фонвизин заметил, что во Франции «нет вернее способа прослыть навек дураком, потерять репутацию, погибнуть невозвратно, как если, например, спросить при людях пить между обедом и ужином. Кто не согласится скорее умереть с жажды, нежели, напившись, влачить в презрении остаток своей жизни? Сии мелочи составляют целую науку, занимающую время и умы большей части путешественников. Они тем ревностнее в нее углубляются, что живут между нацией, где Ridicule всего страшнее». Это Фонвизин подмечает удивительно точно, ибо прослыть смешным, не умеющим себя вести, не знающим приличий в любой среде во Франции — от «высшего света» до рабочего пригорода — одинаково позорно и по сей день, ибо означает расписаться в непонимании искусства жить. Ну а куда, спрашивается, с такой репутацией? Конечно, все это само по себе не приходит. Этому учатся. И главное — этому учат.

У вас Ridicule

Если не брать раздела «наши достижения», то современная статистика вряд ли польстит французскому обществу. И, быть может, поэтому многие мои коллеги во Франции предпочитают ее не замечать, превознося достоинства своей нации. Помню, вскоре после того, как я начал работать в Париже корреспондентом «Правды», я опубликовал статью «Кто вы, месье Дюпон?» Основные данные для той своей статьи я взял из свеженького тогда справочника «Франкоскопия» и никак не ожидал, что во французской печати кто-то меня осудит за такого рода цитацию. Но, как оказалось, справочник был слишком свежим и еще в обиход не вошел. Многие приведенные там данные, например, о потреблении мыла, о живущих ниже уровня бедности, как правило, не публиковались. А я добавил к опубликованному еще и некоторые данные статистики по Европейскому сообществу, чтобы «бездна социального неравенства», говоря терминами тогдашнего нашего Агитпропа, выглядела еще глубже. Публикация этих цифр вызвала тогда у моих французских коллег самую резкую реакцию. Одно дело, когда мелькают отдельные мало приятные для репутации французского «процветания» цифры, а другое, когда они приведены все сразу и складываются в общую достаточно мрачную статистическую панораму. Меня решили проучить. Классический метод французской журналистики, известный со времен придворных острословов, — это описанный Фонвизинным «ридикюль», т. е. выставление на осмеяние. В здешней печати не станут разбирать по косточкам не понравившуюся редакции статью. Оттуда возьмут несколько одиозных строк и высмеют автора. Первый залп по мне выдал из Москвы корреспондент газеты «Фигаро» Дени Легра. Затем, уже с его подачи меня пригласили выступить в популярной утренней радиопередаче господина Эль-Кабаша, сообщив мне при этом сочувственно: «Вы, знаете ли, оскандалились с вашими цифрами...» Я понял, что меня ждет, но к Эль-Кабашу пошел. Мне казалось, что все у него прошло удачно. Я доказал, что цифры в «Правде» взяты не с потолка, а из французских источников, но тем самым только добавил масла в огонь. Эль Кабаш откомментировал мои аргументы двумя-тремя фразами на арго и в результате, как всегда, в таких публичных спорах во Франции победил не за счет серьезных аргументов, а за счет своего остроумия. Мне пришлось не раз потом выступать по радио и по телевидению, защищаться. И только, когда один из самых блестящих журналистов Франции Ж. Поллак в своей популярной передаче показал «Франкоскопию» с экрана и объявил:

«Следует признать, что корреспондент «Правды» все-таки сказал правду», от меня отстали.

Теперь, когда уже нет Агитпропа, повторять любимую тему коммунистической пропаганды о социальных «контрастах» уже не принято. Но, если серьезно, такие контрасты — не выдумка марксистов. Во Франции это тема болезненная. Богатые на Западе, действительно, становятся с каждым годом богаче, а бедные — все беднее. Однако, в отличие от России, где нувориши из числа новых русских кичатся друг перед другом даже не богатством, а его вульгарными признаками, в отличие от США, где вместе с рукопожатием нового знакомого вы получите из его уст информацию о том, сколько он «стоит» в «баксах», во Франции богатство не бросается в глаза. Считается хорошим тоном его скрывать. Там столь же неприлично спрашивать, сколько человек зарабатывает, как спрашивать у женщины сколько ей лет. Богатые люди могут иметь в своем гараже «роллс-ройс» и даже не один, но на работу будут ездить в «клио» фирмы «Рено» или в «ситроене», причем не самой последней модели. Они могут иметь на счету десятки миллионов евро, но непременно вам пожалуются, как трудно живется сейчас во Франции, как растут налоги, как все труднее стало сводить концы с концами...

И все же богатого француза узнать при определенной практике несложно. Есть внешние признаки, которые столь же функциональны во французском обществе, как пестрое оперение самца перед весенней случкой у птиц. Человек, обладающий искусством жить, а тем более человек со средствами, знает, что он может не демонстрировать фирменные этикетки на своей одежде: француз, сведущий в специфическом «оперении» благополучия немедленно «вычислит», что откуда и что почем. Отметит про себя костюм от Пако Рабан, пальто от Кензо, ботинки от Стефана Кельяна, галстук от Диора, заколку от Бальмена, туалетную воду от Аззаро. И больше ничего не надо для того, чтобы определить, сколько зарабатывает одетый и надушенный таким образом мужчина. Очень важны при этом и аксессуары: часы, нагрудный платочек, носки, перчатки, кашне, запонки, носовые платки, авторучка, перстень, цепочка на шее, браслет на руке... В ансамбле это может быть целое состояние. А уж у богатой женщины тем более. Но только в ансамбле все это и ценится. Человек может даже рта не раскрыть за весь вечер — все поймут, кто он. Такого рода язык символов и фетишей очень четко делит французское общество на страты, т. е. те социальные слои, которые не смешиваются друг с другом, как не смешиваются отделенные друг от друга кремом пласты слоеного пирога. Каждый сверчок знает свой шесток, несмотря на все декларации о свободе, равенстве и тем более братстве. Все эти лозунги годятся для речей, митингов,

манифестаций, для того, чтобы просто поскандальить, когда какой-нибудь министр вздумает, спеша по делам, пробиться сквозь плотную автомобильную пробку с помощью полицейского сопровождения. Тут ему скажут (в окно) все, от души и дружно погудят клаксонами, что вообще у французов — общепринятое средство самовыражения, возмущения и наставления нарушителей правил уличного движения, социального равенства и душевного спокойствия автомобилиста.

«Если вас поразила красотой какая-нибудь женщина, но вы не можете вспомнить, во что она была одета, — значит, она была одета идеально».

(Коко Шанель)

По законам политеса

В Булонском лесу Парижа, у входа в семейный ресторан «На старой ферме» посетителей встречает за деревянной изгородью вся неременная для деревенского двора живность. Тут и козы, и собака, и кролики, и куры. Но самая большая достопримечательность — гусь по кличке Оскар. Я не сразу понял, почему с одними посетителями он по-своему, по-гусиному, приветлив, а других норовит ущипнуть за щиколотку.

«Секрет» полностью открылся, когда за изгородь зашел старичок и сказал: «Бонжур, Оскар! Как поживаешь? Хорошо? Спасибо, и я тоже хорошо». Доброе слово, оказывается, не только кошке, но и гусю приятно. Оскар дал себя погладить, беспрепятственно пропустил старика к бару и вернулся к загородке учить других посетителей «политесу».

Мы как-то забыли это понятие. А ведь было время, когда на Руси «политес» внедряли, упорно, при Петре I прививали едва ли не силой. Знаменитый словарь «Ларусс» толкует это понятие так: «Манера действовать или разговаривать цивилизованно и благовоспитанно». На русский язык «политес» переводится не только как «вежливость», но еще и как «учтивость». В этом втором значении, пожалуй, и заложен секрет цивилизованного поведения.

В петровские времена термин «проявить учтивость» переводили с французского буквально: «сделать политес». Речевых оборотов с этим словом немало, но вот один особо показателен. О человеке, который плохо воспитан, уходит, не попрощавшись, или даже не является на свидание, говорят (опять же в буквальном переводе) как о каком-то Нероне: «Он сжег политес».

В детском саду одного из округов Парижа воспитательница средней группы (малыши от 5 до 6 лет) во время обеда учила детей вести себя правильно за столом. «Жакоб, ты очень далеко сидишь от стола. Нет, не так близко. Не носи себя к тарелке, а носи к себе ложку. Не ешь так быстро, Ани. Никто не отнимет твой обед. Локти на стол не ставьте... Вилку, Жан-Мари, в какой руке держат вилку? Правильно, в левой. Сначала прожуй, Франсуа, с полным ртом нельзя разговаривать, никто тебя просто не поймет. Тебе не нравится салат, Люсьен, но зачем ты портишь аппетит другим? Разве это учтиво?» И так целый день, что называется, с первых шагов. Сценку эту я наблюдал не в каком-нибудь частном, закрытом детском учреждении, а в обычном, муниципальном.

В любом детском саду, да и в школе Парижа воспитатели при встрече утром уже у входа обмениваются с каждым из своих питомцев одной-двумя приветливыми фразами. На прощание в детском саду обязательно «своего» малыша поцелуют, а в школе — пожмут ему руку, обнимут. Проявляется уважение к маленькой личности, и личность платит взрослому сторицей. Авторитет старшего, особенно родителей, весьма высок. 68 процентов французов, согласно опросам, считают, что образование и воспитание следует строить именно на принципе уважения к старшим и на строгом соблюдении дисциплины. Правда, 22 процента решительно против этого и выступают за более вольные порядки. Но и те, и другие при всем различии взглядов на дисциплину сходятся в одном: если ты будешь уважать права других, то и другие будут уважать твои права.

Этому учат с детства. В семье — а во Франции она все же сохраняет традиции, несмотря на то, что, по статистике, больше французов разводится, чем женится — родители всегда выслушают ребенка. И вот результат: 66 процентов опрошенных в возрасте от 15 до 20 лет говорят, что родители их понимают. В современном мире с этим встретишься далеко не в каждой стране.

С чего начинается такое понимание у французов? Вот пример. Малыш сидит и рисует, а затем робко несет свое произведение на суд взрослых. Ни в школе, ни тем более в семье никто не отшвырнет его рисунок небрежно, не глядя. Какая бы это ни была «каляка-маляка», она заслуживает почтительных комментариев: «Ну надо же! Какое воображение!» Или когда совсем уж трудно понять, что нарисовано: «Какое ощущение цвета!» «Шедевр» тут же прикрепят к стенке, рядом с другими, такими же, подписанными поименно. Будущий Пикассо, перемазанный фломастерами, улыбается при этом во весь рот, ощущая себя примерно так же, как взрослый живописец перед дверью своей первой персональной выставки. Как это потом окупается!..

Конечно, отнюдь не все идеально в этих университетах «политеса». Есть семьи, и их немало, где усилия педагогов сводятся на нет так же, как есть среди французов и откровенные хамы и нерадивые учителя. Но здесь речь идет о принципиальном подходе, о том, чему педагога учат, готовя его к трудной профессии воспитателя чувств. А правил без исключения не бывает.

«Политес» — понятие широкое, многоступенчатое. По мере его освоения учатся не только правильно пользоваться столовыми приборами (а их при иной сервировке — десятки), не запихивать за ворот салфетку и не чавкать. Учат и вести себя в обществе, и одеваться, и даже в учтивой форме писать письма.

Существует огромная литература «политеса». В каждой конторе, например, стоит на полке книжка «Идеальный секретарь», где перечислены все возможные ситуации и варианты письменного обращения в мэрию, суд, полицию, к адвокату, к любому частному лицу и госучреждению, приведены образцы приглашений гостей на все торжественные церемонии — от рождения до похорон. По этим образцам учатся. Им строго следуют.

Письма для французов, кстати, это еще и средство «выпустить пар». Если в других странах сбои в работе транспорта, почты, перерывы в подаче электричества, газа, воды вызывают всплеск эмоций и всеобщего раздражения, то французы реагируют на это иначе. В своем извечном поиске справедливости они пишут письма, жалобы. Оспаривают также постоянные штрафы за стоянки в неположенном месте, протестуют против роста безработицы и загрязнения воздуха, распространения порнографии и отмены очередных скачек. Жалуются на грубое обращение таксистов, на то, что не работают автоматы по продаже билетов в метро и так далее, и тому подобное. Во имя того, чтобы все было в соответствии с приличиями и «как должно быть», француз не поленится прийти в префектуру полиции и на очной ставке с вызванным туда таксистом, отказавшимся везти, куда нужно, подтвердит все, что изложил по этому поводу в своей письменной жалобе. А потом не поленится прийти и в суд, куда французы ходить обожают. Все это укрепило мнение о французах как об ужасных занудах и сутягах. Но это не так. Просто во Франции, как нигде, развито гражданское общество...

Мне часто приходилось видеть, как совершенно мирные на первый взгляд старушки, прогуливаясь по парку, вдруг обнаруживали какой-то непорядок и тут же, забыв о своем «полезном» для здоровья променаде», бежали искать «представителя власти». И не успокаивались, как будто это касалось их лично, пока его не находили и не высказывали свои претензии. И худо пришлось бы любому блюстителю порядка, который отреагировал бы примерно так: «А тебе-то какое до этого дело, бабуля?» Во всем, что касается приличий, поговорка «Моя хата с краю» во Франции непонятна. Если на улице возникла пробка, а регулировщика нет, месье Дюпон усадит за руль жену, а сам выйдет из машины и начнет регулировать движение, пока жена не проедет. После этого — уже не его дело. И к тому же надолго чужие обязанности брать на себя неприлично.

Приличия — здесь дело просто святое. За обязательное их соблюдение выступает свыше 70 процентов опрошенных. У француза буквально почва поползет из-под ног, если приличия будут при нем нарушены грубо и демонстративно, будь то вольно или невольно. Помню, как в первые дни работы в Париже на узенькой улочке я случайно слегка задел встречную машину боковым зеркалом. Выглянув из окна и убедившись, что у

встречного — ни царапины, проехал дальше, чтобы не задерживать движение. Что тут началось! Из машины выскочил щедедушный человечек и со всех ног помчался вслед. Но, конечно, не догнал бы, если бы я не остановился. Бледный, взволнованный, он с трудом проговорил: «М-м-месье, по-по-почему вы не остановились?» Для него неважно было, осталась на его машине царапина или нет, ему бы все возместила страховка, даже если бы я вмял ему дверь в крышу. И не исключено, что это он воспринял бы спокойнее. Но вот то, что я не остановился, для него граничило с крушением основ — ведь это было вызовом Приличиям!

Каждый сверчок во Франции знает свой шесток. Но выяснять отношения на манер Паниковского и Шуры Балаганова из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова: «А ты кто такой?!» здесь не принято, а уж тем более напоминать, кто ты по должности, положению либо — упаси бог — богатству. Когда в 1986 году глава правительства социалистов Л. Фабиус сказал в ходе предвыборного теледиспута с будущим президентом Ж. Шираком, который тогда был всего лишь мэром Парижа: «Вы забываете, что говорите с премьер-министром!», это обернулось для него «потерей лица» и утратой голосов избирателей.

Понятие приличий во Франции означает не только правила поведения, протокола, этикет. В первую очередь, это уважение прав, мнений, чувств и эмоций окружающих, людей как близких, так и случайных знакомых. Кроме того, соблюдение законов и правил общежития.

Ко всему этому привыкаешь довольно скоро. Уже не удивляешься, когда в магазине тебе говорят спасибо за покупку, а почтальон благодарит за то, что ты расписался за доставленную прямо на дом посылку. Постепенно и сам учишься быть элементарно приветливым. Говорить знакомым при встрече: «Здравствуйте! Как дела? Как дети, не болеют? А ваша машина ходит нормально? А последняя рыбалка, что, была успешна?» И все это как бы между делом, с заинтересованностью и улыбкой. Так же и при прощании, для которого разработан целый ритуал: «Ну, до скорого свидания, до встречи, желаю всего вам доброго, пусть день у вас (или утро, вечер, конец недели, праздник и так далее) будет удачным». Нельзя без всего этого ни войти в магазин или кафе, где тебя знают и привечают, ни выйти. «Политес» обязывает.

Конечно, сосед прекрасно знает, что меня не столь уж живо интересуют, если положить руку на сердце, ходовые качества его машины, так же, как я знаю, слушая его расспросы, что его не особо волнует состояние здоровья моего кота. Но дело-то не в этом. А в том, что учтиво пообщались, пока ехали в лифте, а не стояли враждебно, воды в рот набрав, делая вид, что друг друга и знать не знаем, хотя и живем в одном подъезде.

Улыбнулись, попрощались, друг друга не обхамили, не с раздражением приехали на работу, а с хорошим настроением. А ведь от этого и работается лучше, и, как давно доказали врачи, здоровье надежнее. Выигрывает же от такого «эффекта политеса» и каждый отдельный человек, и все общество, кстати, не только нравственно, но и экономически.

Освоить это искусство, как показали еще петровские времена, не так уж трудно. Надо просто пробовать, стараться. И для этого вовсе не обязательно брать у французов напрокат гуся Оскара.

...И фонари не бьют?

Бывает так за границей: человек, которого, что называется, сто лет не видел, вдруг сваливается тебе как снег на голову и говорит: «Слушай, я здесь в первый раз в жизни и то на день, очень прошу, покажи город...» Отказать тут никак нельзя. И вот мы катим по Парижу с моим давним другом Василием. Его интересует все, но из града вопросов я намеренно выбираю градины самые крупные.

Методом дедукции, изученным в нашем с Васей детстве по рассказам о Шерлоке Холмсе, определяю, что больше всего моего гостя волнует вопрос: «Существует ли в Париже и во Франции вообще вандализм?» Это типичное для всего современного мира печальное явление, которое получило название от варварского племени вандалов, прославившегося бессмысленными разрушениями и грабежами, интересует его в плане сугубо практическом.

— И как часто в этом саду Тюильри, — спрашивает он, — ремонтируются скамейки?

— Думаю, что по мере износа, — отвечаю ему.

— А когда ломают или ножами режут?

— То есть? А-а, ты по аналогии... Нет, здесь не режут и не ломают.

— А фонари разве не бьют? — с недоверием спрашивает Вася, рассматривая склонившийся над нами чугунный колокольчик с медленно разгорающейся галогенной лампой. — И статуи по вечерам не ломают? На фундаментах названия футбольных команд не пишут? Мозаику не выковыривают? И цветы не рвут? Не может быть...

Из сада Тюильри мы отправились на площадь Согласия, и мимоходом я сообщил ему, что парижане также не вырывают с мясом трубки в телефонах-автоматах, не портят лифты в домах, кодовые и переговорные устройства на входных дверях, не разбивают вдребезги стеклянных экранов на стоянках автобусов, не отламывают антенн и не снимают щеток с ветровых стекол автомашин, не ставят на колеса гаек с секретом и не крепят цепочками колпачки на ниппелях, не кидают в фонтаны окурков и апельсиновых корок, ни разу не написали на знаменитом Луксорском обелиске: «Здесь были...» или хотя бы: «Пьер плюс Жанна равняется любовь».

Правда, в Париже, примерно с конца 90-х годов появилась общая для всех европейских городов беда — это так называемые «бомбисты», дикие художники-самоучки, которые расписываются на стенах с помощью своих «бомб», как называют распылители красок. Иногда даже создают таким

образом целые цветные панно, если поблизости нет полиции. Так бомбисты однажды атаковали станцию метро Лувр и разрисовали ее, как Бог черепаху. Конечно, это вандализм, даже если французские искусствоведы считают бомбистов художественным авангардом.

В кафе на Елисейских полях Василий осторожно осведомился, почему никто не уносит с собой в качестве сувенира пепельницы, подставки для салфеток, бокалы, кофейные чашечки, плетеные стульчики и столы, выставленные на улицу и оставленные без всякого присмотра, что уже само по себе есть показатель полного отсутствия персональной материальной ответственности. Не говоря уже о том, что на всем этом оборудовании нет ни фирменных знаков кафе, ни инвентарных номеров, ни даже цены...

Мы целый день ездили по Парижу и его окрестностям. К концу Василий спрашивал меньше, но что-то заносил в свой блокнот, бормоча про себя: «Это бы у нас...»; «А вот это тоже, наверное, приживется. Надо попробовать...»

В парке вокруг дворца Трианон в Версале он прямо-таки остолбенел, когда увидел, как дети прямо из рук кормят зеркальных карпов и красных карасей. Рыба кишмя кишела в пруду, и то и дело карпы «хрюкали», заглатывая воздух вместе с кусками хлеба.

При выходе из парка, у площадки, где были выставлены сдающиеся напрокат по вполне приемлемой цене велосипеды для детей и взрослых, он опять сделал пометку в блокноте, проговорив: «Уж это мы можем запросто...» Потом попросил меня узнать у служителя, нужно ли платить залог. Тот ответил: «Нет, а зачем?» — «А что, если кто-то велосипед возьмет вроде бы напрокат, а сам неизвестно куда укатит?»

— Это невозможно, — сказал, пожав плечами, служитель.

Точно так же ответил Василию служитель в парке Багатель, когда он спросил: «Почему разгуливающих по лужайке павлинов никто не охраняет? Ведь кто-нибудь может подойти и надергать из их хвостов перьев — птица беззащитная и к тому же кормится из рук, лебедь хоть уплывает, да, правда, и тому могут свернуть шею».

— Нет, это невозможно, — сказал он сам после того, как мы заехали в парк Монсо в самом центре города и в несколько скверов с детскими площадками, где везде был насыпан песок в песочницы, не был искорежен ни один детский домик, не повреждены и не исписаны ни одна скамейка, ни одни качели, ни одна горка.

Как оказалось, Василий интересовался всем этим для пользы дела: недавно его избрали депутатом городского собрания. Вот он и смотрел, как поставлено городское благоустройство во Франции. Смотрел и не понимал.

«Ты скажи все же, — допытывался у меня, — что они — такие сознательные?»

Я задал себе тот же вопрос и подумал про себя, что однозначного ответа на него у меня нет.

Горит ли Париж?

Конечно, французов с малолетства воспитывают в духе уважения к закону и порядку уже не один век. В принципе эта нация традиционно законопослушна. С присущей французскому языку назидательной интонацией каждый француз готов научить приезжего тому, как надо соблюдать французские законы и уважать местные обычаи. Особенно убедительно такие уроки звучат в провинции, в небольших коммунах и городках. Там у человека выбор невелик: либо он впишется в местный законопослушный пейзаж, либо просто не выживет, т. к. попадет в тотальную изоляцию. Его даже бить не будут. Просто подвергнут такому остракизму, что он сбежит сам. Не случайно поэтому во французской глубинке есть выходцы из бывших французских колоний (*pieds noirs*, в буквальном переводе — «черные ноги»), но почти нет новых иммигрантов.

Парк Монсо — парк в VIII округе Парижа, площадью 8,2 га, ограниченный бульваром Курсель, бульваром Мальзерб, улицей Монсо и

улицей Мюрийо, в непосредственной близости от станции метро Монсеау. Сегодня парк Монсо является излюбленным местом отдыха парижан

Старую иммиграцию французским законам и обычая обучали еще в колониях. Для новой все это чуждо, как и вся французская цивилизация и культура с ее политесом и прочими поведенческими нормами. Новые иммигранты тяготеют к своим, но не к *rieds noirs*, которые полностью интегрировались во французское общество, а к тем, кто живет в гетто, где воспроизводится привычная для новых иммигрантов родная среда. Чтобы в этом убедиться, надо просто пройти в Париже по району Барбес-Рошешуар у Монмартра либо по улицам парижского пригорода Сан-Дени, где быт обитателей современных трущоб (70 процентов жителей Сен-Дени — иммигранты либо их потомки) мало чем отличается от быта их сородичей в Центральной Африке или в арабских странах Магриба. Единственно, чем эти «новые французы» отличаются от своих соплеменников, мечтающих хоть одним глазком повидать Францию, так это воинственным неприятием всего французского, всего белого и христианского. Французы встречаются с этим вызовом ежедневно. В метро какой-нибудь чернокожий пацан может демонстративно улечься сразу на двух сидениях с ногами и не уступит место ни старику, ни женщине. Французы будут молчать, даже если этот молокосос начнет дымить им в лицо самокруткой из марихуаны. Они будут ждать вмешательства полиции, которая по идее должна наказать нарушителя порядка в метро. Но полиция чаще всего тоже не вмешивается. В сознание французского обывателя всей системой обучения и образования вбито такое чувство коллективной вины за «преступления французских колонизаторов» и «жертвы рабства». День памяти этих жертв теперь во Франции отмечают официально. Потомков этих жертв власти стараются не раздражать и умиротворяют всячески. Мало поэтому кто в метро решится взять обнаглевшего негритенка за шиворот и вышвырнуть его из вагона, как он того заслуживает.

Юные обитатели иммигрантских гетто знают, что им все с рук сойдет, и пользуются этим вовсю. Именно из таких гетто, укоренившихся в Париже и в его пригородах, в других больших городах — Марселе, Лионе, Страсбурге, Лилле, вышли погромщики и поджигатели, которые потрясли Францию своим бессмысленным вандализмом, поджогами и погромами в ходе иммигрантских бунтов последних лет.

... Я приехал в Париж в конце ноября 2005 г. с тайной мыслью посмотреть своими глазами на то, как разгораются иммигрантские бунты, но к моменту моей краткой командировки газеты о ночных поджогах уже ничего не писали. Телевидение тоже ввело самоцензуру. Может быть,

именно это и подействовало на юных бунтарей-поджигателей из пригородов-гетто: когда их лишили возможности пользоваться бесплатной саморекламой, число аутодафе в пригородах Парижа пошло на убыль. Только проехав по пригородам, я обнаружил не один десяток сожженных машин, разграбленные и изуродованные витрины магазинов, сгоревшие офисы и даже одну «образцовую школу»...

В отличие от России, где эти поджоги взбаламутили весь наш политический бомонд, возвестивший, что «черные идут и на нас», во Франции, которую все это затронуло непосредственно, бесчинства цветных подростков воспринимались, хотя и с болью, но достаточно сдержанно. Президент Ширак целую неделю наблюдал за происходящим, не вмешиваясь ни во что. Полиция не стреляла даже в воздух, да и не из чего было; чтобы «не раздражать» преимущественно мусульманское население гетто под Парижем, полицейские и солдаты внутренних войск (CRS) шли на охрану порядка в пригородах без оружия, только с дубинками. Таков был приказ с самого верха. Лишь после того, как в них начали палить из обрезов, было дано разрешение МВД Франции на облавы и аресты, а затем и высылку из Франции иностранцев, замешанных в беспорядках, в том числе тех, кто имел вид на жительство. Отчасти та же самая история повторилась через год во время студенческого бунта в Сорбонне: к манифестациям студентов и рабочим регулярно присоединялись профессиональные (уже!) погромщики и поджигатели из гетто, которым не было дела до требований студенчества. Главной их целью были погром и разграблений магазинов и поджоги.

Репрессии во Франции никогда не обрушиваются на нарушителей порядка незамедлительно. Фемида и полицейская Немезида У Республики раскачиваются достаточно медленно. Но как только темп набран, каждый бунтовщик получит свое. Один за другим в бывшую Французскую Африку и страны Магриба уходили самолеты с высланными из Франции за ночные безобразия под Парижем. У тех семей, из которых вышли юные поджигатели, были отобраны пособия, которые позволяли им спокойно жить, даже не имея работы. Суды методично отправляли за решетку всех совершеннолетних поджигателей и вандалов и заготавливали досье на пока что малолетних, что всем им икнется потом не раз, когда они достигнут 18 лет. Кольцо огня вокруг Парижа и других крупных городов было разорвано. Искры еще тлели, но пожар был все же потушен. Теперь он перешел уже на политическое поле: правые и ультраправые раздували его, требуя наведения порядка и прекращения «иммигрантской агрессии» (в России, к нашему позору, в духе французских правых выступили и левые), а либеральная интеллигенция и левая оппозиция социалистов и коммунистов поносили

правых за «неоправданную жестокость» и за то, что это они-де довели дело до взрыва социального недовольства в пригородах.

Если, однако, всерьез разобраться в том, почему в 2005 году вспыхнули французские пригороды, аргументов лишатся и правые, и левые. Сводить все это безобразие к одному лишь социальному недовольству — значит упрощать реально существующую проблему. А она не в том заключается, что французское государство кого-то чем-то обнесло, распределяя блага из того рога изобилия социальной помощи, который создан за счет жесткого налогообложения всех французских граждан и, в первую очередь, граждан состоятельных, у которых изымают свыше 60 процентов доходов в виде различных налогов. Длительное правление социалистов при Миттеране окончательно превратило Францию в действительно социальное государство с мощной системой соцобеспечения, которая позволяет малоимущим французам, независимо от их происхождения и цвета кожи, получать бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание и такие пособия по многодетности и безработице, на которые вполне можно прожить целой семье, ничего не делая. Как только иммигранты получают вид на жительство во Франции и все полагающиеся неимущим пособия, им пусть не сразу, но предоставляют и бесплатное муниципальное жилье.

Бунты в гетто, конечно, так тряхнули Францию, что она резко поляризовалась политически. Французские националисты из партии «Национальный фронт» Ле Пена публично обвиняли детей французских иммигрантов, родившихся во Франции и уже имеющих либо вид на жительство, либо французское гражданство, в «черной неблагодарности». Мол, им все дали, предоставили жилье и т. д., а они поджигают магазины, автобусы и машины законопослушных белых французских граждан.

Защитники прав человека, в свою очередь, требовали дать «обездоленным» из гетто еще больше, чтобы только те не бунтовали. И вот уже президент Франции принялся готовить новые программы обеспечения занятости для детей иммигрантов, пообещал новые пособия и новые подачки, а социалисты на своих форумах старались перещеголять его в этом деле по всем статьям.

Ни правые, ни левые, однако, ничего нового не придумали. Все обещания «дать еще» заведомо воспринимаются, как недостаточные. Бунтари в гетто требуют отдать им все и на меньшее не согласны. Они хотят вырваться из гетто и обладать всей Францией, даже если для этого потребуются удалить из нее всех белых и «неверных». Ассимиляция афроевропейцев в преимущественно белой Франции не состоялась, а интегрироваться во французское общество так, как *pieds noirs*, удастся немногим иммигрантам и их детям. Безысходность эта, возникшая в

результате не столько этнической, сколько культурной и религиозной несовместимости рас и цивилизаций, обернулась духовной геттоизацией, как в Америке, где возник расизм наоборот и где под лозунгом «Черное — прекрасно» афрорасисты избивают белых. Конечно, это экстремизм, и требования молодежи гетто отдать им «всю Францию» нельзя отождествлять с социальным протестом. Корни этого протеста куда глубже, чем кажется. Пожары в пригородах высветили врожденную порочность западной модели социального мира: не сумев обеспечить подлинное равенство своих коренных и пришлых граждан, Франция попыталось откупиться от «инородцев». Им дали возможность худо-бедно существовать, даже не работая. Они попадают в невидимое гетто, обитателя которого узнают не по паспорту, а по цвету кожи, по манере говорить, образованию и тому кругу, в котором он вращается. В «приличное общество» оттуда не попадают. Человек из гетто обречен жить и умереть в гетто. Это похуже любой черты оседлости. Первое поколение иммигрантов, как правило, эти условия принимает. Их дети уже не хотят с этим мириться. Их внуки против этого восстают. До поры их протест дик и иррационален. Поджоги, вандализм, драки с «потомками колонизаторов». Но думать, что все это происходит стихийно, наивно. Бунтующую молодежь из гетто пытаются сейчас использовать все, кому это политически на руку, в том числе и резиденты центров международного терроризма, которые во Франции живут довольно вольготно. Для них эти несмышлениши — тот человеческий материал, который завтра они превратят в живые бомбы, в смертников, готовых идти с поясами шахидов на «неверных». Генерал Галуа, один из основоположников современной геополитики и автор ядерной доктрины Франции, — мой давний друг. Я не раз публиковал с ним интервью в нашей прессе. Он как-то сказал мне: «Война идеологий окончена, Владимир, началась война религий и цивилизаций. В этой войне те же бредни о мировом господстве, с которыми носились фюреры, диктаторы и дуче, вновь объявляются высшими достижениями человеческого разума. Вместо идеи «тысячелетнего рейха» взята идея «всемирного халифата». Тысячу раз был прав мой генерал. Зомбированные «Аль-Каидой» пацаны также истово вопят «Аллах акбар!», бросая бутылки с зажигательной смесью в свои же школы и детские сады, как некогда кричали их сверстники в Германии «Хайль, Гитлер!», поджигая магазины евреев и «неправильные» школьные учебники в нацистских кострах.

Как предотвратить возвращение человечества на круги ненависти и насилия? Готовых рецептов здесь нет. Нужна терпимость к тем, кто сбился с пути в отчаянии от ощущения собственной неполноценности в обществе, формально гарантировавшем равные права всем своим гражданам. Нужна

человеческая солидарность с действительно обездоленными людьми. И еще обществу нужно уметь ставить на место тех, кто за счет ненависти, расизма и мракобесия пытается в наши дни прорваться к власти, к чужому имуществу и чужим землям. Мы знаем, чем это кончается, если этих кандидатов в фюреры не остановить. И не важно, на каком языке они сегодня разговаривают: на французском или на русском, на английском или арабском. От них могут пострадать все.

Франция одна из первых в Западной Европе приняла на себя удар поборников «всемирного халифата», но справилась с этим испытанием в рамках демократических норм. И этот ее пример столь же полезен для России, как и приверженность французов закону, демократии и традициям политеса.

Буква закона

Во Франции все то, что мешает жить, а главное, жить удобно, стремятся по мере возможности искоренить. Разными методами. По мере взросления каждый француз так или иначе может убедиться, что за вандализм в любом его проявлении наказывают, и строго.

Мы зашли с Василием к моему доброму знакомому, парижскому адвокату Франсуа Кальдеру. В ответ на вопрос, как наказывают, он снял с полки французский уголовный кодекс и зачитал статью номер 257. Из нее следовало, что за намеренное повреждение, а также «увечье», нанесенное в общественных местах монументальным сооружениям, памятникам, оборудованию в местах отдыха и общего пользования, злоумышленник рискует получить от 1 месяца до 2 лет тюрьмы и заплатить от 100 евро до 5 тысяч евро штрафа. В той же статье говорится, что аналогичное наказание следует за нанесение ущерба археологическим находкам, хранящимся в архивах рукописям и прочим историческим документам, зданиям, взятым под охрану государства. При применении для нанесения подобного ущерба взрывчатых и прочих веществ, опасных для жизни окружающих, — от 5 до 10 лет тюремного заключения и от одной тысячи евро до 30 тысяч евро штрафа. А в случае действий такого рода, совершенных организованной бандой, — от 10 до 20 лет тюрьмы.

Закон, как видим, строг. Не менее сурово он карает за посягательство на личную и частную собственность. Скажем, за повреждение частных, но открытых для посещения музеев, картинных галерей, замков и т. д. Все строже с каждым годом законы за нанесение ущерба окружающей среде, в первую очередь, паркам, лесам, рекам и озерам. В том же парке вокруг Трианона не срежешь гриб, не сорвешь ягоду: штраф выпишут немедленно, и немалый. В Булонском лесу, на окраине Парижа, в Венсенском лесу, в лесопарке Сен-Жермен-ан-Ле безнаказанно не сломаешь ветку, не сорвешь цветка. Может быть, кому-то такие строгости покажутся чрезмерными, но действует здесь не только уголовный кодекс.

Помню, дело было в феврале. Бегу я, как обычно, рано утром по Булонскому лесу. Погода благодатная, снег так и не выпал ни разу за всю зиму. По тропинке бегут еще двое любителей «джоггинга», судя по всему, семейная пара. Неожиданно останавливаются и кричат: «Месье, месье! Идите сюда!» Приближаюсь к ним и вижу: о, чудо! Из травы поднимаются подснежники. Это в феврале-то! Несколько дней подряд я пробежал мимо

этой волшебной поляны. Никто не тронул цветы. И сколько добра, красоты они подарили людям!

Откуда такое отношение к природе? Его воспитывают с детства. Во французских школах борьбу с вандализмом ведут планомерную и умную. Детям не только тщательно растолковывают 257-ю статью УК Франции, но и ежедневно внушают, что чем ниже уровень вандализма, тем выше качество жизни. А чем человек старше, тем он к этому внимательнее прислушивается. Жизнь заставляет. Не в последнюю очередь, конечно, срабатывает и национальная гордость за Францию как страну богатой и высокой культуры. Исторические памятники, культурное наследие здесь учат беречь с первых шагов. И потому на каждого вандала всегда найдется десяток французов, которые остановят его шкодливую руку, а то и отведут в ближайший полицейский участок. Во Франции все, что касается ее истории, — священо. Любое археологическое открытие — общенациональная сенсация, какой, скажем, была находка обломков парадного шлема Карла VI, обнаруженных при раскопках в Лувре.

На прощание Василий показал мне страничку в своем блокноте — переписанное при входе в парк Трианон объявление о том, что туда нельзя входить с собаками, с фотоаппаратами, оборудованными вспышкой, с переносными радиоприемниками и магнитофонами. Все это, поясняет администрация, может испугать или потревожить живущих в парке рыб, животных и птиц. А парк этот — ваше, французы, национальное достояние и должен остаться таким на века...

«Умеют ведь, — не без зависти сказал он. — Нам бы так».

Гласность по-французски

Внешняя демократичность — это показатель обязательный для всех слоев французского общества. Ее корни не только в хорошем воспитании. Тут есть своя историческая традиция, далеко не всегда берущая начало от революций, для которых характерна, прежде всего, нетерпимость к их врагам. Французов считают занудами, потому что они любят поучать приезжих. Француз, действительно, никогда не пройдет мимо нарушителей законов и правил уличного движения, равно как и прочих норм французского общежития, потому что такие нарушители мешают ему комфортно жить так, как он к этому привык. Но ваши политические и прочие взгляды, если только они его не задевают конкретно и вы ему их не навязываете, для него не предмет для обсуждения. Уважение к мнению собеседника, его взглядам и привычкам — это поведенческая азбука для французов. Иногда, правда, абсолютное нежелание французского собеседника вступать в спор по поводу того, что вы ему говорите, может создать впечатление, что сказанное вами ему абсолютно безразлично, и тут беседа, как бы сама собой гложет. Представьте себе такой диалог:

«У французов чувство национальной чести всегда тлеет под пеплом. Достаточно лишь искры, чтобы разжечь его».

(Наполеон Бонапарт)

ВЫ: — Прекрасная сегодня погода, не правда ли?

ФРАНЦУЗ: — Да, вы правы, прекрасная.

ВЫ: — Однако, кажется она портится.

ФРАНЦУЗ: — Да, действительно, на горизонте виднеются тучки.

ВЫ: — Ну, что вы, это вам показалось. Небо чистейшее.

ФРАНЦУЗ. — Да, вы правы.

ВЫ: — Однако, если присмотреться, то все-таки тучки есть.

ФРАНЦУЗ: Да, если присмотреться, то есть.

И так далее. Точно такой же диалог состоится и при обсуждении политической платформы того или иного деятеля, чьей-то репутации, чьего-то нрава и характера, демократичности или отсутствия оной у того или иного государства. Француз будет спорить только с теми, кого он считает либо своими единомышленниками, либо противниками. С гостем он будет просто приятен во всех отношениях, и, если гостю нравится пороть чепуху, он ей поддакнет столь же «логично», как в вышеприведенном диалоге. Он исходит из того, что вы имеете полное право на любые взгляды и заблуждения и даже глупость, а переубедить собеседника за короткую встречу и обратить его в свою веру даже не стоит пытаться, портить же себе нервы в диалоге а-ля-рюсс, т. е. так, как это делают русские, споря до хрипоты по поводу и без повода, непрактично. Поэтому вы правы, когда говорите, что французы живут бедно. И правы, когда говорите, что они живут богато. Вы правы, если считаете, что при социализме русским жилось лучше. И вы правы, если пришли к выводу, что настоящая жизнь началась только при Ельцине. Ну, что с вами делать, если вы так считаете?! Это ведь еще не повод обвинять француза в лицемерии. Если бы вы были французом, то он бы с вами поспорил.

Французская учтивость, да еще умноженная на присущее тогдашним нравам полусвета лицемерие, еще у Фонвизина вызывала аллергию. Он писал в своих «Письмах из Франции»: «Почти всякий француз, если спросить его утвердительным образом, отвечает: да, а если отрицательным о той же материи, отвечает: нет». Фонвизин никак не мог понять, почему, когда он говорил с французами о большей у них по сравнению с другими народами вольности, они тут же отвечают: «Вы правы, француз рожден свободным!» Но стоит ему сказать, что вольности эти сплошь и рядом попираются, с ним снова соглашаются. И как: «Вы правы, сударь! Француз

— раздавлен! Француз — раб!» Хлесткое перо Фонвизина не щадит поклонников политеса: «Если такое разноречие происходит от вежливости, то, по крайней мере, не предполагает большого разума... Надобно отдать справедливость здешней нации, что слова сплетают мастерски, и если в том состоит разум, то всякий здешний дурак имеет его превеликую долю. Мыслят здесь мало, да и некогда, потому что говорят много и очень скоро. Обыкновенно отворяют рот, не зная еще, что сказать...»

Фонвизин не понял, что французы обожают словесные игры, и нередко нарочно задирают собеседника, чтобы посмотреть, как он ответит на словесный выпад. Тренировки в острословии начинаются еще в детском саду и продолжаются всю жизнь. Важно поэтому не что скажешь, а как скажешь.

Французскую манеру себя вести с иностранцами многие часто воспринимают болезненно. Современных галлов обвиняют в отсутствии дружелюбия и даже в высокомерии.

Приведу из уже упоминавшейся книжицы для солдат США разъяснение французской модели поведения:

«В массе своей, в отличие от американцев (и также от русских. — *Авт.*), французы не относятся к тому типу людей, которые встречают незнакомцев словами: «Здорово, парни. Чертовски рад вас видеть!»

Французы нелегко сходятся с людьми. Они не склонны так доверять первому встречному, как мы. Они очень учтивы. И вместе с тем они куда большие формалисты, чем мы, в том, что касается общения и воспитанности (и в этом, как мы сказали бы, они напоминают китайцев). Француз уважает личную жизнь других и ожидает, что точно так же будут уважать и его личную жизнь.

Только естественно предположить, что иностранцы не столь дружелюбны, как соотечественники. И, в конце концов, очень непросто доказать свое дружелюбие на иностранном языке. Мудрецы считали, что «дружба — это умение желать и отвергать одно и то же».

Действительно, этому умению нелегко научиться даже, говоря на одном языке с тем, с кем ты хочешь подружиться. А уж, когда со своим непереводаемым уставом да в чужой монастырь! Мне часто приходилось доказывать своим знакомым, которые, пообщавшись с французами, находили их заносчивыми и недружелюбными, что это у них не от отсутствия доброты, а от воспитания.

Точно так же нелепо обвинять их в высокомерии. Они просто знают себе цену, и это — неотъемлемая составная часть их внутренней свободы. Нередко русские удивляются, когда слушают выступления самых простых людей с улицы по радио или телевидению, когда разговаривают с ними в

гостях: «Надо же! Простой официант, а говорит, как профессор с кафедры без запинки и по делу!» Секрет тут прост. Избавившись от рабства гораздо раньше многих других народов, французы умеют носить себя гордо даже на нижних ступеньках социальной лестницы. Фонвизин отметил это еще во времена монархические, за 12 лет до Великой Французской: «Осмелюсь рассказать вашему сиятельству виденное мною в Монпелье, — писал он в письме графу Панину. — Губернатор тамошний, граф Перигор, имеет в театре свою ложу. У дверей оной обыкновенно ставился часовой с ружьем, из уважения к его особе. В один раз, когда ложа была наполнена лучшими людьми города, часовой, соскучившись стоять на своем месте, отошел от дверей, взял стул, и, поставя его рядом со всеми сидящими знатными особами, сел тут же смотреть комедию держа в руках свое ружье... Удивила меня дерзость солдата и молчание его командира, которого я взял вольность спросить: для чего часовой так к нему присоединился? «Потому что ему любопытно смотреть комедию», — отвечал он с таким видом, что ничего странного тут и не примечает».

В России солдата за такую вольность, в те времена у нас вообще немыслимую, запороли бы насмерть шпицрутенами. Во Франции и 200 с лишним лет назад это было нормально.

Вокруг Нантского эдикта

В 1998 году Франция отмечала 400-ю годовщину Нантского эдикта, подписав который, король Генрих IV предоставил свободу вероисповедания и богослужения гугенотам, оставив при этом за католицизмом право главенствующей религии. Так закончились 38 лет (после казни участников Амбуазского заговора 1560 г) кровавых религиозных войн, символом которых навсегда осталась страшная Варфоломеевская ночь 21 августа 1572. Тогда фанатики вырезали во имя чистоты католической веры почти половину гугенотов, по одним данным, 30 тысяч человек, по другим — около 100 тысяч.

Годовщину Нантского эдикта отметили и в ЮНЕСКО. По этому поводу в Париже состоялись торжества, в которых приняли участие руководители Франции, включая президента Жака Ширака, и представители всех религиозных общин страны.

Ширак не преминул отметить, что вся история Франции — это «долгая история того, как мы учились нелегкому искусству жить вместе». Нантский эдикт до сих пор учит этому искусству. Он преподавал французам, сказал президент, несколько важных уроков. Первый — Франция сильна, когда она не разьединена. Второй — государство должно уметь брать на себя ответственность. Кроме того, это урок искусства управлять, урок прагматизма и разумной политики, урок терпимости, иначе говоря, основополагающие принципы Французской республики.

Поразмышлять о Нантском эдикте и нам полезно. Россия все же учится демократии, хотя в этих европейских университетах прав и свобод человека ей всегда было неуютно. И не потому, что Россия никогда не могла понять сути этого предмета. Демократия всегда у нас трудно воспринималась, потому что в социальной реальности России она никогда не имела шанса пустить корни в силу своей абсолютной для нашего исторического климата экзотичности. Это все равно, что учить папуаса подледному лову либо обучать эскимоса готовить лягушку в белом вине. Для того, чтобы учение такого рода пошло на пользу, нужно папуаса переселить хотя бы в Подмоскovie, а эскимоса — на худой конец в Калифорнию. У нас же, как всегда, торопятся. Демократию не изучают. В нее не вживаются. Ее вводят. Указами. Декретами. Заявлениями типа «Россия теперь — демократическая страна!» И даже редакционными статьями, авторы которых спешат уверить своих работодателей, что с демократией у нас все в ажуре. Между тем дело это долгое. И, как показывает пример Франции, нелегкое, даже далеко не

всегда популярное. Демократия не укрепится ни в одной стране только законодательным путем. Она должна стать образом мышления нации. А граждане страны, как точно сказал Ширак, должны научиться жить вместе. Этому же учатся века. История Нантского эдикта — тому подтверждение.

Нантский эдикт при всей своей ограниченности и недолговечности, действительно, был предтечей Всеобщей декларации прав человека, светского характера французского государства и современного экуменизма. Генрих IV, подписывая свой эдикт, конечно, не мог установить равенство вероисповеданий во Франции того времени. Главенствующей религией оставалась католическая. Король мог быть только католиком. И тем не менее это был один из самых важных шагов французского государства к религиозной и политической свободе. В условиях абсолютизма у этого документа, конечно, было больше противников, чем сторонников. Давить «еретиков», иначе говоря инакомыслящих, было чем-то вроде французской национальной охоты. И лишать убежденного правоверного этого права далеко не всегда безопасно даже в наши времена, как показывает история XX века. А уж в ту пору и подавно. И даже просвещенные короли вынуждены были в своих заботах по становлению демократии делать скидку на невежество и нетерпимость своих подданных.

Эммануэль Ле Руа Ладюри, член Французской академии, считает, что французское протестантство, вступив в борьбу с католицизмом где-то в 1550 году, положило начало идеологической борьбе между французами, которая впоследствии воплотилась в противостояние правых и левых. Из лона протестантства, по его мнению, вышло французское Просвещение, идейно подготовившее Великую Французскую революцию, а затем и современное французское левое движение, в то время как консерваторы вышли из католицизма и в нем остались. По-своему правоту академика подтверждает тот факт, что среди лидеров социалистов немало протестантов: экс-премьер-министр Л. Жоспэн, бывший министр обороны П. Жокс, бывший премьер-министр М. Рокар, мэр Страсбурга К. Тротман и др. Да и такие классики французской литературы, как Андре Жид, тоже принадлежали к протестантам.

Борьба за восстановление прав протестантов приобрела весьма острый идеологический характер уже в те времена, когда Нантский эдикт действовал. Ведь этот документ все-таки исходил из превосходства католической веры как «единственно истинной». Протестантам просто предоставили некоторые права, в том числе политические, но не признали за ними права на истину. А ведь если посмотреть в корень, то в основе любой идеологической борьбы и лежит конфликт между правящей истиной и теми, кто эту истину оспаривает. Авторы Нантского эдикта «истинную

католическую веру» отождествляли с королевской властью и тем самым, хотели они того или нет, подтверждали, что гугеноты — еретики. Достоинство эдикта в том, что он учил французов в законодательной форме больше не вырезать еретиков за это, а мирно с ними сосуществовать, предоставляя им пребывать в их «заблуждении».

Ересь при абсолютизме, какие бы формы он не принимал, терпят только тогда, когда обладатель абсолютной власти может себе позволить выглядеть просвещенным. Это значит, что его власти ничего не грозит, или он наивно думает, что ей ничего не грозит. Ересь, однако, действует наподобие ржавчины. Она лишает надраенный блеск официальной истины эффекта зеркала. Люди себя в ней уже не узнают, а потому себя с ней не отождествляют. С истиной инакомыслящих постепенно начинают себя ассоциировать все более широкие круги общества, включая правящий класс. И тогда эффект ржавчины срабатывает на разрушение, и столпы общества обрушиваются. Просвещенные короли хорошо это понимали и до поры не давали этому процессу выйти из-под контроля. Ржавчину ереси своевременно счищали и надраивали затронутые ей скрижали власти и официальной истины до нового блеска. Жертвой таких чисток неминуемо стал и сам знаменитый эдикт Генриха IV.

Он был частично отменен в 1629 году уже его сыном Людовиком XIII после попытки протестантов Ла Рошели выйти из-под юрисдикции французской короны, в чем им помогли англичане. И окончательно — в 1685 году Людовиком XIV. После этого гонения на протестантов возобновились. Половина из 30 тысяч парижских гугенотов покинула страну. Только в 1775 г. Людовик XVI частично восстановил их права. Но было уже поздно. Абсолютизм рушился. Просвещение сделало свое дело и подготовило Великую Французскую революцию 1789 года. Не случайно она была стопроцентно антиклерикальной и антикатолической. Сегодня мы восхищаемся пламенеющей готикой Собора Парижской Богоматери (Нотр Дам), не задумываясь над тем, почему же в Париже так немного осталось готических храмов. А эти храмы между тем были исключительно католическими, и уничтожались они в ходе революции по всей Франции тысячами, в том числе подлинные шедевры средневековой архитектуры, не уступавшие Собору Нотр Дам. Да и Нотр Дам пострадал. Революционные мстители отломали головы статуям королей на фасаде собора, не разобравшись в своем антимонархическом порыве в том, что это статуи не французских венценосцев, а библейских королей Иудеи. В ходе революции были запрещены все религиозные католические ордена. Католических монахов и священников выгоняли из монастырей и расправлялись с ними с неимоверной жестокостью. Но вот французские протестанты в 1789 году

были уравнены в правах. В 1790 году был принят закон, по которому гугенотам, покинувшим Францию из-за гонений, и их потомкам автоматически предоставлялось французское гражданство, если они возвращались на родину. Закон этот действовал до 1945 года.

Гуманизм Великой Французской революции, утвердившей Декларацию прав человека и гражданина, не был универсальным. Демократия осуществлялась в интересах победившего класса и в ущерб побежденным. Французскому государству предстояло пройти еще долгий путь к национальному согласию и вернуться вновь к Нантскому эдикту, но уже не к форме его, а к его духу терпимости к инакомыслящим.

После 9 термидора казни, которыми известны якобинцы, не прекратились. Термидорианцы, положив под гильотину Робеспьера и его окружение, даже побили якобинцев по числу отрубленных голов. И когда пришло время остановиться, то, естественно, заговорили о национальном согласии и примирении. Иначе нацию просто истребили бы окончательно. Площадь Революции, где с утра до вечера во славу то одной, то другой идеи из-под топора гильотины падали в заранее заготовленные корзины отрубленные головы, переименовали в площадь Согласия, и это имя она носит до сих пор. Вокруг площади установили статуи, символизирующие основные города Франции. Но Согласие, как и Демократию, указами и парадными статуями не ввести. Нация еще только начинала учиться и тому и другому. Потом была империя Наполеона и была Реставрация, была жестоко подавлена революция 1830 года. Были жертвы революции 1848 года. Демократией и не пахло в период правления Наполеона III. А Парижская коммуна, о которой у нас столь розовое представление, почерпнутое из школьных учебников, была совсем не мягкотелой, как нас уверяли. Сгорел Дворец Тюильри. Вновь рушились храмы и монастыри. И классового врага в общем-то не щадили. А те, кто Коммуну подавлял, оказались просто зверьми, о чем французам в школьных учебниках, кстати, тоже сообщают весьма скупое. Париж был залит кровью так, что даже Варфоломеевская ночь поблекла в сравнении с расправой Тьера над коммунарами.

Демократия началась тогда, когда во Французской республике перестала существовать монополия на истину, когда появилась реальная возможность не просто безнаказанно, а законным образом публично противопоставлять альтернативную, оппозиционную истину правящей в ходе демократических выборов. Новейшая история Франции подтверждает, что это был нелегкий процесс. В университетах демократии не все оказалось просто. Была война. Был, по сути, профашистский режим Виши, который тоже именовал себя Французской республикой и принимал законы

от ее имени. Идеологическая борьба вновь переросла в гражданскую войну. И в том была историческая необходимость, иначе фашизм установил бы свою чудовищную «истину» на века. Однако даже после победы над фашизмом полного гражданского мира не было. Не отказывая в демократии своим гражданам, Франция еще долго и после войны категорически была против того, чтобы теми же правами пользовались жители ее колоний. И раны французских колониальных карательных походов и войн в Алжире, на Мадагаскаре еще долго будут кровоточить, как показали восстания цветной молодежи в парижских гетто осенью 2005 г.

«Утро у ворот Лувра» кисти Эдуара Деба-Понсан. Коллекция Музея Роже-Кийо

Даже в наши дни знаменитые статуи на парижской Площади Согласия отражают реальность лишь частично, но далеко не полностью ей соответствуют. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно проехать по иммигрантским кварталам вблизи Парижа и в самой французской столице, просто посчитать однажды, сколько вы за день встретили нищих и

бездомных с протянутой рукой в метро и практически у каждого третьего парижского светофора. И все же несмотря на все это дух Нантского эдикта жив. Правящий класс никогда не признает за истину «ересь» социалистов и коммунистов, но он допускает сосуществование президента-голлиста Жака Ширака, в чьей правоверности этот класс не сомневается, с левым правительством социалиста Л. Жоспэна, в который входят и коммунисты. Французы научились жить вместе политически в силу резкого полевения общества. Социальное неравенство они искореняют не только налогами, с помощью которых у богатых людей отбирают до 50 процентов дохода. Его искореняют в умах — в школах, в университетах. И вот уже в богатых семьях дети начинают бунтовать против «буржуазности» своих родителей, даже если эта буржуазность выражается всего лишь в том, что мама и папа модно, хотя и совсем не шикарно, одеваются, если они покупают «буржуазный», т. е. не малолитражный и не дай бог не французский, автомобиль и т. д. Детское стремление к справедливости пересекает границы классов, и это подспудно создает массовую базу для будущих социальных конфликтов, которые неизбежны, если умение жить вместе будет ограничено в обществе только политической терпимостью в духе Нантского эдикта. Государство должно брать на себя ответственность — тут прав Ширак — не только за порядок на улицах и на границах, но и за защищенность своих граждан от безработицы, нищеты и лишений. Это уже высший курс демократии. К нему западное общество постепенно приближается и, видимо, придет, хотя и не совсем тем путем, который рекомендуют коммунисты и даже социалисты. Перед тем как установить социальное равенство, общество неминуемо должно пройти через такие качественные перемены, о которых сейчас даже говорить не стоит, ибо можно быть абсолютно неправильно понятым. Единственно, что ясно сейчас, обществу придется полностью изменить концепцию занятости (к этому уже идут французские социалисты, которые ввели 35-часовую рабочую неделю), а значит, и концепцию образования, которое к тому же пока доступно не всем в равной мере.

Дух Нантского эдикта предполагает терпимость к инакомыслию во всем. Франция в этом ушла в сравнении с Россией, да и с другими странами тоже, далеко вперед. Однако идеализировать французов и здесь не надо. Терпимость в полной мере свойственна пока только высококультурному слою. Да и то не всем его представителям, если судить по иным книгам, появляющимся на французском книжном рынке. Что же касается основной массы... Я никогда не забуду одной сцены, которую наблюдал на Елисейских полях 14 июля 1989 года в тот день, когда по этой улице двигалась праздничная полукарнавальная колонна исторических

персонажей времен Великой Французской революции. Так отмечалось ее 200-летие. Тысячи людей собрались посмотреть на это грандиозное шоу. Многие пришли за несколько часов до начала. Остальные подходили потихоньку и по принятой у парижан привычке усаживались прямо на тротуаре не мешающими друг другу рядами. Один старичок принес с собой раскладной стульчик и поставил его на самом краю тротуара, сев ближе к асфальтовой арене. Он явно всем заслонял картину. Поначалу ему вежливо сообщили из задних рядов, что помимо него в партере немало зрителей. Потом начали улюлюкать. А затем кто-то заорал: «На эшафот его!» Предложение поддержали еще несколько человек. Старичок как-то сразу сгорбился, и, собрав свой стульчик, перешел в другое место.

Когда Горбачев принялся вводить свою «открытость» и «гласность», выдавая это за «развитие демократии при социализме», один едкий французский публицист не преминул пожелать ему использовать пример короля Франции Людовика XIV-го, который еще в XVII веке открыл дворец в Версале для посещения публики (для этого надо было только быть одетым в приличное для королевского двора платье, что было несложно, т. к. рядом с дворцом существовали специальные для этих целей ателье проката), включая посещение парадных апартаментов короля. Горбачеву посоветовали открыть для публики для начала его апартаменты в Кремле и в здании ЦК КПСС на Старой площади.

Совету публициста Горбачев, надо думать, не внял. Да и господин Ельцин тоже этому совету не последовал. Власть в России не власть, если она не покрыта густой тайной, спрятанной в сейф за семью печатями. Во Франции это иначе. Раз в году каждый может зайти в резиденцию президента в Елисейский дворец, в кабинет премьер-министра в Матиньонском дворце, в любое практически правительственное здание. Но только раз в году, в день открытых дверей. Традиции Людовика XIV в принципе сохраняется. Но сохраняется и другая традиция — страты не смешиваются. Король-Солнце допускал простолюдинов в Версаль. Но их как бы не существовало. Как не существовало равных с ним, королем, во всей Франции, про которую он говорил: «Государство — это я!» Простолюдин мог подойти и посмотреть на короля. А король мог, не видя в упор ни простолюдина, ни окружавших его придворных, мог позвать к себе слугу, носившего за ним золотой горшок, и, не прерывая беседы, сделать при всех в горшок свое «маленькое дело». Король с толпой не смешивался.

Современные короли, правящие Францией, из того же теста. Они внешне демократичны. Но и они, и их подданные знают, что и в проявлениях демократичности здесь очень четко очерчены те пределы,

которые переступить никак нельзя. Не соблюдающий эти правила игры из «приличного общества» выпадает. Самое страшное во Франции — это дурная репутация. Человек, оскандалившийся, осмеянный, нарушивший неписанные каноны этого многокланового общества, не будет иметь шансов в жизни, станет социально неприкасаемым. И не потому, что к нему кто-то относится плохо лично. А потому, что он неудобен тем, что создает неудобства другим. Машина социального отбора выбрасывает таких людей, в первую очередь, в «резервную» армию труда, в безработные, в число «маргиналей», т. е. в маргинальные слои, в люмпены. Их больше всего среди «эс-де-эф» (бездомных), «эр-эм-истов» (живущих на пособие) и «клошаров», как называют во Франции бродяг, потерявших всякие шансы вернуться к нормальной жизни и, как правило, спившихся. Французы платят им свою дань подаянием, хотя с годами все менее щедрым. Многочисленные благотворительные организации, от «Ресторанов сердца», основанных знаменитым покойным комиком Колюшем, до Армии спасения, создают для них убежища на зиму, бесплатные столовки и бани, одевают их во что Бог послал и педантично выводят у них вшей. В механизм общества этот благотворительный блок вмонтирован, как своего рода клапан для спуска перегретого пара. До поры он действует. И все делают вид, что так и надо. Правила игры, однако, меняются. Клапан частенько не срабатывает, ибо в районах хронической безработицы и в иммигрантских гетто слишком велик напор недовольства. Крышку с социального котла то и дело срывает. Так было в ноябре 2005 г, когда цветные гетто взбунтовались и даже в Париже каждую ночь поджигали машины и громили полицейские участки. Бунтовали в основном те, кто живет на пособие, кому в социальной помощи не отказывают. Во многом это был бунт отчаяния французов арабо-африканского происхождения, которые не могут себе найти места в обществе, где для того, чтобы преуспеть, прежде всего, необходимо очень хорошее образование. Сегодня с кайлом и лопатой во Франции не прокормишься. Качественно изменилась структура занятости. 60 процентов работающих французов заняты в административно-управленческой сфере, в науке, системе образования и в сфере обслуживания, в том числе в туризме, почти 33 процента — в промышленности и лишь около семи процентов в сельском хозяйстве. И если раньше в резервный «пул» безработных попадали люди в основном из производственной сферы, то теперь там полно специалистов с высшим образованием, «белых воротничков» и даже менеджеров.

Боязнь попасть в этот «пул» никому не нужных людей действует на французского обывателя не лучшим образом. Он, как правило, политикой не интересуется, либо делает вид, что ничего в ней не понимает. По крайней

мере, с человеком малознакомым он не поделится тем, за кого голосовал на последних выборах. Наши прежние представления о революционной французской нации, мягко говоря, устарели. Французы завоевали себе все необходимые гражданские права и научились ими пользоваться, они прекрасно умеют организовываться в соответствии с этими узаконенными правами и никому не дадут на них посягнуть. У нас часто показывают по телевидению, как по всей Франции проходят манифестации протеста, особенно студенческие. В марте 2006 г., когда начались выступления студентов, один корреспондент российского телевидения даже объявил, что «во Франции налицо революционная ситуация». Практика, однако, этаким марксистский анализ не подтверждает. Французы, в том числе и традиционно радикальное студенчество, да и профсоюзы, знают где кончаются права и где начинается ответственность, с каких до каких можно бузить официально и когда нужно немедленно разойтись, чтобы не получить дубинкой по голове от того же полицейского, который охранял демонстрацию «бурного социального протеста». Протест, как и все во Франции, имеет свои пределы и преступать их законопослушному гражданину, а французы удивительно законопослушны, несмотря на все свое умение «качать права», противопоказано. По мере того как революция превращалась в государство, — а сей процесс идет неумолимо последние двести с лишним лет — месье Дюпон, этот «типичный француз», медленно, но верно из бунтаря превращался в конформиста.

Понаблюдав за французами и их поведением, убеждаешься, что даже свои права они воспринимают настолько же буквально, как цвета светофора. Например, при обгоне водитель справа имеет преимущество. Это настолько прочно вбивают в мозги еще в автошколе, что типичный французский автомобилист налево даже не смотрит и нередко из бокового переулка выскакивает на широкое авеню, если только нет на его пути знака «Уступи дорогу!» и, бывает, тут же получает слева удар в бок. На такого рода ситуации приходится едва ли не половина аварий.

У нас любят анекдот, согласно которому у немцев то, что можно, можно, а что нельзя, то нельзя. У русских то, что нельзя — нельзя, и то, что можно, тоже нельзя. А у французов якобы можно даже то, что нельзя. В реальной жизни поведение француза строится в соответствии с формулой «Разрешено все то, что не запрещено законом». Если закон что-то запрещает, нарушать его рискуют немногие. Французская печать регулярно сообщает о разоблачении разного рода махинаций, и из этих сообщений можно понять, что привилегии во Франции все же были действительно отменены в 1789 году вместе с сословиями. От возмездия и правосудия

преступника не спасут ни миллионное состояние, ни высокая выборная должность.

Ролан Дюма, бывший при президенте Миттеране эмиссаром по особым поручениям и министром иностранных дел, а затем председателем Конституционного совета, попал под следствие в 76 лет по обвинению в использовании своего служебного положения и взяточничестве. Обнаружилось, что через его банковские счета буквально за год, в бытность его министром иностранных дел, прошло 10 миллионов франков. Следователи довольно быстро выяснили происхождение этих денег и объявили, что Дюма получил их в качестве взятки за то, что дал «добро» на оформление сделки по покупке во Франции представителями Тайваня военных фрегатов. Дюма тут же попал под следствие и вся Франция, затаив дыхание, следила за тем, как этого аристократа таскали по судам и перемывали косточки ему и его любовнице, которая была еще и посредницей в сделке с тайваньцами. Другой министр из окружения Миттерана мультимиллионер Бернар Тапи, который владел одним из сильнейших марсельских футбольных клубов, потерял все свое состояние и отсидел три года в тюрьме за подтасовку результатов футбольного матча. И это только два примера, а их великое множество.

Французы все время судятся, отстаивая свои права. В год они получают 5 миллионов консультаций. Суды разных инстанций во Франции выносят 12 миллионов решений в год. 58 миллионов французов обслуживает целая армия адвокатов — около 20 тысяч человек и 12 тысяч судебных чиновников. Для русского человека пристрастие французов к разного рода процессам, слушаниям, судебной хронике и фильмам, посвященным судебным тяжбам и разбирательствам, не очень понятно. Да и сама лексика этого судебного жанра нам далеко не всем доступна.

Месье Дюпона, однако, хлебом не корми, но дай послушать репортаж из зала суда. Пусть даже не прямой — это не разрешается законом. Даже фотографии нельзя публиковать, только рисунки, которые выполняют специально подготовленные портретисты. Француз может даже не особенно интересоваться тем, например, чем закончится процесс по поводу очередного дела о взятках или об отмывании денег лидерами политических партий Франции. Для него важнее, что такие процессы идут. Получив подтверждение по телевидению того основополагающего факта демократического устройства, что все равны перед законом, он с удовлетворением отметит, что сегодня судят министра (депутата, сенатора, бывшего члена кабинет и т. д.) и спокойно переключится на футбольный матч.

Правовое общество по-своему формирует человека: если он знает свои права и обязанности и уверен, что одно другим ни ему, ни кому-либо подменить не позволят, он будет ощущать себя гражданином своей страны, а не бессловесным «винтиком» некоего гигантского государственного механизма и будет действовать соответственно. Так что обращение «гражданин» во Франции — это не формальность, а нередко и призыв к гражданскому действию.

О том, что француз обязан быть прежде всего гражданином, а уже потом обывателем, ему напоминают как левые, так и правые партии. В этом — особенность наследия Великой Французской революции, детьми которой себя считают в равной степени и правые голлисты, и французские коммунисты. И в этом — залог национального согласия, благодаря которому в свое время удалось остановить якобинский террор, а затем термидорианский, организовать в годы войны с фашистской Германией французское Сопротивление, куда входили и правые, и монархисты, и коммунисты.

Французы чтят свои права и свободы. Для них — это святое. Как-то, проезжая мимо здания Национального собрания (нижняя палата французского парламента), я увидел репродукцию во всю стену первой страницы газеты «Орор», вышедшей за сто лет до того со знаменитым письмом Эмиля Золя «Я обвиняю!». В нем, как все знают, великий писатель выступил в защиту несправедливо осужденного капитана Дрейфуса. Сто лет назад свобода слова во Франции тоже была гарантирована конституцией. Но нужно было иметь большое гражданское мужество, чтобы ею воспользоваться так, как это сделал Золя. Сто лет спустя французские парламентарии и правые, и левые единогласно решили французам напомнить, что это мужество необходимо Франции и ныне. Расхождения между правыми и левыми во Франции возникают лишь по части методов обеспечения социальной справедливости, прав и свобод граждан и достижения величия Франции. Но в том, что первое, второе и третье Франции абсолютно необходимо, у них никаких расхождений нет. В 2003 году, когда в финал президентских выборов вместе с кандидатом голлистов, президентом Шираком, неожиданно вышел Ле Пэн, лидер французского ультраправого «Национального фронта» и личный друг В. Жириновского, вся Франция вышла на улицы с призывом: «Ле Пэн не пройдет!». В России Жириновский и ему подобные могут сколько угодно, хоть публично, призывать к тому, чтобы «инородцев» выбросить из Москвы и вообще из России. Во Франции за это не просто сажают. За это могут набить морду. Подавляющее большинство французов впитывает веру в то, что все люди равны, если не с молоком матери, то с молоком, которое им дают в детском

саду. Неудивительно, что социалисты и даже коммунисты проголосовали за правого Ширака, чтобы только не допустить к власти Ле Пэна, которого иначе, как «расистом и антисемитом», не называли. Хотя по сравнению с иными российскими «патриотами» он — просто гнилой либерал.

Жан-Мари Ле Пен — французский политик, депутат Европарламента. Придерживается националистических взглядов

На кладбище Пикпюс все спокойнички...

Интеллигенция создана для того, чтобы будить совесть нации. Обыватель создан для того, чтобы убаюкивать совесть и не давать ей просыпаться в те моменты, когда такое пробуждение может повредить его благополучию и душевному спокойствию. В истории Франции такие моменты, увы, есть. Самый позорный период для французской нации — это, конечно, годы существования коллаборационистского режима Виши в 1940–1944 годах. Показательно, что не столько даже о его преступлениях, сколько о его преступном характере открыто заговорили только в конце 80-х годов в ходе процесса над начальником гестапо в Лионе, нацистом Барбье, а затем в 1997–1998 годах на суде над бывшим префектом полиции Лиона Морисом Папоном, который отвечал, в частности, и за карательные акции против партизан, и за депортацию евреев и цыган, а также беглых советских военнопленных в нацистские лагеря смерти. Режим Виши претендовал на то, чтобы быть французским государством, хотя это право и отрицали за ним организаторы Сопротивления и «Свободная Франция» во главе с генералом де Голлем. Однако от фактов не уйдешь. В Виши были представлены посольствами многие иностранные государства, включая до 1941 года Советский Союз. В парижском метро, например, есть вывески, напоминающие о до сих пор действующих законах, которые были приняты во времена Виши. Мало кто вспоминает, что на Восточном фронте, в том числе под Сталинградом, воевала дивизия СС «Карл Великий», целиком составленная из французских добровольцев, носивших трехцветный флажок Франции на нарукавных нашивках. Французы только в самом конце 14-летнего правления президента Ф. Миттерана узнали, что и он, признанный лидер социалистов, был во времена войны сотрудником одного из вишистских ведомств и даже получил медаль из рук самого маршала Петэна. И, видимо, не так все было просто в их отношениях, если даже после того, как Петэн был осужден французским судом, Миттеран как президент ежегодно возлагал венки на его могилу, отмечая, правда, не память Петэна-коллаборациониста, а память Петэна, маршала Франции, одержавшего ряд побед над Германией в Первой мировой войне. Только когда к власти пришел правый Ширак, Франция признала его устами вину французского государства за преступления режима Виши. Только при Шираке и его премьер-социалисте Жоспене стало возможным начать настоящий публичный процесс против Папона.

Французский публицист Луи Клод Денуайе (1802–1868) как-то бросил фразу: «Есть мертвые, которых нужно убивать». Речь идет о памяти, конечно, об идеализации тех деятелей прошлого, которые, по сути, были преступниками и, если не казнить их в памяти народа, то не исключена новая политическая инкарнация и великих палачей, и великих деспотов, которые принесут еще большие страдания народу, не критически отнесшемуся к их историческим прототипам. Тут Денуайе был прав.

Французы вообще не любят посыпать голову пеплом и каяться. Разве что формальности ради. Так, они признали на специально организованном «суде общественности» 200 лет спустя после того, как на нынешней Площади Согласия в Париже отрубили головы королю Людовику XVI и его жене Марии-Антуанетте, что казнили невиновных. Но пойдите найдите в Париже туристический справочник, в котором будет сказано, где искать в Париже могилы тех более 16 тысяч человек, которым отрубили головы в годы якобинского террора, и тех 20 тысяч, которых казнили после термидора при Директории. Где лежат, помимо двадцати человек у Стены Коммунаров, 25 тысяч расстрелянных в ходе разгрома Парижской коммуны в 1871 году? Жертвы террора не имеют могил. Французы, как правило, и не подозревают, гуляя по своим любимым паркам, таким, как Парк Монсо или Люксембургский сад, что ходят по трупам расстрелянных коммунаров. Не догадываются, сидя на ступеньках знаменитого храма Мадлен у начала Больших бульваров, что храм этот построен на костях казненных на расположенной рядышком нынешней площади Согласия, где с утра до ночи работала гильотина якобинцев.

Именно о Великой Французской революции Ф. Энгельс написал, что она пожрала своих же детей. Думаю, что образ мифологического Кроноса пришел Энгельсу на ум не только потому, что в пору вакханалии якобинского террора революционные лозунги обернулись смертными приговорами для многих из тех, кто, собственно, эту революцию и делал. Скорее, потому, что внутри революции объективно вызрела контрреволюция, ее и погубившая. И было это делом неизбежным...

...Я остановился у заправочной станции на узкой улочке со странным названием Пикпюс, ведущей к бывшей Тронной площади, ныне площади Нации. Пока проверяли уровень масла и заполняли бак бензином, я перешел на другую сторону улицы, чтобы рассмотреть поближе небольшую мемориальную табличку, прикрепленную к старинной каменной арке. Прочел надпись на ней и ахнул. Оказывается, вот где, на мало кому известном кладбище Пикпюс, захоронены обезглавленные 200 лет назад «враги народа и революции». Их здесь ровно 1 306 в двух братских могилах. Третью заполнить не успели.

... Скорбного вида служительница ведет меня через храм, на стенах которого выбиты имена захороненных здесь жертв террора. Горят свечи, молятся монашки в фиолетово-белых одеяниях, и от этого атмосфера царившего здесь около 200 лет назад ужаса ощущается почти физически.

Поздняя кладка резко выделяется на фоне стены. Давно уже замурованы те ворота, через которые двести лет назад с Тронной площади проползала сюда в ночной тьме страшная, обитая железом телега, до краев наполненная обезглавленными трупами. Специально нанятая для этого команда раздевала их догола, отсортировывала одежду, чтобы потом поделить ее между палачами — в награду за труд — и неимущими. Затем трупы стаскивали к братской могиле и забрасывали тонким слоем земли. И так каждую ночь почти полтора месяца в июне — июле 1794 года, после того как был принят страшный закон о терроре, известный как закон 22 прериала.

«Достаточно сказать, — писал П. А. Кропоткин, — что со дня основания Революционного трибунала, то есть с 17 апреля 1793 года, вплоть до 22 прериала II года (10 июня 1794 года), то есть в 14 месяцев, было казнено в Париже 2 607 человек; но со дня введения нового закона, с 22 прериала (10 июня) по 9 термидора (27 июля 1794 г.) тот же суд послал на казнь 1 351 человека за 46 дней». Всего же по Франции под нож гильотины легли в годы якобинского террора около 17,5 тысячи человек. В Париже сначала казнили «по традиции» на Гревской площади, а после 22 прериала гильотину оттуда перетащили на Тронную площадь, поближе к заранее подготовленным могилам Пикпюса. От посетителей они отгорожены сейчас решеткой, через нее видны лишь укрывшая их бурая разрыхленная земля, на которой ни кустика не выросло, ни цветка, и два каменных креста-памятника.

Уже после того, как казни прекратились, сюда стали приезжать родственники казненных, пытались разрыть эти могилы, чтобы найти своих, но, отчаявшись, так все и оставили, лишь выкупили землю вместе со всеми захоронениями, и теперь это кладбище частное, где покоятся и родственники его владельцев.

Среди них — потомки маркизы Монтегю, у которой почти вся семья погибла на гильотине в те страшные дни. Вместе со своей сестрой, женой героя французской и американской революций, генерала Лафайета, который представлял Учредительному собранию Декларацию прав человека и гражданина, она стала первой владелицей Пикпюса. Генерал Лафайет похоронен был здесь же, у братских могил, в 1834 году, и над его могилой круглый год реет американский флаг. Его не позволили снять даже во время гитлеровской оккупации.

Было бы, конечно, проще объяснить все происходившее тогда, весь этот бессмысленный террор, если бы в братских могилах лежали одни аристократы. Но их как раз меньшинство среди 1 306 казненных — 159 мужчин и женщин. Остальные — военные, священники и монахини, слуги из дворянских домов и обычные простолюдины. Последних больше половины. За что их?

В архивах, оставшихся с той поры в назидание потомкам, можно найти, например, протокол заседания революционного трибунала, из которого ясно, что 16 похороненных здесь монахинь-кармелиток отправили на гильотину только за то, что они вопреки революционным запретам продолжали молиться. А других? Судьи поиском доказательств себя не утруждали. На эшафот отправляли каждого заподозренного в «контрреволюции». Смертная казнь полагалась даже за ложные слухи, за «развращение нравов и общественной совести». Робеспьер пояснял: «Чтобы казнить врагов отечества, достаточно установить их личность. Требуется не наказание, а уничтожение их». Увы, и нам знакомы такие формулировки. Через 150 лет и у нас появились сторонники такой гильотинной юриспруденции. И хоть гильотины у нас в 1937-м не было, свои Пикпюсы мы еще только начали откапывать. А вместе с этим узнаем и забытые имена жертв «якобинцев», сеявших террор уже именем нашей революции через разного рода «тройки» и «чрезвычайки». Учились они не на Декларации прав человека и гражданина, а на законе 22 прериаля. И до сих пор мы за это расплачиваемся, что еще раз говорит о великой пользе объективного подхода к истории и умении у нее учиться...

На Пикпюсе похоронен великий французский поэт Андре Шенье. Его казнили буквально предпоследним вместе с другим поэтом — Руше. Именно их имена возглавляли список очередной «амальгамы» в 34 человека, отправленной на эшафот 25 июля 1794 года, за два дня до 9 термидора и ареста Робеспьера, за три дня до того, как была убрана гильотина с Тронной площади обратно на Площадь Революции (ныне площадь Согласия). Шенье пришел в революцию как певец Свободы и Справедливости. Для него революционные лозунги были прекрасны, как музы и грации. Он, который называл революцию своим светочем, естественно, не мог и не стал воспевать те мерзости насилия и террора, которые стали оправдывать ее именем. Он, подобно Пушкину, «призывал милость к падшим». В том числе даже к королю Людовику XVI. Именно Шенье написал то письмо к Национальному собранию с просьбой позволить ему обратиться к народу за помилованием, которое приговоренный к смерти король подписал в тюрьме Консьержери в ночь с 17 на 18 января 1793 года. Судьба Шенье странным образом волновала Пушкина. Он не раз возвращался к образу этого поэта,

переводил его, писал стихи как бы от его имени. Самое известное из этих его стихотворений так и называется «Андрей Шенье» и посвящено Н. Н. Раевскому.

Словно предупреждение потомкам звучат пушкинские строки:

О горе! О безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! О позор!

Александр Сергеевич, заметьте, нигде революционный террор и насилие как повивальную бабку революционных перемен не восславил. Он понимал, что эта бабка может так дернуть за головку нарождающийся новый мир, что и его превратит в идиота, и роженицу отправит на тот свет. На примере Шенье он к тому же и предупреждал своих товарищей по «чистой музе» никогда не спешить туда, где поэту придется быть в услужении у «правителей бесславных» и их «палачей самодержавных». Увы, это предупреждение не было у нас услышано, и «Андрей Шенье» воспринимался как вызов самодержавию Романовых!

В 1825 году был написан «Андрей Шенье». В январе 1918-го А. М. Горький писал, что... матрос Железняков, переводя свирепые речи своих вождей на простецкий язык человека массы, сказал, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей.

Поклонники революционного мессианства и массовых репрессий во благо самих же масс, увы, — и это показали события в Кампучии, где полпотовцы для «счастья» кхмеров убили их свыше двух миллионов, — не перевелись и в наше время. Поэтому меня так настораживает, когда некоторые историки, в том числе и французские, оправдывают «чрезвычайные меры» Робеспьера тем, что время было такое, что революционной Франции приходилось обороняться от своих врагов со всех сторон. Это, действительно, имело место после ликвидации монархии и основания в 1792 году Республики. И революционной армии, которую создали якобинцы, пришлось, в том числе и в знаменитой битве под Вальми, сражаться с иностранными интервентами. Но они так это успешно делали, что захватили даже Бельгию. Зачем же было тут еще запускать в ход и топор? Почему и сегодня многие так не хотят признать, что машина

«спасения революции» по имени гильотина была задействована, главным образом, для ликвидации политической оппозиции якобинской диктатуре и ни для чего другого?

Странные иной раз в ход идут аргументы. Ну, примерно те же, которыми в советские времена объясняли истоки террора: «Возмущение масс, требовавших расправы с предателями, вынудило Конвент...» А вот во Франции один ученый просто написал, что толпе казни нравились, и она требовала их не прекращать. Ну как тут не вспомнить Чаадаева, который писал в письме А. И. Тургеневу в 1837 году: «Как можно искать разума в толпе? Где видано, чтобы толпа была разумна?» И, в конце концов, нельзя же путать толпу и народ! Толпа требовала, как всегда, хлеба и зрелищ. В качестве зрелищ ей предложили казни...

Мне не раз приходилось бывать на семинарах, организованных французскими коммунистами, где они говорили о якобинском терроре с такой странной ностальгией, будто сами сидели в Конвенте и принимали декреты наподобие закона 22 прериаля. Во Французской компартии осудили Сталина, но до сих пор почитают Марата и Робеспьера. Один профессор, член ФКП, объяснил это мне тем, что в годы якобинского террора казнили «всего» 17 тысяч человек, а это все же меньше 20 тысяч гильотинированных во время созданной термидорианской реакцией Директории. И, победно посмотрев на меня, добавил, что первый президент Третьей республики Адольф Тьер, всячески поносивший Робеспьера в своей многотомной «Истории французской революции», сам виновен в смерти 25 тысяч человек, уничтоженных в ходе разгрома Парижской коммуны в 1871 году. Тут уж было и впрямь, ни прибавить, ни убавить.

Сами французы, кстати, до сих пор якобинцев не простили. В Париже нет ни одной улицы, которая носила бы их имя. И несмотря на то, что в доме № 398 по улице Сент-Оноре неподалеку от Площади Согласия все еще сохраняется та квартирka, которую снимал Робеспьер, она туристской достопримечательностью так и не стала. А памятники Робеспьеру встретишь разве только в тех городках, где мэрами из года в год выбирают коммунистов. Да и там его бюстики то и дело приходится отмывать от кровавой краски...

Празднуя 200-летний юбилей своей революции, французы, понятно, намеренно вычленили из нее все прекрасное, созидательное и демократичное, оставляя в шкафах истории те ее скелеты, которые в глазах публики... выглядят непривлекательно. Из соображений юбилейных это понять можно. Но для настоящего познания истории нельзя забывать, что революция эта была одной из самых кровавых в истории Европы. Франция свое прошлое почитает, но соизмеряет его постоянно с сегодняшними

ценностями. Именно в V Республике куда большее значение придавали празднованию Декларации прав человека и гражданина, чем самому взятию Бастилии. Карательные атрибуты якобинцев и Директории не выставлялись на обозрение широкой публики. Хотя в салоне сувениров парижского Парка Багатель я своими глазами видел серебряные серьги в виде миниатюрных гильотин, изготовленные специально к 200-летию юбилею каким-то ювелиром с эстетическими наклонностями палача.

Видно, действительно, должен пройти не один век, прежде чем нация сможет объективно оценить свою революцию и раздать всем сестрам по серьгам, только не в виде гильотины, конечно. Франция к этому приходит, но постепенно. Только в 1993 году в провинции Вандея поставили памятник павшим в ходе революционных репрессий против населения провинции, выступившей во время Великой Французской на стороне роялистов. А там ни много ни мало было уничтожено 180 тысяч мирных жителей, включая грудных младенцев, причем самым жестоким образом. Своеобразный исторический прототип маршала Петэна — дивизионный генерал барон Луи-Мари Турро де Линьер был как раз главным организатором этого геноцида в Вандее. Именно он приказал сжечь живьем 400 человек в церкви в деревеньке Бокаж в 1794 году. И что же? Наполеон назначил его послом в Вашингтон, дал ему титул барона и не раз ставил его на высшие командные посты в своей армии. При Бурбонах в 1814 году этот палач получил одну из самых высших наград — Орден Святого Людовика. До сих пор его фамилия украшает, а точнее, позорит Триумфальную арку в Париже.

Вандейский мятеж — гражданская война между сторонниками и противниками революционного движения на западе Франции, преимущественно в Вандее, длившаяся с 1793 по 1796 год. Вместе с шуанерией, разворачивавшейся на правом берегу Луары, иногда объединяется под названием «Войны на западе»

И никто не подумает соскоблить имя палача Вандеи с ее сводов. И в более современной истории никто не понес наказания ни за зверские бомбардировки Алжира и расстрелы мирных жителей в ходе колониальной войны 1945–1951 годов, ни за массовые расстрелы восставших во Французском Мадагаскаре. Только к концу XX века о том, что творилось во французских колониях, заговорили открыто. И тем не менее французская нация в массе своей не страдает никаким чувством вины, не торопится раздирать зарубцевавшиеся раны истории и посыпать их солью. Это только мы, русские этим из века в век занимаемся, последовательно выполняем завет Луи Клода Денуайе, «убивая» своих некогда почитаемых мертвых.

Секс не порок

Несмотря на всеобщее заблуждение по части массового падения нравов во Франции, вседозволенность нельзя считать национальной чертой французов, хотя в быту настоящий галл, конечно, куда раскованнее и инициативнее, чем многие другие народы Европы. Более того, французы весьма терпимо относятся к тому, что у нас в советские времена именовали «моральным разложением». Они хохочут и издеваются над американцами с их сексуальными расследованиями и скандалами. Они не могли найти никакого криминала в том, что президент США Билл Клинтон в свободное от работы время занимался в Овальном кабинете Белого дома оральным сексом со своей секретаршей Моникой. И узнай они что-либо подобное про своего президента, им никогда не пришло бы в голову устраивать по этому поводу слушания в Сенате или в Национальном собрании. Они просто с уважением отметили бы, что «президент все еще настоящий мужчина!».

Каждый француз знает, что президент Франции Феликс Фор, именем которого названо очень престижное авеню в Париже, умер в Елисейском дворце на своем посту в объятиях проститутки. Всем известно, что у президента Франсуа Миттерана была по меньшей мере еще одна вторая семья и внебрачная дочь, которую он признал публично незадолго до своей смерти, и была масса любовниц. Никто не удивится, прочтя записки бывшей секретарши президента Ширака, которая сообщила соотечественникам, что у 75-летнего лидера голлистов среди женского персонала Елисейского дворца есть кличка «Пять минут, включая душ». Француз отреагирует на это с юмором: «Но это же лучше, если бы он был импотентом!» Означает ли это, что у французов доминирует подход к чувству, сформулированный Бальзаком: «Рассудок всегда мелочен по сравнению с чувством. Рассуждать там, где надо чувствовать, свойственно душам ничтожным»? И да, и нет. Точнее, чаще нет, чем да. Жизнь заставляет умерять страсти нередко именно в силу соображений экономических. Это одна из причин того, почему во Франции так много одиноких людей. В стране почти 8 миллионов никогда не сочетавшихся браком холостяков в возрасте от 20 и более лет, 2,5 миллиона разведены и не женятся, 4 миллиона женщин и мужчин вдовствуют. 13 миллионов французов, в том числе и состоящих в браке, жалуются на одиночество. Уже в свете этой статистики наше расхожее представление о французах, занятых амурными похождениями с утра до вечера, блекнет. Несмотря на легенды об «игривости» французов, они в целом куда целомудреннее тех же немцев, а французские мужчины по части

волокитства серьезно уступают итальянцам, а уж русские им точно дадут сто очков вперед. Да и есть ли еще на свете Казановы и Анжелики?

Французы со свойственной им дотошностью и занудством будут детально обсуждать по телевидению, радио и просто в компании проблемы достижения оргазма и психологические последствия занятий онанизмом, но это отнюдь не означает, что они готовы перейти от теории к практическим занятиям. Француженка может лежать с голой грудью и в бикини на пляже, но возмутится, если к ней подойдет и заговорит незнакомый мужчина, т. к. он ей «не представлен». Но вместе с тем та же француженка будет готова не просто *topless*, а вообще в чем мать родила участвовать, например, в массовках «ню-арт».

Американец Туник Спенсер, известный устроитель массовых перформансов с обнаженными людьми, в сентябре 2005 г заставил раздеться на публике полторы тысячи человек в порту города Лион. Среди них были приезжие профессионалы, но нашлись и лионцы, которые были очень рады шокировать свой «косный и буржуазный город». «Собравшимся в порту, — как сообщала печать, — заранее объяснили, в каком порядке они должны лежать рядом с грузовыми складами. Когда взошло солнце, мужчины и женщины самых разных возрастов скинули одежды и распластались на земле, а сам великий фотограф возвышался над голыми телами на подъемном кране, приказывая поднимать то ноги, то руки. Потом Спенсер принялся скандировать в рупор: «Лионский порт, где сливаются две реки, похожие на женские ноги, представляет собой таинственную суть коммерции». Приобщившиеся к общественному раздеванию в награду получают фотоальбомы с итогами съемок Спенсера. А Спенсер потом выставляет эти свои ню-композиции в галереях современного искусства и неплохо на том зарабатывает. Самое любопытное, что спенсеровские статисты из Лиона не считали этот свой акт бесстыдством и говорили, что их действия, как и работа самого художника, не имеют ничего общего с эротикой или сексом.

Месье и мадам Дюпон отличаются почти мартышечьим любопытством, что служит одной из причин утомительных автомобильных пробок: пока они своими глазами, на самой малой передаче не увидят, как и кто попал в автокатастрофу, их машина скорость не наберет.

Немного о нравах и о сиренах Булонского леса

В современном прочтении влечения мужчины к женщине столько наслоений рынка, технологий электронного века и искусственно подогреваемых фантазмов, что решение своих сексуальных проблем француз чаще ищет у проститутки, чем у своей жены или подруги. Если есть спрос, есть и предложение.

Рыночная экономика предлагает самый широкий ассортимент живого товара. В Париже уже даже трудно с точностью сказать, где проститутки не стоят. Для «голубых» определены более-менее фиксированные «стоянки» — это Булонский и Венсенский лес, Порт Дофин, как это ни странно, сквер имени Льва Толстого, Статуя Свободы на Сене и т. д. Для тех, кто все же предпочитает классический секс, основная база по-прежнему улица Сен-Дени, где сотни проституток стоят круглосуточно у подъездов практически каждого дома, и они не простаивают. За рабочую смену им приходится иной раз обслуживать до 70 клиентов каждой. Проституция расплодилось по всему Парижу. Путаны стоят даже в прежде неприкосновенных жилых кварталах роскошного XVI аррондисмана. Из-за наплыва проституток, в первую очередь из бывшего СССР и экс-социалистических стран Восточной и Центральной Европы, упали в цене квартиры на престижной Авеню Фош. В Париже появились целые бары, в которых работают только русские и украинские путаны, как «Бар Таня» у Елисейских полей. Время от времени газеты сообщают о разоблачении очередной сутенерской фирмы то в Париже, то в Монако, то в Марселе, через которые богатые клиенты, как правило, из числа арабских шейхов, разбогатевших на нефтедолларах, покупают на ночь дорогих манекенщиц, актрис и просто красивых женщин, торгующих своим телом. Впрочем, такой товар во Франции мало кому доступен. Это в основном для богатых туристов. А рядовой француз и здесь довольствуется тем ширпотребом, который ему, если и не по вкусу, то по карману.

... На въезде в Булонский лес, в самом начале переулочка, ведущего к посольству России в Париже, много лет подряд на одном и том же месте примерно с трех до семи стояла одна и та же проститутка. Она стояла в дождь, снег и солнце столь же неколебимо, как высящийся за ее спиной памятник королю Петру Первому Сербскому. На вид ей при дневном свете было лет шестьдесят. Трещины времени на этом живом монументе парижской путане не мог скрыть даже густой слой косметической штукатурки. Она не пыталась обратить на себя внимания. Проституция в

Париже не запрещена, но запрещено приставать к прохожим. Клиентура у нее тем не менее была и достаточно стабильная. Время от времени к ней подходили вполне симпатичные на вид, часто молоденькие французы и увозили ее с собой в машине. Через некоторое время она вновь появлялась на своем посту. И так годами. Я никак не мог понять, почему ее берут. Я спрашивал у французов, в чем секрет популярности этой парижской Наины. Диалог по этому поводу оказался весьма любопытным:

— Почему все же ее берут и притом молодые?

— Берут, значит, есть спрос на нее.

— Но она же, согласитесь, страшная.

— Конечно, это же проститутка.

— Но есть же и по красивее, в конце концов, по крайней мере, помоложе...

— В проститутке это не главное.

— Но привлекательность....

— Она должна хорошо делать свое дело. Это главное.

— Но в этом деле как бы две стороны. Она-то свое дело сделает, но тот, кто ее берет, неужели он с ней сможет? Это же только в кошмарном сне...

— Что ж, чем кошмарнее, тем лучше.

Француз, как правило, выбирает проститутку пострашнее не из извращенности, а, скорее, потому, чтобы не испытывать потом угрызений совести. Половой акт с проституткой — это не любовь, это даже не увлечение. По его логике, это необходимо для здоровья так же, как необходимо ходить в туалет, где в общем неприятно пахнет. Психологически такой подход к платному сексу — это оборотная сторона целомудрия по-французски. Есть, правда, и другие объяснения, другие ситуации. Француз, бывает, как мне рассказывали, идет к проститутке, чтобы таким образом насолить своей жене, у которой то голова болит, то усталость после работы, то вообще нет настроения. И тогда чем страшнее и грязней проститутка, тем слаще его тайная месть. Но это уже, конечно, из области патологии...

Голубая мода

В подтверждение тезиса о «развратности» французов приводят данные о том, что по числу зараженных СПИДом Франция держит первое место в Европе. Это так. Сексуальные привычки этой нации весьма своеобразны. Так, в Париже из 10 тысяч зарегистрированных проституток — 6 тысяч мужчины. Однако гомосексуалистов во Франции не намного больше, чем в других странах на душу населения. К концу XX века, правда, в быт больших городов, особенно Парижа, вошли шумные и, надо признать, красочные шествия «голубых». Эти гей-парады, призванные продемонстрировать «gay pride» их участников (т. е. гордость за то, что они — гомосексуалисты), которые проводятся ежегодно и с немалым размахом. «Голубой» мэр Парижа Бертран Деланоз говорит, что это не просто «роскошные праздники», но еще и «торжество свободы, и на них стекаются даже большее количество гетеросексуалов с детьми и семьями, чем сексуальных меньшинств». Вместе с другим «голубым мэром», градоначальником Бердина Клаусом Воверайтом, Деланоз не раз пытался уговорить и мэра Москвы Юрия Лужкова провести такой же парад в российской столице. Лужков перед этим натиском устоял. Но геи — народ упорный. Был создан даже международный комитет по подготовке гей-парада в Москве. Кто-то это субсидирует, дабы заставить все человечество, если не сменить сексуальную ориентацию в массовом порядке, то хотя бы признать, что такого рода забавы не патология, а норма и всемирно тому порадоваться.

Французские геи чрезвычайно активны не только сексуально, но и политически. Бесконечно ведутся кампании за права геев, за разрешение вступать им в гражданские и даже церковные браки. «Гомосексуализм, — объявил Б. Деланоз, — не является чем-то противоестественным. Это природа делает людей гомосексуальными или гетеросексуальными. Я сам борюсь за равноправие между мужчиной и женщиной, за равноправие конфессий, национальностей и считаю, что гомосексуалисты должны иметь такие же свободы, как и гетеросексуалы». Для француза эта позиция идеальна с точки зрения Декларации прав человека. А раз так, то и мэр их столицы вполне может быть голубым, и гей-парады — это не что иное, как «торжество свободы». Поэтому французы к геям в массе своей терпимы. Считают, что и у голубых есть право жить так, как они хотят, что европейской, гуманистической концепции прав человека ни в коем разе не противоречит. В принципе с этим можно согласиться, в конце концов, кому-какое дело до того, кто с кем и как спит. Но геям, восхищенным собственной

голубизной, такого пассивного признания мало. Отсюда и такая навязчивая манера, шум, грохот и показуха гей-парадов, которым свойственна просто-таки «революционная» нетерпимость: «Кто не с нами тот против нас!». Вот здесь у многих французов традиционной ориентации вместе с гей-парадами начались с геями расхождения. Во-первых, агрессивная голубая пропаганда может привести в лоно гомосексуализма и тех неопытных молодых людей, у которых не было к тому природной склонности, но есть податливость на модные веяния. (А голубизна, надо признать, на просвещенном Западе — в большой моде. В мире искусства, у французской богемы это почти норма. Ткни пальцем — попадешь в голубого). Во-вторых, французы не любят, когда им что-то навязывают, а уже тем более в том, что касается секса. Тут я с французами полностью солидарен. Одно дело посмотреть на гей-парад со стороны как на шоу, а другое — в нем участвовать. Каждому свое. Но геев это как раз и не устраивает. В советские времена, когда у нас еще существовала драконовская статья УК, по которой за «мужеложество» карали, геи устраивали шумные кампании солидарности со своими единомышленниками за железным занавесом. В начале 90-х годов в Париже кто-то наладил выпуск газеты «Gay Pravda» и все ждали, как на это среагируют в Москве в редакции «Правды» и в ее парижском корпункте. Конечно, если бы мы подали в суд за незаконное использование нашего брэнда, то мы бы его выиграли, как выигрывали подобные процессы во Франции не раз. Мне несколько номеров этой голубой «правды» прислали по почте, а потом несколько раз звонили узнать, понравилось ли. Я с большевистской прямоотой сказал все, что думаю по этому поводу, стараясь, конечно, при этом не нарушать права моих интервьюеров. Судиться мы с ними не стали и правильно сделали, потому что потешалась бы над нами вся Франция. «Gay Pravda» довольно быстро сошла на нет, и о ней благополучно забыли.

Геи во Франции — это, скорее, цветы асфальта, явление больше городское, чем общенациональное. Там, где голубые, там, как правило, и наркотики, а там, где наркотики, там и СПИД, по распространению которого Франция стоит на первом месте в Западной Европе. То, что среди голубых ВИЧ-инфицированных больше, чем достаточно, неоспоримо свидетельствует статистика. Впрочем, и СПИД у французов, как выяснилось, имеет свои национальные особенности. Если уж француз ударился в сексуальные похождения, то он будет авантюрен донельзя. Знакомство с сексом у него начинается, как правило, в раннем возрасте и у проститутки. Нередко в этих похождениях дорога французского сластолюбца проходит либо через Булонский, либо через Венсенский лес (и тот, и другой — практически в городской черте Парижа), где стоят

плотными рядами проституирующие мужчины и женщины бок о бок с «переделанными» трансвеститами, как правило из Латинской Америки. Все они сплошь сидят на игле и торгуют собой, главным образом, затем, чтобы заработать на наркотики. Стоит это «удовольствие» недорого, иной раз всего двадцать-тридцать евро, примерно столько, сколько надо заплатить за дозу героина. Трансвеститы готовы работать даже без презерватива за двойную плату. И нередко вместе с «удовольствием» клиент получает СПИД, ибо проститутки парижских лесопарков на 60 процентов ВИЧ-инфицированы.

«Не мойся!»

Еще одна причина распространения венерических болезней во Франции — это, как ни удивительно, весьма скромные познания населения по части бытовой и непосредственно половой гигиены. Со статистикой, конечно, не так все просто, если не делать некоторых поправок на национальные особенности. А они есть. Так во «Франкоскопии» сообщали, что французы покупают в среднем на человека всего 4 куска туалетного мыла (650 граммов) в год, в два раза меньше, чем англичане, хотя этого добра в магазинах выше крыши. В среднем они приобретают по 0,8 зубной щетки на человека и лишь по 2,9 тюбика зубной пасты. Объективно статистика подтверждает, что английская «Миррор» не далека от истины, когда утверждает, что французы плохо моются. А это такая обида для потомка галлов! Но как там не обижайся, убедиться в том, что эта статистика не врет, можно каждое утро и вечер в парижском метро. Запашок, я вам скажу, не для слабонервных. До сих пор во французских школах каждое начало учебного года проходит под знаком выведения вшей. Привозят с каникул. Не моются. Я был в ужасе, когда моя дочка принесла из детского сада этот подарок. Как это возможно во Франции?! А потом случилось то же самое и уже в школе. В сентябре мы уже автоматом покупали лосьон от вшей, и мои дочери активно его использовали для профилактики. В школах вши кишат даже в престижных аррондисманах Парижа. Когда я пытался выяснить у одного из французов, почему до сих пор случается, что вся семья моется в ванной в одной воде (сначала помоемся отец семейства, потом мать, потом дети), он долго пыхтел и пытался уйти от ответа, а потом все же сказал: «Ну, понимаешь, есть такие районы, где горячая вода стоит слишком дорого, и многие просто не могут себе позволить такую роскошь, как поплескаться вволю в ванной...» Это, увы, так. И при французском прагматизме и стремлении сэкономить на чем угодно, только бы не потратить тот сантим, который можно сберечь, «семейная баня» вполне объяснима в категориях все того же жлобства или просто бытовой экономии.

Кадр из кинофильма «Мулен Руж» (1952 г.)

«Французы почти никогда не говорят о своих женах: они опасаются, что собеседник может знать об этом предмете больше, чем они сами».

(Шарль Монтескье)

Есть еще и традиция. Во Франции — стране, полной болот (в Париже даже есть район «Марэ», т. е. болото, а городская ратуша долго именовалась «Домом на сваях», т. к. стояла в топком месте.) издавна считали, что через чистую кожу легче проникают разные болезни, вызванные близостью болот. Многочисленные эпидемии чумы и черной оспы, холеры и тифа, свирепствовавшие в средневековой Европе, уносили сотни тысяч жизней. И еще в те мрачные времена было замечено, что зараза к заразе не пристает, а

человек, часто моющийся, скорее всего, первым и подхватит заразу. Поэтому французы и не мылись, а для отталкивания дурных запахов, употребляли благовония и ароматичные масла, а с XIII века — духи. Дамы носили на шее специальные кулончики, которые назывались «винегреты», с ароматичными травами. Их нюхали, чтобы не упасть в обморок от всепроникающих ароматов ночных горшков и удушья от чрезмерно затянутых корсетов. Одной из причин, что в период Средневековья король и его двор кочевали из замка в замок, было то, что замки просто загаживали до башен, и неизбежная притом вонь гнала высший свет в дорогу. Во Франции довольно долго не было ванн и туалетов. И было бы только в домах простых граждан! Королю Генриху IV (1553–1610) впервые помыли голову в три года! А его внук Людовик XIV, Король-Солнце, как его называли, за всю свою долгую жизнь (1638–1715) мылся всего четыре раза! Неудивительно, что при Людовике XIV даже в Версале нечистоты выбрасывались прямо во двор из дворцовых покоев, а в городах — прямо на улицу еще в 19 веке, а уж в деревнях... Известна фраза Петра Первого, сказанная после его визита во Францию в 1717 году: «В Париже воняет...» Но известна и фраза из письма Генриха IV, отправленная им нарочным в Версаль его фаворитке: «Буду через неделю. Не мойся...» Нечто подобное потом написал и Наполеон своей любимой Жозефине.

К своим запахам французы как-то с веками привыкли. Свое, оно, как говорят, не пахнет. Французские сыры, кстати, тоже в самолете провозить опасно для вашей репутации: самые любимые у французов сыры — это «шевр», т. е. из козлиного молока. Запах, как говорят в армии, трехдневных портянок. Но видели бы вы, как привыкается к этому «амбре» любитель сыров в сырной лавке! Тут все непросто, господа.

Когда они работают?

Еще раз вернусь к вопроснику для американских солдат времен Второй мировой войны. Там был один вопрос, который задают все: «Французы так любят развлекаться, что непонятно, когда же они работают?!» Глядя на то, как мои приятели-французы гуляют до утра в «Кафе де ля пэ» у Оперы, а часов этак в пять бредут в квартиру друга, который живет где-нибудь поблизости, чтобы перед работой успеть привести себя в порядок, я задавал себе и такой вопрос: «А как они после бессонной ночи еще и работают?».

Как это ни странно, работают и неплохо. Конечно, речь идет не о тяжелом физическом труде. Им коренные французы практически никогда не занимаются. Это удел эмигрантов и гастарбайтеров. Месье Дюпону сызмальства прививают вкус именно к высококвалифицированному труду, такому, где есть возможность себя показать человеком творческим, а не просто приложением к конвейеру.

Только во Франции, где мастерство кулинара достигло действительно степени искусства, могли выбрать действительным членом Французской академии профессора кулинарии и известного шефа-повара. В роскошных французских ресторанах, таких, как «Тур даржан» в Париже или «Усто Боманьер» неподалеку от Нима, шеф-повар работает над каждым блюдом, как художник над полотном. Шедевры французской кухни — это, действительно, плод вдохновения и творчества. Французы, как ничто другое, любят вкусно поесть и выпить. Отсюда бесконечно, беспроегрышно раздражающее непривычных к таким ритуалам иностранцев обсуждение меню в ресторанах, которое непременно сопровождает любой званый обед вне дома. Француз обсудит все. И совпадает ли паштет с горячим, и какой лучше попросить соус, и как поджарить, если это вообще требуется, хлеб. Очень важно решить, как приготовить мясо: хорошо прожаренным, средне или с кровью, на медленном огне или быстро. Ну а уж когда дойдет до того, каким это все вином запивать, тут разворачиваются дебаты, как в Национальном собрании. У каждого уважающего себя француза непременно есть карточка (ее обычно дарят постоянным клиентам винных погребов и магазинов), на которой указаны сорта вин и годы, в которые они наилучшим образом удались.

Конечно, во многом эта цивилизация фасадна. Как те здания, у которых внутри сносят все, сохраняя только стены, фасад, чтобы не менять общий рисунок старинного города, и по сути, ставят дом заново. Нечто подобное произошло и с Францией — страной с многовековой историей, но

удивительно современной и устремленной в XXI век, в котором найдут себе место далеко не все ныне существующие на земле нации. Трудно сказать, каким будет месье Дюпон XXI века. Но думаю, что, несмотря на все перемены грядущего, он останется, прежде всего, как и всегда, французом.

Часть вторая

Париж, мой Париж

Увидеть его и умереть

«Увидеть Париж и умереть!» — сколько раз я слышал это здесь от своих соотечественников. Средней упитанности мужчина лет сорока пяти, основатель первой в своем волжском городке частной страховой компании, явно не собирается помирать ни в самом Париже, ни после него. Он просто где-то эту фразу услышал и предъявляет ее, как справку, свидетельствующую о том, что он тоже не лыком шит.

«Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли Москва», — цитирует Маяковского бывший партработник, а ныне «новый русский» неведомой нам ранее профессии: он не то риелтор, не то брокер. На том месте, где положено находиться пряжке ремня, у него висит сотовый телефон, а чуть пониже — поясной бумажник, набитый долларами. Он тоже не хочет умирать в Париже. У него обширная программа. Надо посетить «Лидо», «Мулен руж» и, конечно, салун «Крейзи хорс», в общем, все те места, где «»девушки танцуют голые и дамы в соболях...» и которых теперь, наконец, можно смотреть сколько угодно, не рискуя потерять за это партийный билет.

«Красота какая! Умереть можно! Одно слово — Париж!», — вздыхает по-русски от восторга на смотровой площадке Монмартра девушка лет восемнадцати. Ну и ей, конечно, еще жить да жить.

Это, как в пьесе Оскара Уйальда:

«— Хорошие американцы, когда умирают, едут в Париж.

— А плохие американцы?»

— Плохие? О, они едут в Америку...»

Так и русские — едут «умирать» в Париж. Ибо обмереть, умереть в Париже, от Парижа — это, наверное, и означает вдохнуть жизнь полной грудью. А по-настоящему умирать надо ехать в Россию...

У каждого из нас свой Париж, свое представление о Франции и французах, а уж о француженках тем паче. «Покажи мне Королевскую площадь», — просит меня мой давний знакомый. Просит так, будто там, на этой площади, живет девушка его мечты. Я мысленно просматриваю карту Парижа, прикидывая, о какой же именно Королевской площади он ведет речь: на сегодня в Париже есть только Королевский мост, который соединяет оба берега Сены у Лувра, как раз напротив дома, в котором умер Вольтер: есть Королевская улица, рю Руаяль, где находится ресторан «Максим'с». А вот Королевских площадей в Париже раньше было несколько, в том числе и нынешняя площадь Согласия, а сегодня нет ни одной. И только потом,

учинив моему приятелю деликатный допрос, я выясняю, что узнал он об этой площади в «Двадцать лет спустя» у Дюма: это был пароль Д'Артаньяна и его друзей-мушкетеров. Тут я соображаю, что речь идет о нынешней Площади Вогезов, самой старой в Париже. Там, действительно, когда-то, несмотря на все запреты Ришелье, по поводу и без повода, с утра до вечера рубились на дуэлях мушкетеры короля и гвардейцы кардинала... И только тут я понимаю, что мой знакомый всю свою жизнь мечтал посмотреть именно Париж Д'Артаньяна и Людовика XIII. Мы гуляем с ним по дворцу Пале Руаяль, где жил великий кардинал. Он недоумевает, как это французы позволили нарушить такую красоту инсталляцией Буррена. Я пытаюсь спорить и говорю, что черно-белые колонны Буррена как бы символизируют собой развалины некоего античного комплекса с колоннами... Он смотрит на меня с недоуменным протестом и все повторяет свое: «Как же было можно?!» Потом я услышу ту же фразу во дворе Лувра, где он увидит современную стеклянную Пирамиду Пэя. Он не сможет понять, почему кто-то посмел посягнуть на тот его Париж, который он столько лет, мечтая попасть сюда хоть раз в жизни, носил в себе. У каждого свой Париж. Чтобы утешить его, веду его через Королевский мост к улице дю Бак, где в доме номер один и жил в XVII веке капитан мушкетеров Шарль де Батц Кастельмор д'Артаньян. А потом мы поедем с моим любителем Дюма под Фонтенбло, в замок Буррон, где живут сейчас потомки этого легендарного мушкетера и где, как утверждают, по сей день хранится шпага д'Артаньяна...

В советские времена каждый наш турист обязательно посещал кладбище Пер-Ляшез и знаменитую стену Коммунаров, у которой они были расстреляны. И еще музей В. И. Ленина на улице Мари-Роз. Сейчас гиды больше рассказывают о том, что на Пер Ляшез похоронены Эдит Пиаф и батяня Махно, а Музей Ленина и вообще захирел, и французские коммунисты его закрыли, т. к. содержать его было больше не на что, да и никто уже туда из России не ходит. Французы мудрее относятся и к своей, и к чужой истории. Парижская мэрия, независимо от того, правый там мэр или левый, выделяет средства на Общество Парижской коммуны, а очень правый мэр Лонжюмо, где Ленин и Крупская когда-то держали знаменитую партийную школу, по-прежнему не снимает мемориальную доску с того здания, в котором она находилась. Наверное, многому французов научила сама их история, достаточно кровавая, чтобы никому не жаждать крови инакомыслящих.

У многих из нас в истории Франции были и свои любимые уголки: слишком много точек соприкосновения у наших двух стран и народов, хотя и нет соседства географического. Ну кто из мальчишек не представлял себя

Д'Артаньяном, а кто из девчонок не мечтал о похождениях Анжелики. Кто не млеет, слыша волшебные имена: Принц Кондэ, Герцог Гиз, Королева Марго, графиня де Севиньи, мадам Помпадур. Сколько ни воспитывали классовую ненависть к аристократии, не помогло...

Когда я показал одной своей дальней родственнице, приехавшей в Париж, как это принято, «увидеть и умереть», (причем то и другое вместе с магазинами за два дня), место, где казнили Марию-Антуанетту и рассказал, как потом по распоряжению Людовика XVIII разыскивали в общей могиле на Мадлен останки королевы и ее мужа Людовика XVI, она разрыдалась и долго не могла успокоиться. Будто все это двести с лишним лет назад произошло с ее прапрабабушкой. Оказалось, что виной тому Стефан Цвейг с его известным романом об «Австриячке», как звали Марию Антуанетту не любившие ее при жизни французы. Детское впечатление от гениально описанной Цвейгом сцены казни королевы вернулось к моей родственнице бумерангом на Площади Согласия двадцать лет спустя...

Конечно, у всех нас, русских, о Париже представление восторженное до тех пор, пока мы его как следует не узнаем. Непрост этот город и далеко не всегда гостеприимен. Но это понимаешь, только помыкавшись здесь вволю и став немного парижанином. Но к туристу Париж расположен и благосклонен. И разочарования у туриста возникают в этом городе, скорее, по недоразумению, чем по чьему-то недоброму умыслу.

На Елисейских полях гид увлеченно читает нараспев «Гимн Франции» Пьера Ронсара в русском переводе нашим туристам:

Сияют нам глаза француженок прелестных,
В них слава Франции моей воплощена...

«Вась, — говорит один из наших. — Брешет этот стихоплет. Третий день в Париже, ни одной красивой француженки еще не видел. Вчера положил на одну глаз, так оказалась наша, русская...»

Вася соглашается, кивая головой в раздумье. Действительно, где же они, очаровательные Анжелики и Королевы Марго?!

«Ну, — беседую я мысленно с Васей и его другом, — если говорить о Королеве Марго, то при всей своей сексуальности и бесчисленном количестве любовников, которыми она услаждала свою плоть до старости, она была достаточно некрасива. Но, как говорится, чертовски мила. Не столько красивой, сколько очаровательной была, например, Брижжит Бардо

в лучшие свои годы. Классически красивые француженки есть. Но, во-первых, если они по-настоящему красивы, как Катрин Денев, то, понятно, что по улицам Парижа они пешком не ходят. А во-вторых, их, увы, мало. Французы сами об этом, кстати, знают. В одном рекламном ролике рекламировалось «все французское». Хозяин дома с гордостью показывает телевизор, холодильник, кухню, светильники, компьютер и мебель, приговаривая: «Все сделано во Франции!» В этот момент входит блистательно красивая хозяйка дома. «Конечно, француженка?», — уверено говорит гость. «Ну что ты, итальянка!», — отвечает хозяин. Действительно, гораздо чаще красавиц встретишь на юге Франции поближе к Италии, но не в северных ее краях. В массе своей не отмеченным классической красотой француженкам красивую внешность вполне заменяет шарм. Это чисто французское понятие. Тургенев был без ума от Полины Виардо до конца своей жизни. По свидетельству современников, она была чуть-чуть посимпатичнее Квзимоды. Но, как только она начинала разговор или принималась играть на фортепьяно, все забывали о том, что она удивительно некрасива. Главное, чтобы женщина сама себя чувствовала неотразимой и остальное приложится. Француженки в этом, как правило, уверены на сто процентов.

«Француженки не стесняются открывать шею и плечи перед мужчинами, но стесняются это делать перед солнцем».

(Марина Цветаева)

Перед поездкой во Францию люди любознательные обязательно прочитают хоть что-нибудь о Париже. У одних — это еще дореволюционная интеллигентская традиция, усвоенная от бабушки от прадедушки. У других — синдром различных выездных комиссий, где ушедшие на пенсию активисты могли задать кандидату на выезд самый каверзный исторический вопрос. Самые благодарные туристы будут потом, попав в Париж, радоваться каждой живой иллюстрации почерпнутого ими из книжек. Самые дотошные будут мучить своих гидов, уличая их в «невежестве». Шукшинский герой из рассказа «Срезал» в Париже, увы, гость нередкий. Хотя гораздо чаще все прочитанное наспех и плохо усвоенное еще в школе, а затем в вузе и просто из газет, журналов и книжек перемешивается в

головах приезжающих сюда россиян в такую окрошку из имен, дат и анекдотов, что это, скорее, мешает воспринимать реальный Париж, чем помогает. Говорят, что покойный генерал Лебедь всерьез готовился к своей поездке во Францию и проштудировал при этом не один том. Но когда его спросили в ходе совместной телепередачи с Алэном Дэллоном, знаком ли он с его творчеством, Лебедь не вспомнил ничего. Но, чтобы показать, что все же этого актера знает, напел популярную в свое время песенку «Наутилуса Помпилиуса»: «Алэн Делон, Алэн Делон, не пьет одеколон...» Вот так и с Парижем.

Один мой коллега замучил меня, требуя разъяснить ему разницу между названиями Сен-Жермен и Сен-Жермен-де-Пре... Как я понял, его не интересовала ни история аббатства Сен-Жермен-де-Пре, где хоронили королей из династии Меровингов, ни бульвара Сен-Жермен. Просто он услышал разговор на эту тему в какой-то интермедии Ширвиндта и Державина и задал мне «вопрос на засыпку».

И все же хорошо, что Парижем и Францией у нас, пусть даже через анекдоты, но интересуются все. Прекрасно, что появилась возможность, скопив относительно немного денег, увидеть Париж собственными глазами, а не глазами чиновника от журналистики, который доверительно сообщал в телекамеру: «Нелегкая журналистская судьба забросила меня на берега Сены». И не дрожать при этом вплоть до самого взлета самолета, что где-то кто-то и за что-то тебя может «не выпустить» или потом куда-нибудь «не выпустить»...

Я радуюсь, когда приезжий мой соотечественник хоть что-то знает о Франции. Если даже он процитирует мне только одно известное ему изречение Генриха IV (1553–1610): «Париж стоит обедни» и не перепутает это слово с обедом. Я даже не буду уточнять, что в более адекватном переводе это звучит, как: «Париж стоит мессы». Я не стану пояснять, что Генрих Наваррский, не вошел бы в Париж королем, не став католиком. Он переменял веру, чтобы спасти Францию от самоуничтожения в религиозных войнах, но остался верен своим друзьям-протестантам. И уж наверняка не скажу, что никто не знает точно, сказал это сам Генрих IV про Париж и мессу либо автор этого знаменитого изречения — его министр Сюлли.

Я печалюсь, когда сталкиваюсь не просто с невежеством, а еще и с невежеством воинственным. Хоть и редко, но такие встречи, увы, бывают. У здания Парижской оперы останавливается машина. Оттуда с сознанием собственного достоинства выдвигается на тротуар многоцентнерная супружеская пара «новых русских». Гид рассказывает им про историю строительства Оперы во времена Наполеона III и добавляет, что уже в наше время потолок Оперы был расписан Шагалом. «Чем-чем расписан?»

интересуется разукрашенная золотом монументальная госпожа-туристка... Тут впору провалиться сквозь землю, в то самое подземное озеро, что кроется под зданием Оперы...

Выйдя из российского посольства, по бульвару Ланн фланирует группа высокопоставленных приезжих, которых сопровождает молодой дипломат. Указывая на старый дом на противоположной стороне, он сообщает, как о чем-то сокровенном: «А вот это — дом Эдит Пиаф». Московский гость осведомляется: «А он что делал?» — «Он пел», — не растерявшись, отвечает юный дипломат, прислушиваясь, не содрогнулась ли под ним парижская земля.

Толпа туристов окружила гида на Площади Согласия. По виду — наши. Это неистребимо. Я узнаю их даже когда они во всем от Версаче. Гид рассказывает, что установленный в центре площади обелиск рассказывает о египетском фараоне Рамзесе Первом. Из толпы следует вопрос: «А чего этот Рамзее в Париже делал».

«Все смешалось в этом доме, — добродушно постукивает молодого человека по лбу его седовласая соседка по автобусу. — «Бедная Лиза» и «Мона Лиза», Джоконда и Анаконда, Карамзин и Леонардо да Винчи, Париж и Мухоморск...» Все смеются. Слышно, как позвякивают утренние льдинки фонтанов Лувра. И кажется, что стеклянная Пирамида Пея тоже подрагивает от хохота...

А Карамзин... Он, кстати, бывал в Париже, почти 200 лет назад. Но первое его от него впечатление очень сходно с ощущением и современного русского человека, который оказался в Париже впервые:

«Я в Париже! — писал автор «Истории Государства Российского». — Эта мысль производит в душе моей какое-то особенное, быстрое, неизъяснимое приятное движение... “Я в Париже!” — говорю я сам себе и бегу из улицы в улицу...» По Парижу надо ходить: из машины его не поймешь и по-настоящему не увидишь. Бежать же приходится, потому что хочется, как можно больше увидеть. А, как правило, дней в Париже у туриста — раз два и обчелся. К счастью, Париж — город, относительно небольшой, и обождать его достопримечательности за пару дней все же можно. Во всей Франции — 56 миллионов жителей. А посещают ее ежегодно 65 миллионов туристов. Причем большая их часть непременно едет в Париж, Версаль и Евро-Диснейленд. Последний по популярности побил уже Собор Парижской Богоматери, Версаль и Эйфелеву башню. В гостях у Микки-Мауса ежегодно бывает не меньше 13 миллионов человек. На Эйфелеву же башню поднимаются всего 8 миллионов. Чуть побольше, чем на Монмартр.

Моя московская знакомая абсолютно уверена в том, что теперь в Москве ну почти все так, как в Париже. «Назовите мне, — требует она от меня с не терпящим возражений патриотизмом, — ну чего у вас тут в Париже есть такого особенного, чего у нас нет в Москве? У нас, — бросает она на весы затейного ей же самой спора самый весомый аргумент, — даже киви есть. Ну а этого вашего сыра рокфора, так вообще завались. Сыра теперь в каждом магазине сортов по тридцать. Вино французское есть, духи французские есть, бутиков — счета нет. Хоть от «Нины Риччи» одевайся, хоть от Кардена. Были бы деньги, из «Шанели» номер пять ванны можно принимать». Она так мне хочет доказать, что в Москве уже «полный Париж!», что даже говорит в рифму к своему собственному удивлению, и это ей лишь прибавляет уверенности в ее правоте. Я и не спорю. Действительно, были бы деньги. И все же в Москве нет главного. Нет Парижа!

«Чего нас, русских, так сюда тянет?», — спросил меня как-то один мой знакомый. — Ну что мы потеряли в этом Париже?»

На эту тему написаны тома. Подолгу жившие здесь русские писатели, бывало, и брюзжали, лениво поругивая Париж и его нравы, но, покинув его однажды, при первой же возможности вновь стремились сюда попасть. Эрнест Хемингуэй точно определил этот город, как «праздник, который всегда с тобой».

Русский поэт Иван Дмитриев уточнил: «В Париже всех не покидает какое-то стеснение в груди... Все начинают дышать по-новому, следовательно, надеяться...» На что? А неважно, на что конкретно. Здесь хорошо, легко, радостно. И хочется надеяться, что так будет всегда. Париж уже поэтому надо посмотреть хотя бы однажды. Ну а потом можно когда-нибудь и умереть с чистым сознанием выполненного долга.

Да, у каждого у нас свой Париж. И у меня — свой. И я охотно о нем расскажу.

Пора отпусков

Я люблю Париж в августе, в пору отпусков. Я люблю его, когда он пустеет, когда прекращается на время его вечная, деловая суета и его улицы освобождаются от тромбов автомобильных пробок. По Парижу бродят толпами туристы, постигая с каждым пройденным километром объективную истину: чтобы понять красоту французской столицы и ее особый «амбьянс» (т. е. ее атмосферу, ее очарование, ее дух), Париж хотя бы раз в жизни надо обойти пешком. Единственное в эту пору неудобство — зависающий над городом смог. Даже ветер на время августовского отпуска останавливается, и в парижской котловине, образованной тысячелетиями прорывавшейся к океану Сеной, воздух застывает без движения так, что в иные дни становится трудно дышать. Мэрия Парижа советует тогда автомобилистам без надобности из дома на машине не выезжать.

Это искушение, однако, очень трудно преодолеть, потому что именно в августе по Парижу ездить одно удовольствие: обычно забитые улицы, да так, что машины стоят по их обочинам бампер в бампер на парковочных стоянках, освобождаются. Без проблем можно запарковаться. И к тому же в августе за это не надо платить. Уходят в отпуск даже назойливые дамы из парковочной полиции. Они круглый год только и стерегут тот момент, когда вы отлучитесь от своей машины, не заплатив за стоянку, или поставите ее в неположенном месте, чтобы тут же прилепить вам на ветровое стекло талончик со штрафом в двух экземплярах, или хуже того — увезти на «фурье», т. е. «штрафную площадку». Парижане этих «голубых ангелов» ненавидят. Про них рассказывают самые злые анекдоты и распускают всяческие слухи. Говорят, например, что в парковочную полицию специально набирают бывших проституток, которые вымещают свою злобу на добропорядочных граждан, выписывая им штрафы, и даже, простите, получают при этом оргазм. После того, как я оставил машину на Пасси буквально на пять минут, а ее за это время успели увезти на «фурье», я и сам готов был в это поверить...

Августовский Париж удивительно умиротворен и спокоен. К августу все спешат завершить свои дела. Налоговое управление рассылает повестки об уплате налогов за прошлый год. С намеком, чтобы не потратили в отпуске то, что надо отдать государству. Заканчиваются парламентские заседания. В магазинах в соответствии с жесткими сроками, установленными законом, завершаются soldes («сольды») — распродажа товаров по сниженным ценам...

«Сольды»

Самые крупные сезонные «сольды» проводятся дважды в год: в июле-августе, когда летняя одежда уступает место новым осенне-зимним коллекциям, и после Рождества до середины февраля. Это очень выгодно для всех: магазины освобождают свои склады и полки, не давая залеживаться товару. Сольды эти изматывают парижан почище любой сверхурочной работы. Дело в том, что по стабильным ценам французы покупают только продукты. Но не одежду и обувь. Они ждут сольдов. Часто наши туристы, побывав впервые в Париже, удивляются, почему так скучно и немодно одета парижская толпа. Да, Париж — город мировой моды. Но, ох, как трудно «одеться» в Париже! По-настоящему фирменные вещи остаются недоступными из-за высоких цен до тех пор, пока не начнутся спасительные распродажи. В эти дни творятся чудеса. Платице от «Нины Риччи» уже в первый день сольдов можно купить не за 5 тысяч евро, а всего за 500, а в последний день и за 50 евро отдадут. Вот тут-то и начинается ажиотаж. Как-то в сольды я заглянул на Пасси в фирменный магазин «Франк э'фис». Обычно к его товарам не подступишься. А тут все сметали с прилавков по дешевке. Примерочных не хватало. И я своими глазами видел, как солидные буржуазные дамы, сбросив с себя при всем честном народе верхнее платье, примеряли сольдируемые наряды. Свой шанс никто упускать не хотел, и тут уже было не до политеса.

Продавцы все это учитывают и вроде бы по сольдируемой цене подсовывают покупателю вместе с фирменными вещами низкосортицу. Это касается не только маленьких бутиков, но и больших универмагов типа «Галери Лафайет», «Прентам», «Саморитен». Даже там найти «стоящую» вещь во время сольдов не так-то легко. И все же после сольдов парижане выглядят куда наряднее, чем обычно. Обновки не держат в сундуках. Надевают сразу и хоть недолго, но все же походят по последней моде сезона...

Отдых — это святое

В августе настроение улучшается: у одних потому, что они едут в отпуск, оставив все заботы и проблемы до возвращения на работу, у других потому, что можно оставить все дела, включая поиски работы, ибо в августе, а, если еще точнее, практически до середины сентября, когда дети возвращаются с каникул и идут в школу, просто не с кем разговаривать по делу. С того самого момента, когда из Парижа в курортных направлениях начинают вытекать медленно, как густые потоки из кратера грязевого вулкана, автоколонны отпускников, в головах у ответственных и безответственных работников совсем другие заботы. Они мыслят категориями отелей и кемпингов, пляжей и ресторанов, рыбалки и гольфа. Они забывают на время деловой язык и говорят на языке отпускников, который универсально понятен, потому что это в основном язык жестов. Прежде всего, это жест отчаяния: «Ох, как я устал!», который тут же сменяет жест восторга: «Ох, как прекрасно, что можно, наконец, отдохнуть!»

Я редко кому из французов рассказывал, что лучше всего отдыхаю в августе в Париже. Знал, что не поймут. Ведь август — это святое. Надо разбиться в лепешку, взять на худой конец кредит в банке, но вывести все семейство хотя бы в Нормандию на океан. Даже консьерж в нашем доме уезжал на август куда-то со всем семейством и своими двумя собаками. Человек, который этого не делает, а остается в Париже в августе, тем самым подает сигнал окружающим, что дела у него идут не лучшим образом, а, скорее всего, самым худшим. Так что, если меня спрашивали: «А чего это ты сидишь в Париже?», я объяснял, что у русских не так, как у французов, и что у нас принято отдыхать в сентябре. А в Париже в августе я в свободные от работы дни выезжал в лес в Рамбуйе или на рыбалку в карьеры у Сены. Да и до океана от моего дома всего двести километров. А Париж в августе лучше видишь и чувствуешь. Это один из тех немногих вечных городов планеты, где прошлое и настоящее сосуществуют, будто в сообщающихся сосудах, хотя и не смешиваются.

Надо встать рано утром, когда только открываются кафе и брасри и в булочных выпекают первый хлеб. Утренняя прохлада пахнет геранью, хрустящей корочкой знаменитого парижского хлеба и кофе...

Статуя Свободы

Когда я выхожу к Сене из своего квартала, то непременно попадаю на мост Гренель, который ведет к Дому радио. Одна из опор этого моста упирается в остров посреди Сены, на котором высится Статуя Свободы, как две капли воды похожая на ту, что установлена на острове Бедлоу при входе в нью-йоркскую гавань. Далеко не все американцы знают ее историю. В уже упоминавшемся «гиде по Франции», изданном для американских военнослужащих в 1944 году, в ответ на вопрос: «Один француз говорил мне, будто они подарили нам Статую Свободы! Что вы на это скажете?» — сообщается, что на американскую Свободу собирали деньги 180 французских городов и 40 генеральных советов. Собрано было около 250 тысяч долларов. Остальные необходимые 280 тысяч собрали американцы.

Парижская Свобода много меньше той, что в Америке. Хотя автор ее — один и тот же французский скульптор Франсуа Бартольди, и оригинал этой знаменитой статуи он лепил со своей матери. Сооружение Бартольди было действительно огромным. Нью-йоркская Свобода имеет рост 46 метров, а с цоколем — 71 метр. Потребовалось почти пять лет, чтобы отлить ее по частям и перевезти в США из Франции. В нью-йоркской гавани она была установлена в 1886 году на каркасе, созданном Густавом Эйфелем, а ее уменьшенная парижская копия встала у Моста Гренель даже на год раньше, в 1885-м году. Это был подарок Парижу от имени поселившихся здесь американцев. Когда Сена выходит из берегов, Свобода стоит по колено в воде, почти как в нью-йоркской гавани. В Париже есть еще две копии этой Статуи Свободы: одна в часовне Музея искусств и ремесел, а другая — в Люксембургском саду. Кстати, до сих пор идет спор, какую же из этих двух статуй следует считать оригиналом Бартольди. А уж по Франции этих копий не счесть. Они есть практически в каждом крупном городе. Это ли не доказательство того, что превыше всего на свете французы ценят свободу!

...Я люблю приходить сюда пешком и спускаюсь по лестнице на остров к самой воде. От самого постамента Свободы рыбаки-любители забрасывают в Сену свои спиннинги. Здесь берут на блесну судак, окунь и щука. Французы их вылавливают, потом освобождают от блесны и выбрасывают обратно в Сену. Рыба эта из-за многолетних сбросов городской отравы в Сену несъедобна. Даже кошки ее не едят...

В самом сердце Франции — в Париже на восточной части Лебединного острова стоит статуя Свободы — «младшая сестра» американской статуи Свободы, подаренной США на 100-летие со дня подписания декларации, провозглашающей независимость страны

Эйфелева башня

С моста Гренель лучше всего фотографировать Эйфелеву башню. До нее от нашего дома по набережной Сены идти минут пятнадцать. Незадолго до своего окончательного отъезда из Парижа в Москву я написал ей лирическое послание, которое потом было опубликовано в моей книге стихов «Заветные тетради». Вот оно:

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Было просто мгновение —
дуновение Вечности —
ты сказала по-русски:
«Мы с тобою повенчаны...»
Было трудно поверить
И принять откровение...

По-французски грассируя,
голубиная стая
мост Иены
над Сеной
перелетала.

Кружевное железо.
Галогенные свечи.
Триста метров невеста
и рост человеческий.

От греха бы подальше!
К Полю Марсову, в темень...
Что ты делаешь, Башня?
Отвечала:
«Je t'aime!»

Я не кривил душой. Я ей ответил взаимной любовью. Всегда, возвращаясь в Париж, говорил ей, как живой: «Привет, Башня!» К ней тянет, словно магнитом. Особенно вечером, когда ее железные кружева

подсвечены изнутри тысячами огней. Парапсихологи утверждают, что под ней можно даже «зарядиться», если постоять между ее гигантскими полукруглыми опорами и поглядеть снизу, сосредоточившись, на уносящиеся к 300-метровой высоте лифты.

Башня гигантская, но не давит на человека. Она учит его парить. Может быть, в этом ее главная прелесть. Один из современников ее создателя, французского инженера Гюстава Эйфеля (1832–1923), говорил: «Перед этим колоссом человек ощущает себя одновременно и гигантом, и лилипутом, и великим, и ничтожным...»

У ее подножия чувствуешь почти физическое соприкосновение времен. Может быть, именно здесь, на Марсовом поле прошлое переходит в настоящее, а настоящее — в будущее. Чтобы в этом не осталось сомнений, надо прийти сюда в грозу и услышать, как беснуется ветер, пойманный в эту загадочную, перевернутую Воронку Времени.

Ощущение от встречи с ней непередаваемо. Это бал, карнавал, хеппенинг, где она — главный затейник, и невозможно не поучаствовать в этом вечном празднестве по имени Париж, которое продолжается вокруг нее вот уже более ста лет. Она воспета в тысячах песен и стихов. Она отразилась на полотнах художников и на миллионах, если теперь уже не сотнях миллионов, фотоснимков. И все равно в ней живет загадка, разгадав которую только и можно объяснить, почему она стала символом и Парижа, и всей Франции.

Странно говорить об этой металлической конструкции, как о чем-то живом. Но иначе о Башне и непременно с большой буквы никто и не говорит. Железо ржавеет. Башня то и дело умирает и оживает. По замыслу Эйфеля, ее собрали из 18 тысяч металлических деталей, соединенных 2,5 миллионами заклепок. С годами все эти части заменили, чтобы избежать эрозии. Башня, по сути дела, все время омолаживается. Ее красят каждые 7 лет специальной краской — смесью хромовой, желтой охры и окиси железа.

Ощущение ее легкости — не только дань воображению. Оно имеет и техническое решение. При весе ее металлоконструкции в 7 300 тонн она оказывает на землю не большее давление, чем человек, сидя на стуле, — 4 кг на квадратный сантиметр. А если поместить башню в цилиндр с воздухом, то ее вес вместе с каменной кладкой (это уже 10 тысяч тонн) не превысит веса заключенного в цилиндре воздуха. Это, действительно, чудо.

Башня — живое свидетельство того, что во Франции умеют работать. Всего 50 инженеров по 5 300 чертежам, часть которых в натуральную величину деталей создавал сам Эйфель, сработали Башню на бумаге. Сто рабочих в кратчайшие сроки эти детали отлили. Эйфелю понадобилось только 132 монтажника и 16 гидравлических домкратов, чтобы все это

собрать. Только один рабочий сорвался и разбился во время этой стройки. И то, говорят, по собственной глупости.

К тому моменту, когда в 1886 году Эйфель выиграл со своим проектом башни первую премию среди 700 претендентов, представивших свои проекты к парижской Всемирной выставке 1889 года, он уже был признанным метром «металлической архитектуры». За свои 55 лет он построил десятки мостов и виадуков, а в историю уже вошел, соорудив в 1886 году в Нью-Йорке внутренний каркас для Статуи Свободы. Но всемирная слава пришла к Эйфелю только с Башней. Если по справедливости, то он был не столько ее автором, сколько руководителем проекта. Но о его «соавторах», которые отказались от своих прав в его пользу, теперь уже мало кто помнит. Башня, как и слава, принадлежат Эйфелю. Может быть, подобную башню построили бы и без него. Не на Марсовом поле, так где-нибудь в другом месте. Но такую мог построить только он. И она оставалась самым высоким зданием в мире долго, до тех пор, пока в Нью-Йорке не поднялся над Манхэттенем небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг.

Эйфель, действительно, был не только талантливым конструктором, но и гениальным организатором. Строительство Башни заняло всего два года, два месяца и пять дней. Уже 31 марта 1889 года Эйфель смог принять на третьем уровне на высоте 300 метров своих друзей, в своем маленьком кабинете, куда первым посетителям пришлось карабкаться по лестнице, как альпинистам. До сих пор в этом кабинете на третьей площадке башни продолжают беседовать Эйфель и изобретатель электрической лампочки Эдисон, правда, восковые. Лифты заработали только в середине мая, а сама башня была официально открыта президентом Франции Сади Карно только 10 июля, за четыре дня до столетия Великой Французской революции.

Как и водится, причем не только в России, но и во Франции, гениального Эйфеля тут же облили помоями. Вот отрывок из письма протеста против сооружения Эйфелевой башни, подписанного среди других композитором Шарлем Гуно, создателем здания Парижской оперы архитектором Шарлем Гарнье, писателями Александром Дюма и Ги де Мопассаном:

«Мы протестуем против этой колонны, обитой листовым железом на болтах, против этой нелепой и вызывающей головокружение фабричной трубы, устанавливаемой во славу вандализма промышленных предприятий. Сооружение в самом центре Парижа этой бесполезной и чудовищной башни Эйфеля есть не что иное, как профанация...»

Эйфель не переживал. Он получил башню в аренду на 20 лет. Она окупилась ровно через год, хотя ее строительство и обошлось в 8 миллионов

франков. Первоначальный план разобрать ее к 1909 году был провален сразу же. Но, как только срок контракта Эйфеля закончился, враги Башни снова пошли на нее в атаку с такой силой, что ее, действительно, едва не снесли в 1913 году. И все же предсказание поэта Верлена о том, что «эта скелетоподобная каланча долго не простоит», не сбылось. К счастью.

С годами Башня все увереннее входила в Вечность. Ее рисовали П. Серо, М. Руссо, М. Утрилло, П. Бонар, Р. Делоне, П. Пикассо, Р. Дюфи и М. Шагал — это, если упомянуть только классиков. Ей посвятили любовные строки Луи Арагон, Гийом Аполлинер, Ролан Бартес и многие другие поэты, включая русских. Музыку в ее честь создавали Дебюсси и Тиффани. Менее известные композиторы посвятили ей симфонию, сонату, несколько баллад, не говоря уже о многочисленных поэтических серенадах французских шансонье, об обрушившихся на нее признаниях в любви в виде блюзов, вальсов, танго, фокстротов, свингов и рок-н-роллов.

Башня дает работу сотням парижан. И внутри ее самой, где работают десятки рабочих и служащих на всех трех уровнях, и у ее подножья, и в администрации Компании Эйфелевой башни, которая управляет этим «предприятием» на паях с мэрией Парижа. И по соседству. Рядом с ней выступают бродячие актеры и музыканты. Десятки фотографов зазывают гостей к объективам своих «полароидов», из которых тут же появляются мокренские и весьма далекие от совершенства кадры. Но кто устоит от соблазна сняться на фоне знаменитого творения Эйфеля? Время от времени здесь проходят гигантские шоу, когда вся башня превращается в эстрадную площадку и над ней мечутся лазерные лучи и прожекторы, ее осыпают гирлянды салютов всех цветов радуги и из ее динамиков гремит на весь Париж музыка.

Кто только не пытался приобщиться к ее величию. Одним из первых на нее поднялся и сфотографировался вместе с президентом Франции в 1889 году шах Персии. Затем тут не раз бывали и представители других царствующих домов, включая Романовых, императора Австро-Венгрии и бея Джибути. В 1941 году, заявившись в оккупированный Париж, Гитлер первым делом поспешил к Эйфелевой башне, чтобы сфотографироваться на память со всем своим генеральным штабом. Потом там фотографировались фашисты рангом пониже, но регулярно, вплоть до того момента, как их вышибли из Парижа и бойцы Сопротивления сбросили с вершины Башни флаг со свастикой. Башня снова передавала в эфир позывные «Марсельезы»...

Как всякое великое творение, Башня манит к себе и людей слабых, желающих сгореть в ее пламени, как мотыльки сгорают в пламени свечи. Самая высокая точка Парижа притягивает самоубийц неодолимо. За сто с

лишним лет существования башни с различных ее уровней (1-я площадка на высоте 57 м, 2-я площадка — 115 м и 3-я — на высоте 276 м) бросились вниз 369 человек. Выжили из них только двое. Это рекорд для Парижа. С Собора Парижской Богоматери за 800 с лишним лет его существования бросились вниз и погибли только 23 человека. Теперь возведена решетка на всех трех уровнях Башни. Но самоубийцы все лезут и лезут вверх.

Самоубийцы иного типа тоже любят Башню. В 1926 году летчик Леон Колио попытался пролететь между ее нижних опор, разбился и ослеп. Его последователи были более удачливы, но эти полеты все же настолько опасны, что их вынуждены были запретить специальным законом. С Башни прыгали с парашютом, на канате в свободном прыжке, с нее даже съезжали на велосипеде. В 1989 году, в год ее столетнего юбилея, известный канатоходец прошел на ее первый уровень по канату, натянутому от террасы Дворца Шайо, что у площади Трокадеро.

Башня живет, как и Париж, напряженной жизнью. До часу ночи светятся ее огни, ходят в ажурных шахтах гидравлические лифты, сконструированные в соответствии с фантастическими идеями Жюль Верна. Время от времени где-то на ее вершине мигнет огонек и кажется, что она зовет к себе. И идешь на ее свет...

Я перехожу через мост Иены. Воробьи, голуби и чайки плещутся у фонтанов Трокадеро, забивших впервые ко Всемирной выставке 1937 года. Между этими фонтанами и нынешним Музеем человека во время той выставки разместили павильон СССР, у которого установили скульптуру Мухиной «Рабочий и колхозница». Ту самую, что потом «прописалась» у ВДНХ. Несколько месяцев она провела в самом центре Парижа. Я поднимаюсь по ступеням к площади Трокадеро, откуда лучше всего смотреть на Башню и Марсово поле. Утренняя дымка кажется дымкой Времени. Из нее возникают образы, навеянные Историей. Наверно, именно поэтому я люблю бродить по Парижу утром. У меня свой излюбленный маршрут. От Трокадеро я иду к Триумфальной арке по Авеню Клебер, а оттуда — на Елисейские поля...

Елисейские поля...

Это мы так называем по-русски Champs Elysees, ту улицу, о которой пел Джо Дассен. В Париже просто невозможно пройти мимо нее. Когда-то здесь, действительно, были поля, где сеяли пшеницу. Как-то в конце 90-х годов французские фермеры напомнили об этом парижанам. Они привезли несколько гектаров переносного грунта со специально выращенной к этому случаю пшеницей и уложили его на асфальте, а потом на виду у изумленных жителей и туристов убрали зерно своими комбайнами. Самым лучшим сувениром в тот день на Champs Elysees была солома...

Можно спорить, с чего начинаются Елисейские поля. Одни считают, что чуть ли не от Площади Согласия, на которую «Поля» выходят. А другие утверждают, что с Триумфальной арки. В Рождество Елисейские поля, однако, начинаются с Рон Пуан, с Пятачка, в переводе, который отделяет созданные еще пейзажным архитектором Ленотром сады, аллею Марселя Пруста, Гран Пале (Большой дворец) и Птит Пале (Малый дворец) от собственно Елисейских полей. Вокруг сквера у Рон Пуан каждую субботу работает уникальный рынок филателистов, а в аллеях Ленотра парижские власти регулярно устраивают выставки скульптур под открытым небом. Поля так изящны, что даже тысячепудовые толстяки скульптора Ботеро казались на их фоне миниатюрными.

В Рождество Рон Пуан превращается в Площадь Зимней Сказки. Рядом с фонтанами устанавливают огромные елки и запорошенные «снегом» блесток, когда настоящего снега нет, березы. С «Пятачка» как бы начинается рождественский лес: отсюда идут украшенные гирляндами деревья до самой Триумфальной арки.

Вплоть до XVIII века Елисейские поля улицей не были. Там просто парижане гуляли. В конце 80-х годов Жак Ширак, когда еще был мэром Парижа, а не президентом, решил вернуть этой улице ее первоначальный смысл. Убрали под землю загромождавшие ее парковки, выложили пешеходные дорожки шириной в тротуар, посадили новые деревья.

Так Елисейские поля вновь стали пешеходной зоной. Там гуляют. Круглосуточно. В кафе и ресторанчики не пробиться. Столики и стулья нарасхват. Толпами идут парижане и туристы в «бутики» и фирменные магазины, которые занимают все первые этажи старинных домов XIX–XX веков. Как правило, в них никто не живет: там только офисы, учреждения, show-rooms.

Елисейские поля по праву считают самой красивой улицей мира. В ней есть уникальная изысканность, которую создать могли только парижане.

По полям не только гуляют. Здесь отдыхают, присматриваются к новым товарам и модам. Здесь можно подобрать себе автомобиль в одном из фирменных автосалонов либо диск любимого певца и любую книгу в огромном магазине «Virgine», побродить по бутикам знаменитых торговых галерей и осведомиться о том, что сейчас в моде, а что из нее уже вышло. Кажется, что Поля хожены-перехожены и ничего там нового для себя уже не найдешь после стольких лет жизни в Париже. Ан, нет, иногда какой-нибудь старый парижанин пригласит тебя поужинать в кафе «Фуке» и между делом так скажет: «А вот за этим столиком, кстати, в 30-е годы писал свои первые рассказы Хемингуэй...»

Фобург Сан-Оноре

Я люблю, свернув с Елисейских полей, пройти по авеню Матиньон, где расположены самые роскошные художественные галереи Парижа, и затем еще раз повернув направо, выйти на Фобург Сан-Оноре. По странному совпадению там расположены резиденция французских президентов — Елисейский дворец, который когда-то принадлежал знаменитой мадам Помапдур, министерство внутренних дел Франции, посольство Японии и лучшие бутики всех модных домов Франции.

Два раза в год каждый модный дом обязан предъявить публике свою коллекцию. Одни это делают на своих площадках, но чаще — в Лувре, где под это приспособлено несколько залов в левом крыле, где некогда размещалось Министерство финансов, или в близлежащих пятизвездочных отелях. Это незабываемые спектакли, очень разные, как сами модельеры, как их подход к искусству моды. Платье в них не просто наряд, а «образ». Помню, как в 1996 году в набитом битком зале отеля «Интерконтиненталь» показывал одну из своих последних коллекций «Ив Сен-Лоран». 97 моделей. По сложившемуся уже правилу многие из них можно было сразу же запускать в производство. Но лишь около дюжины — это то высокое искусство, которое присуще подлинным художникам. Когда вышла на «язык» стройная, темнокожая манекенщица в вечернем платье из черного муслина, с открытыми плечами, зал затаил дыхание, а потом взорвался аплодисментами. Неистово хлопали даже фотографы и кинооператоры, забыв, что они находятся там совсем не для этого.

Елисейский дворец — резиденция президента Французской республики в Париже (VIII округ, Фобур Сент-Оноре, д. 55). В зале Мюрата происходят также заседания Совета министров Франции. В садах дворца вечером 14 июля (ранее день взятия Бастилии) устраиваются празднества по случаю дня Французской республики

Верно писала Элен де Туркайм: «Почему женщины, когда они смотрят демонстрацию вечерних платьев «Ив Сен-Лоран», вдруг чувствуют, как сжимается их сердце, возникает волнение, по телу пробегает легкая дрожь, как если бы речь шла о чем-то интимном или неожиданно ярком? Из-за присутствия в этих платьях мечты, поэзии, фантазии и даже безумия? Из-за воспоминаний, навеянных оперой, живописью, романами, фантазиями, легендами?

Да потому, что они ощущают, что здесь не играют в форму ради формы, в пустой эстетизм, в дешевую ностальгию; что художник не занимается просто художеством, красотой, дивертисментом; что в глубине смелого декольте, вдоль прекрасно подчеркнутых линий, в кажущейся строгости смокинга, за прозрачной кокетливостью муслина, за старинной грацией бантов из тафты или за романтизмом кружевной шали кроется

неожиданный взгляд на женщину, почтение к ней, интуитивное осознание ее желания освободиться от чувства неудовлетворенности, быть немного вызывающей, более скрытой, более интересной, более свободной, более романтической, подчас более таинственной и всегда более прекрасной — иными словами, быть героиней...»

Ив Сен-Лорана считают Президентом Высокой моды Франции. И по праву. Именно он ввел современный стиль одежды деловой и раскрепощенной женщины, позволив ей впервые одеть брюки и двубортный пиджак и не лишив ее при этом женственности. Напротив, его героини — женщины роковые и загадочные. Российские модницы очень быстро научились ухватывать самые последние тенденции *haut couture*. И на Фобург Сан-Оноре теперь практически в каждом бутике есть продавец, который говорит по-русски. В России появилась даже специальная разновидность туризма — бутиковая. Людям со средствами бывает иной раз дешевле купить билет на самолет, заказать номер в гостинице на уик-энд и слетать в Париж, чтобы подкупить себе обновки в полюбившемся бутике, чем одеваться в бутике с таким же названием, но в Москве. Много воды утекло с тех пор, когда у нас была в моде песенка ансамбля «Комбинация»:

«Ив Сен-Лоран,
Сшей мне сарафан!
Ведь я хочу девчонкой модной быть...»

В фирменном магазине «Ив Сен Лоран — Левый Берег», неподалеку от Елисейского дворца, Мэа Фенвик, директриса модных магазинов Ив Сен-Лорана, показывает мне модели осенне-зимнего сезона. «Ив Сен Лоран, — замечает она, разглядывая выставленную “деловую” тройку, — верен себе. Обратите внимание на этот костюм: казалось бы, тафта и шерсть не сочетаются. Но вот на тебе: у Ив Сен Лорана — это естественный ансамбль. Он работает на парадоксах, сопоставляет несопоставимое. А это, как столкновение кремня и кресала, дает искру...» В магазине «Левый берег» меня ждал сюрприз. Его директрисой оказалась мадам Вирджиния Беляева, отец которой совсем ребенком попал в Париж из Санкт-Петербурга после революции. Ее мать родом из Голландии. И поэтому трудно определить, в кого Вирджиния уродилась блондинкой — в отца ли, русого славянина, либо в свою нордическую мать.

«К сожалению, — говорит она, — мы потеряли нашу родословную. Я даже не говорю по-русски...»

Я напеваю ей песню группы «Комбинация». Вирджиния смеется: «Не думаю, чтобы он шил сарафаны. Но в главном певица права. Для того, чтобы быть модной, надо одеваться у Ив Сен-Лорана».

Но вот Ив Сен-Лоран закрыл свой модный дом. Но модным девчонкам на Фобург Сан-Оноре всегда можно найти ему если не адекватную, то достойную замену...

С Фобург Сан-Оноре я выхожу на Rue Royale, т. е. Королевскую улицу, которая идет к Площади Согласия. Когда-то эта площадь была Королевской, во времена Великой Французской стала Площадью Революции, но после всех тех казней, которые совершили там именем этой революции, парижане решили назвать ее нынешним именем. В знак согласия между французами установили на площади символические женские статуи главных городов Франции, т. к. город по-французски (la ville) — женского рода. В дни монархических праздников, которые не все французы отмечают, только родовитые, Rue Royale украшают синими флагами с белыми королевскими лилиями и штандартами дома Бурбонов и Герцогов Орлеанских. Именно по этой улице идет обычно процессия к статуи города Руан, к месту казни Людовика XVI на площади Согласия в день поминовения короля и его королевы Марии-Антуанетты. И долго еще после этого остается на площади островок из живых белых лилий. Улица соединяет площадь Согласия с Храмом Мадлен (Магдалины), напоминающим греческий Парфенон. Связь эта отмечена трагизмом Истории: рядом с этим храмом, на месте нынешнего цветочного рынка была братская могила тех, кого гильотинировали на площади Согласия, бывшей в то время площадью Революции. Именно там нашли во время Реставрации обезглавленный труп Марии-Антуанетты.

В доме № 3 по Rue Royale расположено заведение, о котором у нас в России знают даже те, кто никогда не бывал в Париже, — знаменитый ресторан Maxim's. Когда-то на этом месте некий итальянец Имода открыл кафе-мороженое. И вот по какой-то причине через 20 лет после окончания франко-прусской войны 14 июля 1890 года в День взятия Бастилии Имода вывесил в витрине своего кафе прусские флаги. Это вызвало такой взрыв патриотических чувств, что возмущенная толпа парижан-патриотов разгромила заведение Имоды, и ему ничего не оставалось делать, как покинуть столицу Франции. Но свято место, как говорят, пусто не бывает. Предприимчивый официант Максим Гайар решил отремонтировать заведение Имоды и открыть на этом бойком месте бар. 23 апреля 1893 года он и открыл его под вывеской на английский манер, как было тогда в моде Maxim's. В вольном переводе это могло означать и «У Максима», и «Максимов бар», и просто «Принадлежащий Максиму». В парижский, а затем и в международный обиход со временем это название вошло без всякого перевода — Maxim's».

Расположенный между Большими бульварами, с одной стороны, и площадью Согласия — с другой, Maxim's в конце XIX века оказался на маршруте загулов парижской золотой молодежи. Неминуемо один из ее наиболее ярких представителей Арно де Контад должен был сюда заглянуть. Когда это случилось, то Максим Гайар понял по количеству выпитого, что здесь к его бару надо срочно пристраивать ресторан. Это и было сделано довольно быстро. Уже 21 мая 1893 года ресторан Maxim's открыл свои двери и с тех пор их больше не закрывал. Заведение Гайара превратилось в клуб любивших покутить аристократов, стало символом шикарной парижской жизни. Обаятельный метрдотель Корнюш и маг французской кухни шеф-повар Шаво умели принять высоких гостей и поэтому шампанское здесь лилось рекой, изысканные блюда просто не успевали готовить, а скрипка не умолкала до утра. Гайар незадолго до своей смерти успел подновить фасад ресторана и переделать его внутри. Избранная его художниками тема возврата к природе — разрисованные цветами потолки и украшенные бронзовой листвой двери и террасы стали классикой декора конца XIX века и не осыпались до сих пор.

С Maxim's связаны не только звучные имена французской аристократии — принц де Саган, барон Лепик, граф де Монтестье, маркиз де Дьон, герцог Морни, но и русские имена: здесь гуляли наши великие князья, богатейшие промышленники и купцы, их любимые певцы и певицы, балерины и танцовщицы. Денег у них было куда больше, чем у разорившейся французской аристократии, и дела наследников Гайара быстро пошли в гору. В наши дни все это повторяется.

Владельцы Maxim's оказались оборотистыми и научились использовать торговую марку. Слово Maxim's стало появляться на предметах роскоши и таких символах статуса, с которыми у широкой публики всегда ассоциируется элита. Рождался уже целый стиль жизни Maxim's. Выработавшая его денежная аристократия должна была уже и обедать в стиле Maxim's, и одеваться в том же стиле, и жить в роскошных отелях Maxim's. Maxim's все более отождествлялся с французским искусством жить, с хорошим вкусом и высокой модой. Окончательно этот имидж Maxim's утвердил знаменитый кутюрье Пьер Кардэн, когда в конце 80-х годов приобрел всю империю, основанную Максимом Гайаром, включая знаменитый ресторан и расположенный у Елисейских полей отель «Residence Maxim's». И там теперь снова едва ли не ежедневно звучит русская речь. Гуляет новая денежная аристократия России, копируя привычки нашей аристократии родовой.

Храм Музыки и Танца

С Rue Royale поворачиваю направо, на Большие бульвары, воспетые Ив Монтаном, прохожу мимо Мадлен, известного на весь мир концертного зала «Олимпия» и уже через несколько минут, миновав Café de la Paix (Кафе Мира), попадаю на площадь «Оперы». Имя ей, как и авеню Опера, и метро с таким же названием дало роскошное здание Парижской оперы, выполненное в стиле ампира Второй империи со всей присущей ей помпезностью. Скульптурные группы по фасаду, потрясающие аркады, внутренний декор, к которому уже в XX веке добавился расписанный Марком Шагалом плафон, бог Апполон и музы на куполе — все, что только можно было взять из символов красоты и гармонии, было взято в этот храм Музыки и Танца. Зрительный зал на 2 500 мест никогда не пустует, хотя цены здесь далеко не всем доступны. Но выступить на сцене Парижской оперы престижно, и сюда поэтому издавна стремились все мировые звезды оперы и балета.

Оперу строил архитектор Шарль Гарнье, и поэтому нередко ее называют его именем. Когда выкопали котлован, обнаружили, что на месте, выбранном для Оперы, существует небольшое подземное озеро. Гарнье хотел было уже перенести строительство, но Наполеон III приказал ему строить там, где он ему велел. Тогда Гарнье нашел уникальное архитектурное решение — прикрыл подземное озеро «крышкой», что впоследствии и дало уникальный резонанс, которым славится Парижская опера. Теперь там расположена еще и Национальная академия музыки и танца. С 1989 года собственно Опера отсюда переехала в новое здание на площади Бастилии, построенное к 200-летию Французской революции при президенте Миттеране, а здесь, в центре Парижа, у Бульвара Капуцинов осталась балетная труппа. Но в общем-то все это единый театр, хотя помещения и два.

Для нас Опера связана, прежде всего, с историей русского балета. На сцене Дворца Гарнье танцевали Нижинский и Преображенская. Здесь пели Шаляпин и Собинов. В Париже до сих пор вспоминают «Дягилевские сезоны» начала века, названные так по имени русского балетмейстера Сергея Дягилева, который руководил балетной труппой Парижской оперы. Русская традиция утвердилась здесь надолго. После смерти Дягилева в 1929 году его сменил Сергей Лифарь, родившийся в Киеве. А его уже — Рудольф Нуриев, который незадолго до смерти поставил на сцене Гарнье свою любимую «Баядерку». И в театре на Бастилии эта традиция живет: там

ставили балет С. Прокофьева «Ромео и Джульетта», оперу Чайковского «Евгений Онегин». Парижане помнят добро: площадь, прилегающую к служебному входу в Оперу, напротив универмага «Galerie Lafayette», назвали Площадью Сергея Дягилева. Даже березки там пытались посадить в больших кадках. Но не выдержали аристократки нашего леса парижского смога и автомобильной гари — засохли. Пришлось высаживать в этих кадках туи.

Вандомская площадь

Если от Оперы идти к Лувру по улице Мира, то на первом повороте направо улица поведет вас к Вандомской площади. У нее есть и другое название — Площадь Ювелиров. Здесь открыты офисы и магазины самых престижных ювелиров Франции, работы которых известны во всем мире. Площадь — неправильный восьмиугольник — окружена полукругом драгоценностей. По фронтону магазинов идут названия ювелирных домов, заставляющие сердце каждой понимающей в этом толк женщины биться сильнее: «Ван Клеф и Арпельс», «Шоме», «Александр Реза», «Клужи Буцелатти», «Картье», «Репосси»... Конечно, сейчас они почти все открыли свои филиалы в Москве, как «Ван Клефф» в Столешниковом переулке. Но все же Париж — это Париж.

Даже в августе двери ювелирных салонов не закрываются: в сезон каникул самый клиент. У дверей «Ван Клеф и Арпельс» симпатичный парень в униформе привратника с переносным телефоном бдительно следит за всеми, кто приближается к дверям фирмы. За дверью — тоже охрана. Неудивительно: драгоценные украшения стоят немало. Миловидная девушка, поглядывая на своего спутника, который предпочитает держаться подальше от фотообъектива, примеряет фантастической красоты золотое кольцо с гранеными рубинами и бриллиантами. Легким движением руки она вдевает в уши серьги с такими же камнями. Отсвет зеркал в кроваво-красных гранях рубинов играет дьявольскими огнями. Кажется, что в камнях этих искрится колдовское вино самого Вакха.

Каждое украшение с Вандомской площади — уникальное произведение. Больше ни у кого в мире ничего подобного нет. Ведь камни, как и люди, неповторимы. Площадь и сама по себе драгоценность. Она строилась в XVII веке по проекту знаменитого французского архитектора Ардуэна-Мансара. В те времена существовал закон, по которому рядом с Лувром нельзя было строить здание выше луврских трех этажей (по нынешним стандартам, это все шесть.) И зодчий нашел оригинальный выход: пробил в крыше окна. Вот такую форму последнего этажа и стали называть в его честь «мансардой». Конечно, даже мансарду снять на этой площади дорогого стоит. Особенно если она расположена в роскошном «Отеле Ритц», одно название которого связано с самыми престижными международными форумами деловых людей и политиков, звезд мировой величины. Именно в «Ритце» всегда останавливается, наезжая в Париж,

Шарон Стоун. Отсюда, кстати, выехала навстречу своей гибели английская принцесса Диана в ту роковую августовскую ночь...

Название площади пошло от имени герцога Цезаря Вандомского, у которого когда-то были здесь владения. Но они перешли к королевской семье, и в знак утверждения этих прав здесь установили памятник Людовику XIV. В годы Великой Французской революции статую «тирана» скинули и по распоряжению Наполеона Бонапарта установили знаменитую Вандомскую колонну. Отлили ее из 1 200 пушек, захваченных во время сражения под Аустерлицем. Это своего рода бронзовая панорама наполеоновских походов 1805–1807 годов. Наполеон решил увековечить и себя лично. Наверху колонны установил свою статую в одеянии римского цезаря. Но и его статую тоже потом скинули в Реставрацию при Бурбонах и только при Луи-Филиппе восстановили. Шутники утверждают, что именно в память Наполеона, а точнее, названного его именем «Кодекса Наполеона», одного из наиболее толковых уложений законов Франции, мало изменившихся по сей день, на площади прописалось и Министерство юстиции.

Площадь удивительно красива ночью, когда подсвеченная Вандомская колонна стоит как бы в лунном луче. Тогда кажется, что площадь заполняет тихая музыка. Впрочем, это неудивительно. В доме 12 на Вандомской площади в октябре 1849 года скончался великий польский композитор Фредерик Шопен. В этом доме до переезда в бывший особняк Ришелье «Hotel cTEstre» на рю Гренель, 79 располагалось Посольство России. Может быть, Шопен и оставил этой площади свой знаменитый Ноктюрн № 5...

Лувр

От Вандомской площади иду по Rue Rivoli, где когда-то жили и работали Салтыков-Щедрин, Тургенев, Лев Толстой. Именно с этой улицы, а не с набережной Сены и не из подземного паркинга, как туристы, я люблю заходить в Лувр. Для туристов — это объект обязательный. Побывать в Париже и не посетить Лувр нельзя. Это непростительно. Также непростительно, как побывать в Санкт-Петербурге и не зайти в Эрмитаж. Хотя бы на часок. Лувр — это не просто художественный музей. Это — символ и Парижа, и Франции, и Искусства. Я бывал там сотни раз и научился воспринимать его, хотя и не сразу, не по залам, а целиком. Это место настолько уникальное, что его энергетика ощущается почти физически.

Лувр — один из крупнейших и самый популярный музей мира (9 334 435 посетителей в 2013 году, третий в мире по занимаемой площади: 160106 квадратных метров, из которых на 58 470 располагаются экспозиции). Музей расположен в центре Парижа, на правом берегу Сены, на улице Риволи, в 1-м округе столицы

Поначалу Лувр возник как крепость. Ее принялся строить в 1200 году Филипп-Август из династии Капетингов на берегу Сены, в том самом слабом месте обороны Парижа, где располагалась деревушка Лупара. Впоследствии это простецкое название переделали в более благозвучное «Лувр». Филиппу-Августу было не до эстетики. Король построил мощную квадратную крепость с огромной круглой башней посередине. Она простояла почти 300 лет, пока ее не снес король Франциск I. Но он не первый приложил руку к перестройке Лувра. Первые дворцовые здания на базе «Квадратного двора» («Кур каре») строил еще архитектор Карла Пятого (1364–1380) де Тампль. Но именно Франциск I вдохнул дух Ренессанса в будущий дворец всех французских королей. В 1546 году архитектор Пьер Леско сооружение де Тампля снес и почти 30 лет при различных Валуа возводил на его месте дворец.

Лувр строили и перестраивали практически до конца XIX века, когда уже и королей не было. Поначалу он соединялся с дворцом Тюильри, который строил архитектор Филибер Делорм. Он же по заказу Екатерины Медичи строил Малую и Большую галереи Лувра. В XVIII веке были достроены Западный корпус и часть Северного. Со стороны рю Риволи встала знаменитая Колоннада Перро, восточный фасад. Лувр замкнулся в классическом дворцовом каре. И только пожар 1871 года, уничтоживший дворец Тюильри, открыл ту самую перспективу вплоть до Триумфальной арки, которой раньше не было. Нет худа без добра. Пожар открыл ось Парижа. Она проходит через центр Двора Наполеона, вокруг которого буквой «П» расположен собственно музей Лувр, а оттуда идет через малую Триумфальную арку к пику Луксорского обелиска в центре Площади Согласия, оттуда ось идет через Елисейские поля к Триумфальной арке Наполеона и уж затем по Авеню Гранд'Арме — к арке-небоскребу в суперсовременном квартале Дефанс.

Знаменитую коллекцию скульптур и картин Лувра собрали, конечно же, короли. Без Франциска I, который приютил у себя великого Леонардо да Винчи, не было бы у Франции, да и всего человечества, если поглядеть на это шире, знаменитой Моны Лизы. Искусство нуждается в покровителях. Так что без них не было бы ни Ники Самофракийской, ни Венеры Милосской, ни «Рабов» Микельанджело, ни других шедевров мирового искусства. Без Наполеона и его завоевательных походов, прежде всего Египетского, не пришли бы в Лувр древнеегипетские статуи. История по-своему балансирует несправедливость и добродетель, добро и зло. Народное достояние ведь тоже кто-то должен сначала накопить.

С улицы Риволи можно въехать через арку прямо в Лувр. От этого трудно удержаться, особенно ночью, когда стеклянная Пирамида во Дворе

Наполеона, через которую теперь входят в Лувр, подсвечивается изнутри. Атмосфера праздника ощущается тогда в каждой ее переливающейся грани. Подсвет бассейна создает полное ощущение, что Пирамида поднимается из воды. И вдруг начинают бить фонтаны точно так, как это было в те далекие времена, когда еще были короли, строились дворцы и замки и было можно, не торопясь, десятилетиями выращивать в океане Времени такую жемчужину, как Лувр. В такие минуты там так красиво, что я тоже, грешный, любил проехать через Лувр затемно, хотя и удивлялся, почему парижские власти разрешают заезжать туда автомобилям и даже автобусам. К 1989 году, 200-летию Французской революции, стенам дворца вернули их первоначальную белизну с помощью специальных лазеров и пескоструек. Лувр, отбеленный за миллионы бюджетных евро, стал еще прекраснее. Но ненадолго: выхлопные газы, дожди и парижский смог быстро вернули ему привычный сероватый оттенок. Одним отбеливанием юбилейные инновации в Лувре, однако, не ограничились. Уже в 1983 году туда двинулись экскаваторы, бульдозеры и бетономешалки, а над прежде неприкосновенным Двором Наполеона поднялись подъемные краны. Парижане пришли в ужас, когда увидели вывернутую столетнюю брусчатку и выдранные с корнем деревья того же возраста. По мере того как углублялся котлован под будущую стеклянную пирамиду, которая должна была подняться к 1988 году между Павильоном Ришелье и Павильоном Денона, нарастал общенациональный скандал вокруг объявленного президентом Ф. Миттераном проекта «Большой Лувр».

Директор Лувра Андре Шабо подал в 1983 году в отставку, заявив, что планы расширения Лувра невыполнимы, а строительство пирамиды чревато «архитектурным риском». В Департаменте исторических памятников официальные лица открыто ворчали: «Пирамида в центре Лувра — это нелепость. Она лишит гармонии перспективу — вид на Триумфальную арку через парк Тюильри и Елисейские поля от центрального павильона дворца!»

Бывший госсекретарь по вопросам культуры М. Ги начал персональный поход против автора проекта луврской пирамиды американского архитектора И. М. Пея. Он создал «Ассоциацию за обновление Лувра» и заявил, что вход в Лувр через пирамиду Пея — это нечто «напоминающее атмосферу концентрационного лагеря». Скандал приобретал международный оттенок. Возмутились архитекторы как французские, так и зарубежные: почему именно Пей получил контракт на строительство своей пирамиды, которое обошлось в 330 миллионов долларов, без всякого международного конкурса?

Я хорошо помню Лувр во времена той уникальной новостройки. Во временном административном здании, расположившемся рядом с

миниатюрной триумфальной аркой, ведущей в парк Тюильри, за столом, заваленным бумагами, меня встретил элегантно одетый, подтянутый мистер И. М. Пей — автор проекта. Он смотрит на меня изучающе сквозь толстые стекла своих очков и с загадочной восточной улыбкой говорит: «Конкурса, действительно, не было... Когда меня пригласил во Францию президент Миттеран, он хорошо знал не меня, а мои работы. Мы очень мило поговорили, мы, кстати, с ним почти ровесники, и я сказал ему: “Господин президент, мне пошел 71-й год. И еще одного архитектурного конкурса я просто не выдержу...”»

И. М. Пей родился в Китае, образование, в том числе подготовку как архитектор, получил в США. Известность пришла к нему довольно поздно — в 1962 году. Ф. Миттеран, судя по всему, принял решение предложить ему работу над «Большим Лувром» после того, как увидел в Вашингтоне построенное Пеем «Восточное здание» Национальной галереи искусств. Пей известен и как архитектор «Конвеншн сентер» в Нью-Йорке, концертного зала в Далласе и многих других сооружений. Интервью он дает очень редко, но мне почему-то не отказал.

— Вы сразу согласились с предложением президента, мистер Пей? — спрашиваю его.

— Нет, — отвечает он, слегка поразмыслив. — Я попросил, чтобы мне дали возможность поближе ознакомиться с Лувром. Мне дали три месяца. Представляете, целых три месяца! И это несмотря на то, что с проектом торопились: ведь строительство должно быть завершено к концу 1988 года. Я работал день и ночь. Проект, конечно же, задевал мое честолюбие. И не потому, что реализация его трудна технически. Нет, мне приходилось строить комплексы и сложнее. Трудность заключалась в том, что это Лувр. Здесь все сплетается воедино: история, культура народа, непрерывность его тысячелетней традиции. Лувр как раз все это и воплощает...

— Лувр переделывался практически постоянно. Вы не первый. Выходит, вы просто продолжаете традицию...

— Не совсем так. Вплоть до завершения в 50-х годах XIX века Нового Лувра, где сейчас расположена картинная галерея, Лувр рос вширь, у меня он растет вглубь.

— И все же чем это вызвано?

— С 1793 года, с того момента, как декретом Конвента Лувр был превращен в национальный художественный музей, да и даже раньше, когда его помещения использовались для нужд Французской академии художеств, он предназначался для размещения и показа художественных коллекций. Места для работы художников, реставраторов, историков в нем практически

не было. Я уже не говорю о подсобных помещениях, ресторанах, кафе, туалетах, наконец.

— Ну нельзя же превращать художественный музей в большой супермаркет!

— Нельзя. И особенно Лувр. Франция — не Америка. У французов высокое чувство истории, традиции. Все французские студенты, например, обожают историю, а об американских этого не скажешь. И тем не менее вот вам цифры. Лувр сейчас посещают 2,7 миллиона человек в год. 75 процентов из них — иностранцы. А Центр Помпиду (современный музейно-выставочный и научно-библиотечный комплекс) — 8 миллионов человек, большинство из них французы. Музей «Метрополитен» в Нью-Йорке посещают в год 6 миллионов человек, а Национальную галерею в Вашингтоне, которую мы строили вместе с сыном, — 8 миллионов человек. 6–8 миллионов для такого музея, как Лувр, — нормальная цифра. Но, увы, ее нет. А посмотрим на продолжительность. В «Метрополитен» посетитель проводит в среднем 3,5 часа. В Лувре — 1 час 15 минут. Почему? Ведь коллекция богатейшая. Есть что посмотреть...

Да, коллекция действительно богатейшая. В Лувре традиционно 6 отделов: античного искусства, египетских древностей, восточных древностей, скульптуры, живописи и рисунка, прикладного искусства. Шедевры мирового искусства — Ника Самофракийская, которая встречает посетителей прямо при входе в Лувр на вершине парадной лестницы, Венера Милосская, «Маркиза де ла Солана» Ф. Гойи, помимо «Моны Лизы» есть еще и «Мадонна в скалах» Леонардо да Винчи, уникальные полотна Рафаэля и Тициана, целый зал Рубенса, работы Монтеньи, Веласкеса и Эль Греко, Дюрера и Ван Дейка, Боттичелли и Фра Анджелико. Богатейшая коллекция французской живописи XVII–XIX веков — де Ла Тура, Пуссена, Риго, Давида, Делакруа, Милле, Курбе... В современном каталоге Лувра более 200 тысяч названий. За год не обойдешь!

— А все ли видят посетители? — продолжает Пей. — Далеко не все, конечно. Лувр не приспособлен к длительному посещению. Родители, когда приходят сюда с ребенком, стремятся поскорее пробежать по наиболее известным залам и вернуться на автостоянку, которая к тому же далеко от Лувра. Туриста тянет поскорее в спасительный отель. Одинокий посетитель без экскурсовода просто в Лувре теряется. Экспозиция устроена бестолково и напоминает лабиринт, из которого невозможно найти выход...

— Так как же вы задумали решить эту проблему...

— Вот вам каска строителя и самый лучший гид по Большому Лувру — мой сын и партнер. Ди-ди, — зовет он. (По-китайски это значит что-то вроде «сынок».).

Пей-младший представляется: Чей Чан Пей и деловито осведомляется: «Сколько у нас времени?»

— Немного, — отвечает отец. — Я тороплюсь, а нам надо еще поговорить.

К моменту нашей встречи Пирамида уже поднялась над Дворцом Наполеона, и на специально устроенной площадке для посетителей ее можно было увидеть целиком. Строительство вступило в завершающий период. Шли отделочные работы. Рабочие настраивали эскалаторы, по которым теперь посетители спускаются в огромный «Зал встречи». Рядом с большой пирамидой — еще три маленьких. Через размещенную слева от ее центра отчетливо виден Павильон Ришелье — парадный вход в Восточный корпус, который тогда все еще занимало Министерство финансов, а теперь там — раздел скульптур. Через ту пирамидку, что установлена справа, — вход в Западный корпус. Если смотреть прямо перед собой, видишь вход в знаменитый «Кур каре», то есть «Квадратный двор» — самую древнюю часть Лувра, где издавна размещался отдел прикладного искусства. В «Большом Лувре» старинный «Кур каре» открылся посетителю по-новому: он увидит найденные здесь при раскопках остатки крепости Филиппа-Августа и первые дворцовые постройки, возведенные двести лет спустя Карлом V.

— Вы замечаете разницу между обычным стеклом и тем, которое покрывает пирамиду? — спрашивает Пей-младший.

— Да, покрытие практически бесцветно.

— Верно. Обычное стекло, если приглядеться, имеет зеленоватый оттенок. Мы делали стеклопокрытие по старинному способу — в печах, а уже потом полировали. Это дало ту идеальную прозрачность, которая позволяет видеть Лувр таким, как он есть...

Под землей Пей и его сын разместили целый город. Тут и рестораны, и кафе, и коммерческий центр, конференц-зал на 420 мест, столовая для персонала, многочисленные рабочие помещения, наконец — огромный подземный гараж, куда прямо с улицы заезжают автобусы с туристами, из-за которых было не проехать по набережной Сены у Лувра, и личные авто. Над этим паркингом ушла в землю четвертая, перевернутая пирамида, через которую лучи солнца проникают на значительную глубину, освещая новое дворцовое подземелье. 60 тысяч квадратных метров дополнительной площади получил Лувр под землей. Работа проделана огромная.

Я стою в самом центре «Зала встречи», проверяя на себе, прав ли был бывший госсекретарь по вопросам культуры, господин Ги насчет той самой зловещей «атмосферы»... Нет, конечно. Пирамида создает ощущение удивительной легкости. И не только потому, что относительно легка сама —

всего 180 тонн. В подземных сооружениях всегда ощущаешь, как давит толща земли на каждый сантиметр и помещения, и тела... Не случайно поэтому у многих возникает клаустрофобия — боязнь замкнутого пространства. Здесь видишь небо, видишь все три корпуса дворца, не теряешь ориентации, и поэтому давящего ощущения нет.

Когда я рассказал об этом Пею-старшему, он улыбнулся как-то застенчиво и очень по-китайски, а потом сказал: «Спасибо. Для архитектора — это самая лучшая оценка. Приятно, когда говорят, что понимают замысел, его оправдывают. Но вот когда говорят, что в построенном тобой здании «ничего не давит», — это приятно вдвойне...»

В своем временном кабинете, куда он приезжал наездами из США раз-два в месяц, Пэй открыл мне еще один секрет своих пирамид.

— Главная задача, которая перед нами стояла, — сказал он, — это сделать Лувр настоящим музеем.

— То есть?

— Да, да, не удивляйтесь. До недавнего времени Лувр был сооружением многофункциональным. Это и дворец, и музей, который занимает всего половину его площади, и административное здание, включая Министерство финансов. Поэтому с самого начала работы над проектом «Большой Лувр», а наша пирамида — это лишь часть его, было решено, что Лувр будет музеем и только, а все другие учреждения и службы, включая Министерство финансов, переселятся отсюда в другое место.

— Короче говоря, вернутся к решению Конвента, объявившего Лувр «музеем и только»?

Да, но создать надо музей современный. А в нем положено иметь 50 процентов площади для экспозиции, другую же половину отдать под подсобные и служебные помещения. Вопрос вставал, где их взять? При условии, если в современном Лувре служебные помещения составляют всего 7–8 процентов его площади. Переезд Министерства финансов в новое здание из Восточного корпуса, который передан музею, дает эти искомые 50 процентов. Но разместить в самом дворце служебные помещения, которые музею необходимы, невозможно. Здание старое. Планировка его годится для выставочных залов, но, увы, не для размещения современной техники и разного рода реставрационного оборудования. Не меняя плана дворца, построить 60 тысяч квадратных метров дополнительных сооружений было нереально. Тогда и пришло решение — сохранить Лувр в неприкосновенности, добавить музею 50 процентов освобождаемой Министерством площади, а служебные помещения перенести под землю. Единственным местом для этого был Двор Наполеона, где до начала строительства размещалась автостоянка. Именно в этом дворе, как говорим

мы, архитекторы, размещен центр тяжести Лувра. Здесь и должна была встать Пирамида.

— И все же, почему именно пирамида?

— Сложность проекта заключалась вот в чем. Из-за близости Сены котлован не мог быть глубже 8 метров. Но такая глубина недостаточна для вентиляции, не позволит пробиться в подземные здания необходимому для них в таком сооружении дневному свету. Они не смогут то, что называется соприкоснуться с небом. Для меня главное было — это свет. Отсюда — идея прозрачной пирамиды. Она давала свет, простор, объем. Снизу видно, где находишься, с самого начала знаешь, что ты в музее. Этому еще поможет и соответствующее оформление «Зала встречи», где будут продаваться входные билеты, будет размещена схема музея, по которой, стоя в центре пирамиды, будет предельно легко сориентироваться в экспозиции...

— Пирамида. С этим всегда ассоциируется Древний Египет...

— Общее — только форма. Но пирамида существует и в самой природе. Каменные, тяжелые пирамиды для фараонов в Египте — это здания для мертвых. Моя пирамида стеклянная, легкая, она для живых. Через нее видно небо.

— Парадокс. Пирамида — это вроде бы нечто древнее. Ваше сооружение в виде пирамиды, наоборот, ультрасовременное. Отсюда и шла вся критика: считали, что соседство древнего Лувра с таким современным неестественно.

— Архитектура и стиль новых сооружений в проекте «Большой Лувр», я согласен, должны были быть нейтральными. Особенно в том, что касается построек во Дворе Наполеона. Но пирамида — это и есть как раз наиболее нейтральная форма, к тому же позволяющая достичь беспрепятственного обзора и легкости. С квадратным сооружением это невозможно. Более того, пирамида в том виде, в каком она была задумана, не нарушала традиций французской «архитектуры пейзажа», классиком которой был Ленотр.

Стеклянная пирамида Лувра во дворе Наполеона служит главным входом в Лувр и является одним из символов Парижа. Строилась с 1985 г. по 1989 проект создал знаменитый американский архитектор китайского происхождения Бэй Юймин

Покидая тогда луврскую новостройку, я не мог сказать самому себе окончательно, что я «принял» Пирамиду Пей. Аргументы разбивались о контраргументы. Ну вот взять хотя бы столетние деревья во Дворе Наполеона... Мне потом объяснили, что их убрали потому, что это не соответствует традиции. Французы, оказывается, любят видеть архитектурное сооружение без помех, и поэтому парадные дворы дворцов — без единого деревца, разве что скульптуры можно установить. Они и были установлены рядом с Пирамидой, в том числе снесенная во время революции 1789 года статуя Людовика XIV. И все же...

«Принять» Пирамиду все же проще, чем Францию, ее народ, его обычаи, нравы. Пей-старший говорил о «тысячелетней истории Франции в ее непрерывности». На мой взгляд, это своего рода ключ к пониманию уникальности французов как нации, которую русская нация, тоже тысячелетняя, всегда воспринимала с известной долей ревности. Отсюда и перепады в нашем к ней отношении на протяжении веков — то отрицание всего французского, то, напротив, — слепое копирование. Истина все же посередине.

Собор

В Париже десятки храмов, но меня всегда тянуло больше всего в один — в Нотр-Дам де Пари, Собор Парижской Богоматери на острове Сите посреди Сены. Cite в переводе с французского означает «Город». Здесь и построили на заре новой эры, где-то в I-м веке галло-римский город Лютеция. По римской традиции остров был укреплен, порт на реке Сене углублен, а местное галльское племя, именовавшее себя «паризиями», было постепенно оримлено и быстро приучилось к тому, что в жизни помимо хлеба и мяса требуются еще вино и зрелища. Для этого по левому берегу Сены римляне вместе с паризиями построили арены, термы и форумы, остатки которых можно найти неподалеку от Сите в современном Париже (имя французской столицы, скорее всего, и произошло от племени паризиев), а в самой Лютеции строили дворцы, храмы и крепостные стены.

Век шел за веком, один, как говорят археологи «культурный слой» накладывался на другой, и все то, что когда-то римляне и паризии видели воочию, ушло под землю и потребовались раскопки, чтобы обнаружить заново когда-то процветающий римский город. В Средние века термы разобрали на укрепления, арены — на мостовые, амфитеатры — на храмы.

В 1163 году на Сите был заложен первый камень того удивительного собора, который мы в соответствии с переводом известного романа Виктора Гюго (1831 г), знаем, как «Собор Парижской Богоматери». Собственно, только благодаря Гюго французы и вспомнили об этом соборе, который к моменту опубликования его романа совсем захирел и растерял свою паству. Король Луи-Филипп настолько растрогался, прочитав этот роман, что издал декрет, по которому началась первая реставрация храма. Продолжалась она 20 лет, и к тому времени на французский трон сел уже Наполеон III, который начал реконструкцию Парижа с помощью своего градокомандующего, префекта Парижа барона Османа. Барон снес старые постройки вокруг Нотр-Дам и тогда-то творение средневековых архитекторов открылось во всей своей красе и в перспективе.

Две башни главного фасада собора, по которым когда-то карабкался легендарный Квазимодо, создают особый рисунок этого храма, весьма редкий в средневековой архитектуре. Шпили и неф отнесены на второй план. Их, когда подходишь к собору, не видно. В глаза бросаются сразу, как единый мощный аккорд этой каменной симфонии, три портала: портал Девы Марии, центральный портал Страшного суда и портал Святой Анны. Они живут своей особой жизнью, повторяя библейский рассказ в сотнях

изваяний, потемневших от времени. Лишь к 200-летию Великой Французской собор почистили, и лики святых просветлели. Во всей красе предстали 28 статуй библейских царей и пророков на аркаде главного фасада и даже знаменитые химеры стали куда симпатичнее, чем прежде.

В соборе тихо, хотя через него проходят десятки тысяч туристов и парижан. Нотр-Дам действует, как и положено храму. В нем верующие и священники творят молитву и мысленно говорят с Богом. А для этого нужна тишина. Ее нарушают лишь удары колокола, который в наше время раскачивает уже не уцепившийся за металлический язык служка, а механический звонарь. Когда идет служба, здесь звучит мощный орган, который приезжают послушать любители музыки даже из-за границы. Нигде не услышишь «Реквием» Моцарта в таком звучании, как под сводами Нотр-Дам де Пари.

Собор повидал за 800 с лишним лет своей жизни многое. Здесь короновался Наполеон Бонапарт в 1804 году. Здесь отпевали самых знаменитых и знатных людей Франции. Но главное все же не в этом. Когдаходишь в Нотр-Дам и вслушиваешься в трепет пламени свечей, горящих днем и ночью перед мраморной статуей Святой Девы Марии, понимаешь, почему храм очищает душу. Здесь можно напрямую обратиться к Богу и его земной Матери без посредников. Достаточно прочитать молитву про себя и вслушаться в ее эхо.

Перед Собором есть небольшой круг. Если ты впервые в Париже и хочешь сюда вернуться вновь, надо на этом круге с минуту постоять. Такова примета. Это центр Парижа. Отсюда идет отсчет расстояния до него по всем дорогам Франции, от точки, где Париж начинался 2000 лет назад.

Когда я еду в Сите, то всегда ставлю машину в паркинге под площадью перед Нотр-Дам. Вход туда совместили со входом в Археологический музей, где можно увидеть остатки самых первых зданий и древней крепости, охранявшей Сите. Крепость эта выдержала не одну осаду: варяги поднимались вверх по Сене на своих ладьях к Парижу вплоть до X века. До сих пор напоминает об этом мемориальная табличка при входе в музей: доблестный герцог Гед когда-то именно здесь и погиб, защищая Париж во время очередного набега...

Из паркинга я выхожу прямо к памятнику Карлу Великому, основателю Священной Римской империи, послужившей, как считают специалисты, прообразом Евросоюза. Чем-то этот император на бронзовом коне всегда напоминал мне нашего Илью Муромца...

Букинисты, каштаны и греческий сандвич

Вдоль острова Сите то и дело плывут посмотреть на Собор речные трамвайчики с туристами. На набережной Сены с раннего утра букинисты открывают свои лавочки в виде навесных железных ящиков, которые устанавливаются на парапете, и любители печатного антиквариата самозабвенно роются в этих сокровищницах. Там можно найти все что угодно — от игривых открыток XIX века до афиш концертов Эдит Пиаф времен оккупации Парижа, от прижизненных изданий классиков начала XX века до советских плакатов 30-х годов. Рабочий день у них не нормированный. Когда хотят, тогда и открывают. А в августе многие лавочки букинистов закрываются.

Как только наступает осень, на набережных Сены, как и в центре, чаще всего рядом с такими большими универмагами, как «Самаритен», появляются продавцы каштанов. Съедобные каштаны (в отличие от «конских») напоминают чем-то по вкусу сладкий картофель... Их поджаривают на переносных жаровнях и предлагают прохожим в небольших фунтиках на пробу. Одна из таких жаровен встречает меня у входа в Латинский квартал. И если я не очень голоден, то фунтика с каштанами вполне хватает, чтобы заморить червячка.

Если свернуть направо и перейти на другую сторону набережной, можно войти в Латинский квартал через самую старую и самую маленькую улицу, которая называется *Le Chat qui pêche* («Кошка ловит рыбку»). Она такая узкая, что в ней с трудом разойдутся два человека. Когда выходишь из нее, сразу же попадаешь на улицу пошире, сплошь забитую маленькими быстро и ресторанчиками. Здесь у меня есть любимая лавочка, которую держит курд Мустафа. С утра до вечера он обжаривает на своем электрическом вертеле тонко нарезанные куски баранины. От этого гигантского шашлыка настругиваются поджарочки. Их укладывают на небольшой лаваш, добавляют жареной картошки, лука, салат и помидоры и поливают все это белым острым соусом или кетчупом. По сути, это шаурма — типично восточное блюдо. Но в Париже его называют «греческий сэндвич». Почему, никто объяснить не может. Врачи говорят, что регулярное употребление этого блюда в пищу ведет к ожирению и нарушению обмена веществ. Но устоять перед этим искусом в исполнении Мустафы невозможно. Обедение! Главное, удержаться после этого от приглашения в расположенные поблизости ресторанчики и кафе, которые держат греки. Они предлагают уже меню более солидные: прямо в витринах жарятся на

вертеле поросята и тигровые креветки, на подносах со льдом лежат устрицы, крабы и лобстеры. Как это все выносят бедные студенты Сорбонны, которые живут здесь же на верхних этажах в своих общежитиях?!

Все дороги ведут к Монмартру

Когда я в первый раз приехал со своей женой в Париж в 1982 году, мы несколько раз поднимались на Монмартр пешком. Тогда нам это не казалось утомительным путешествием: первое знакомство с Парижем подарило нам крылья.

Уже по пути из аэропорта Шарль де Голль в Париж можно увидеть на высоком холме белоснежный храм с вытянутыми куполами. Это базилика Сакре-Кер («Священное сердце»), построенная в начале нашего века на вершине холма Монмартр. Он, правда, пониже Эйфелевой башни (высота холма всего 130 метров), но и отсюда видна прекрасная панорама Парижа.

Монмартр обладает каким-то странным притяжением. Сюда тянет, как магнитом. Место — святое. Ведь Монмартр в переводе «холм мучеников». По преданию, варвары казнили здесь парижского епископа Дионисия. А он, держа в руках свою отрубленную голову, прошел шесть с лишним километров до нынешнего парижского предместья Сен-Дени, где потом было построено аббатство его имени и усыпальница, в которой похоронены все французские короли (за исключением Людовика Святого).

В Сакре-Кер регулярно проходят мессы, и с учетом наплыва туристов священники исповедуют здесь верующих на всех европейских языках. Даже те, кто в церкви гость редкий, обязательно пройдут вокруг алтаря этого храма со сводов которого их провожает взглядом Спаситель. Коренные парижане по разному объясняют, почему их предки собирали деньги на этот храм, кстати, единственный в Париже, построенный на средства прихожан. Одни говорят, что он поставлен в память о погибших в войне с немцами 1870 года. Другие утверждают, что Сакре Кер напоминает о погибших коммунарах: ведь именно здесь, на Монмартре, стояла в 1870-м последняя баррикада Парижской коммуны, уничтоженная артиллерией Тьера. Оставшихся в живых здесь же и расстреляли. Сейчас об этом вряд ли кто вспоминает.

Туристов тянет сюда слава того Монмартара, который стал символом парижской богемы, артистов, художников и поэтов, по традиции селившихся в квартале Монмартр. И потому, что здесь была привычная для них атмосфера, и потому, что стоило это тогда недорого. Не то, что теперь.

Монмартр — это не только сам холм, но и целый район с таким названием, куда входят прилегающие к холму улицы и площади: Пигаль, Бланш, Клиши. Там, как и на заре века, лишь вечереет, кипит ночная жизнь, крутится красный ветряк знаменитого мюзик-холла «Мулен Руж», мелькают

зазывные огни эротических шоу и секс-лавок. Этих шоу и лавок на заре века не было. Но зато были бродячие театры и цирки, артистов которых так любили рисовать парижские живописцы. Полистайте альбомы классиков — и вы в этом убедитесь. Монмартр навечно связан с творчеством художников-символистов Дега, Тулуз-Лотрека, Ван-Гога, Сера, Мане и с голубым периодом тогда еще юного кубиста Пикассо.

На одной из улочек холма у последнего сохранившегося в Париже виноградника приютилось увитое плющом и лозой кабаре «Ларпэн Ажиль». Над входом в него вместо вывески — веселый заяц с бутылкой в руке. Рассказывают, что первый хозяин этого кабачка попросил местного художника Андре Жиль нарисовать ему что-нибудь веселенькое на фасаде для привлечения посетителей. Жиль нарисовал Зайца, по-французски — «lapin» и подписался «А Жиль», но точку между инициалом и фамилией не поставил. Так и получилось «Lapin Agile», что значит по-французски «Загулявший заяц».

С этим кабаре у Пикассо связаны две картины. Одна так и называется «В Lapin Agile», а вторая — «Свадьба Пьеретты». Последняя ушла в 1989 г. с торгов на аукционе «Сотсбис» за 45 миллионов долларов. Ну кто на заре XX века из посетителей монмартрского кабачка мог подумать, что измазанный красками лупоглазый парнишка создает у них на глазах такое сокровище? В кабаре, как и во времена Пьеретты, стоят простые столы и скамейки. Хозяин угощает посетителей вишневой настойкой. И вдруг кто-то часам к девяти вечера затянет за столом старую французскую песню. А другие посетители ему подпоют. И тут уже трудно разобрать, где артист поет, а где вокалист-любитель. Так начинается ежедневное представление в «Lapin Agile».

На вершине холма на площади Тертр, около которой жили в разные годы Огюст Ренуар, Эмиль Бернар, последние символисты — Морис Утрилло и Рауль Дюфи, днем и ночью трудятся художники. Ночью, правда, работают в основном приезжие, прежде всего моменталисты, среди которых — японцы, сербы, поляки, русские. А днем тут можно встретить и очень недурных французских художников и даже купить у них не так дорого оригинальный рисунок акварелью или маслом, свеженький, потому что создают его по традиции на глазах у всей честной публики.

Холм гудит с утра и до утра. Еще с начала прошлого века. Невозможно представить, сколько здесь выпивают вина и пива, кофе и чая. Туристы посостоятельнее, конечно, идут в рестораны и кафе, чтобы послушать музыку, а то и потанцевать. Но молодежь предпочитает все это делать на открытом воздухе. Парни и девушки со всего мира собираются сотнями, а в иные дни и тысячами на ступенях лестницы, которая ведет от фуникулера к

подножию Сакре-Кер. Там до рассвета сидят, обнявшись, влюбленные. Там поют свои песни будущие звезды эстрады и уже признанные бродячие барды. Там хорошо дожидаться первых лучей солнца, пока оно не высветило повсюду разбросанные пивные банки и тысячи обсосанных до фильтра «бычков». Там, перефразируя стихотворение Пушкина «Кавказ», можно сказать: «Париж подо мною...» С той лишь разницей, что в монмартрской вышине одному остаться попросту невозможно.

По русским адресам

Я никогда не чувствовал себя одиноким в Париже. У меня было много друзей. И французов, и русских. И еще я всегда ощущал почти физически ту невидимую ниточку истории, которая связывает Францию с Россией. Я немало нашел доказательств ее существования, бродя по Парижу.

На площади Трокадеро напротив смотровой площадки, откуда лучше всего смотрится Эйфелева башня, есть кафе «Малакофф». Если я иду от центра Парижа домой, я здесь всегда останавливаюсь передохнуть. Знакомый официант приносит мне чашку кофе и тающий во рту круассан с маслом. «Малакофф» — это Малахов курган в Севастополе. И названо так кафе в память о его штурме французами в Крымской войне в прошлом веке. Из кафе видно кладбище Пасси, над которым высится русская православная часовенка. Это могила прекрасной русской художницы Марии Башкирцевой. Она рано умерла, оставив по себе несколько картин, вошедших во все художественные энциклопедии. Говорят, что в нее был влюблен Мопассан. И не только он...

Рядом еще в конце XIX века была деревенька Пасси, которая теперь волилась в престижный XVI аррондисман Парижа. А в начале века там жили оказавшиеся в эмиграции русские писатели и поэты — Цветаева, Бунин, Мережковский, Гиппиус, Шмелев, Зайцев, Иванов. Они говорили: «У нас, на Пасях...»

У моста Александра III

Тысячи нитей связывают Францию и Россию. Это ерунда, что мы принадлежим скорее Азии, чем Европе. Россия и начиналась-то как европейское государство. Сибирью, по словам Ломоносова, она «прирастала». Мой друг Франсуа Корнильо, историк и поэт, переведший на французский трудно переводимого и далеко не всем доступного Тютчева, принес мне как-то альманах «Слово», который издает его Центр русских евразийских и сибирских исследований. В «Слове» была опубликована, по сути, целая его книга «Огонь скифов и князь славян». Франсуа сказал мне: «Знаешь, это очень важно сейчас напомнить о связях славян и прежде всего Древней Руси со скифами, древнейшей европейской цивилизацией. А то ведь сейчас всюду вслед за упоминанием слова русские следует слово «азиаты»... Как это у Блока: «Мы — скифы...» В том же альманахе я обнаружил исследование известного французского слависта Жана Брийара «Карамзин и Франция». Главным образом, оно посвящено влиянию французской культуры и языка на творчество нашего великого соотечественника, прежде всего на языковую структуру его произведений. А это уже связи самого глубинного порядка...

Кафе «Малакофф» в центре Парижа названо в честь Малахова кургана в Севастополе, в память о его штурме французами в Крымской войне

Что знают сейчас обо всем этом мои соотечественники? В Париже их с каждым годом все больше — до 250 тысяч человек за один сезон только в Париже. Русская речь здесь не просто звучит, она звучит очень громко. Даже в ресторанах высокой кухни появились меню на русском языке.

От Трокадеро иду к Площади Альмы (название ее связано с Крымской войной, о чем позже), в центре которой над туннелем, где погибла принцесса Диана в последний день августа 1997, года стоит копия факела Статуи Свободы в Нью-Йорке. Туристы здесь с раннего утра. Факел превратился в мемориал Диане. Он облеплен написанными от руки «дацзыбао» ее поклонников. С утра им удается безнаказанно (полиция за это гоняет) спуститься в тоннель под мостом и коснуться рукой его 13-й опоры, о которую ударился ее автомобиль. Кто-то нарисовал на этом столбе красное сердечко.

Если идти дальше по набережной Сены к Площади Согласия, не минуешь мост Александра III — самый красивый в Париже. С моста виден купол храма Дома Инвалидов, под которым похоронен Наполеон в саркофаге из карельского мрамора. Его изготовили в России и везли сюда почти три месяца. Какой поворот истории! Россия простила Бонопарта посмертно таким образом за его русский поход, погубивший и его, и его «великие армии», и его империю. Чудом сберегли Францию...

Саркофаг Наполеона провезли через Триумфальную арку. Ее строили к его возвращению из русского похода, но проехал он под ней только уже мертвый, когда его прах везли в Париж с острова Святой Елены. До сих пор на арке имена покоренных им русских городов: Смоленск, Полоцк... К 200-летию Французской революции в Париже позолотили купол Дома Инвалидов, статую Гения Свободы на бронзовой колонне в центре Площади Бастилии и совсем уже не революционный мемориал — крылатых коней и скипетры в руках каменных богинь, установленных на мосту, который носит имя российского императора. Если смотреть на Дом Инвалидов от Гран Пале, то по левую сторону моста увидишь надпись, свидетельствующую о том, что первый камень в основание моста заложили российский самодержец Николай II и вдовствующая императрица Мария Федоровна в 1896 году. Уже в 1900 году об этом говорит надпись по правую сторону моста: президент Франции Эмиль Лубе торжественно открыл мост Александра III, по праву считающийся самым красивым из всех мостов, перекинутых через Сену. Почему же русскому царю по сей день оказывается такой почет в республиканской Франции?

С его именем связана новая глава в истории франко-русских отношений, сменившая тяжелую неприязнь и недоверие времен Наполеона III, которого в ходе франко-прусской войны 1870–1871 годов Бисмарк разгромил наголову. Сам император попал в плен, а Франция потеряла в результате Эльзас и Лотарингию. Железный канцлер не скрывал, что ему вообще не нравится французская государственность. И кто знает, как сложилась бы история Франции, если бы монархию не сменила окончательно республика.

В те годы разыгрывалось множество карт, которые впоследствии привели к Первой мировой войне. Во Франции благоразумно поставили на карту русскую. Впервые была осознана очевидная геополитическая реальность: без России Франция будет поглощена Германией. В России тоже уяснили, что ориентация на Францию развязывает русским руки в их отношениях как с Германией, так и с Англией. И вот в период 1891–1893 гг. заключается серия франко-русских договоров, в том числе соглашение о военном сотрудничестве. Россия пошла на союз с республиканской Францией и потому, что надо было вытаскивать хромавшую всю нашу экономику. Царю нужны были деньги для развития сети железных дорог и подготовки к обороне страны, на которую зарились и Германия, и Япония. Вот почему в июле 1891 года Александр III с непокрытой головой выслушивает «Марсельезу» при встрече французской военной эскадры в Кронштадте. Памятная метка об этом событии оставлена на карте Парижа: с 1895 года в столице Франции существует рю Кронштадт. Поборникам дружбы с Россией этого показалось мало, и в том же году они создают «Общество за наименование одной из улиц Парижа Франко-Русской». Просуществовало оно до 1911 года, когда, добившись своего, самораспустилось после торжественного открытия авеню Франко — Рюсс неподалеку от Эйфелевой башни. В отличие от обычно прямых, как стрела, парижских улиц, эта напоминает по своему рисунку сапог, что в чем-то, если учесть частые зигзаги в наших отношениях, символично. В основном тут жилые дома буржуазного, как говорят во Франции, типа. Народ на Франко-Рюсс живет состоятельный. Не исключено, что есть тут и потомки основателей того общества, первого Общества франко-русской дружбы во Франции, которому авеню обязана своим названием.

То время было отмечено небывалым расцветом общения между русскими и французами. Именно тогда в Париже побывал Лев Толстой, о чем напоминает сейчас мемориальная табличка на рю Риволи, где жил также и Тургенев. Дом Тургенева, кстати, сохраняется до сих пор под Парижем, а в столице Франции на бульваре Сюше есть Сквер Толстого, где установлен поясной бюст нашего великого писателя, участника

Севастопольской битвы. В Париже в те годы побывали Чехов, Куприн, Бунин. После революции во Францию приехали и остались здесь Мережковский и Гиппиус, Марина Цветаева и Бальмонт, Ремизов, Сомов, Зайцев, Рахманинов, Иван Шмелев — цвет русской интеллигенции, не принявшей большевиков, но никогда не порывавшей духовной связи с Россией. Навряд ли Франция стала бы для них второй родиной, не будь своевременно возведен «мост» Александра III.

Улица Петра Великого

Петр Первый побывал в Париже в 1717 году, во время царствования Людовика XV. Французы очень любят рассказывать о том, что во время этого визита русский царь посетил могилу кардинала Ришелье (1583–1542), у которой он якобы сказал: «О великий человек! Я бы отдал тебе половину своих земель, чтобы ты научил меня управлять другой половиной!» Говорят, что именно эта фраза привлекла в Россию тысячи французских специалистов и искателей счастья, каждому из которых хотелось показать себя при российском дворе немножечко Ришелье.

Почему рю Пьер ле Гран (улица Петра Великого) появилась именно в восьмом аррондисмане Парижа, сказать трудно. Дата крещения этой улицы — 1884 год. Как раз к тому времени отношения России с Францией начали теплеть вновь. Настолько, что рядом с улицей Петра Великого появляется улица Нева. В сочетании со знаменитым русским православным Свято-Александро-Невским собором на рю Дарю, в которую упирается улица Петра, этот уникальный для столицы Франции «петербургский» перекресток складывается в маленький русский район Парижа, что особенно явственно ощущаешь здесь во время Святых праздников: на Рождество, Пасху, Троицу...

Собор полон редких икон, которые подарили ему из своих фамильных коллекций те, кому удалось вынести их из опаленной революцией России. Слава Богу, здесь они уцелели. Посмотрите на эти святынеобразы, и они расскажут вам печальную историю жизни потомков самых древних русских родов вдали от Родины. Помолитесь за них...

По парадоксу истории православный русский собор построили на улице, названной в честь Пьера Бруно Дарю, который был государственным секретарем Франции и готовил русскую кампанию Наполеона Бонапарта.

Неподалеку от храма — книжный магазин, где можно купить и церковную литературу, и свежие газеты из Москвы, и, конечно, «Русскую мысль», которую начали издавать в Париже после войны русские эмигранты. Ее редакция от храма неподалеку — на Рю дю Фобург Сент-Оноре, дом 217. На рю Дарю есть еще одна русская точка — небольшой ресторанчик «В городе Петрограде» с русской кухней. Тут тебе и борщ с ватрушками, и пельмени, и русская водка. И, конечно, селедочка и соленый огурчик, а для страдающих поутру всегда найдется даже рассол, приготовленный «по рецепту Петра Великого». Но это, господа, уже экзотика.

Rue Petrograd-Leningrad-St.Petersbourg

На площади Клиши перед Монмартром установлен памятник защитникам Парижа. Здесь была последняя баррикада, которую взяли штурмом казаки генерала Платова и отряд калмыков, штурмовавших Париж в 1814 году на верблюдах. С высоты этих кораблей пустыни они легко выковыривали пиками защитников баррикады. Символы вражды и дружбы здесь соседствуют. От площади Клиши к центру Парижа, словно стрела, устремляется рю Санкт-Петербург. Через нее, как в ворота, въезжаешь в восьмой аррондисман. Она доходит до самой площади Европы, а пересекают ее улицы тоже с городскими названиями: рю Флоранс (т. е. улица Флоренции), рю Лондр (Лондон), рю Константинополь и рю Москву. Появилось название Санкт-Петербург на карте Парижа почти одновременно с улицей Кронштадт, и связано сие событие все с тем же Александром III. Название это продержалось вплоть до 1914 года. Когда началась Первая мировая война, Николай II решил, что Санкт-Петербург звучит слишком по-немецки и переименовал свою столицу в Петроград. Его патриотические чувства учли в Париже, и в том же году Рю Санкт-Петербург стала Рю Петроград. Но тут грянула революция и большевики переименовали Петроград в Ленинград. В Париже, однако, это учли много позже. Только в 1926 году на Рю Петроград сменили таблички на Рю Ленинград. Во время войны и оккупации Парижа немцами улице вернули название Рю Петроград. Но по ночам, как рассказывают ветераны Сопротивления, подпольщики не раз прикручивали таблички «Рю Ленинград», что доводило фашистов до бешенства. Сразу же после освобождения «советское» название восстановили, и оно просуществовало еще 45 лет. Но вот и в России Ленинграда не стало, и уже в октябре 1991 года по примеру Собчака мэр восьмого аррондисмана принял решение вернуть улице ее самое первое название, данное ей еще при Александре III и больше его не менять. Сделать это было, однако, не так-то просто сразу. На улицу приходит до 45 тысяч писем в день, особенно в мелкие магазинчики и фирмы, которых там немало. Местные бизнесмены попросили придумать компромиссное решение. И, действительно, почти полгода висели рядом две таблички: Рю Ленинград и Рю Санкт-Петербург. Потом «советскую» табличку сняли.

Place Stalingrad

Для граждан России, где Сталинграда уже давно нет, увидеть на улице Парижа указатель с надписью («Сталинградская площадь») и впрямь диво. Такая площадь действительно существует в 19-м аррондисмане Парижа с 1945 года. Площадь издалека узнаешь по ротонде, в которую с одной стороны упирается отводной канал, а с другой — авеню имени Жана Жореса. Народ здесь живет в основном небогатый, много иммигрантов-арабов и африканцев. Для многих из них название площади ничего не говорит. Но для коренных французов и особенно парижан слово «Сталинград» свято. «Без Сталинградской битвы, — говорят они, — победа над фашизмом была бы невозможной». «Только узнав о разгроме немцев под Сталинградом, — говорили мне не раз ветераны Французского Сопротивления, — мы окончательно поверили в то, что Франция снова станет свободной». Символично поэтому, что к Пляс Сталинград ведет Улица 8 мая 1945 года. Ее не минуешь, если ехать сюда через Бульвар Севастополь и Восточный вокзал. Мы-то празднуем День Победы на сутки позже, потому что союзники наши тогда поторопились и приняли капитуляцию немцев в Реймсе 8 мая. По требованию Сталина эту церемонию пришлось повторить в Потсдаме на более высоком уровне уже 9 мая. Но различие в дате Победы так и осталось, как и в названиях улиц. Главное, однако, другое: главное, что Победа была общая. Пляс Сталинград — тому вечное напоминание.

Rue Moscou, Rue Odessa и другие «крымские» улицы

В 1864 году при Наполеоне III несколько бульваров в Париже были названы именами наполеоновских маршалов, участвовавших в русской кампании: Нея, Мюрата, Сюше, Понятовского. Наполеон III Россию не любил патологически и стремился любыми путями досадить русскому царю, что доставляло ему особенное удовольствие после поражения русских в Крымской войне.

В 1867 году одна из улиц неподалеку от вокзала Сен Лазар получает название Рю Москву. Наполеон III таким образом отметил 55 годовщину вхождения своего знаменитого дядюшки в горящую и покинутую жителями Москву. Примерно через десять лет после этого небольшой поселок у подножья Монмартра был назван Сите Москова. К самой Москве, нашей столице, это все имеет отношение отдаленное. «Москова» по-французски означает река Москва. И именно сражением на Москове называют французы Бородинскую битву, которую, как утверждает это запись на стенах гробницы Наполеона, французы вроде бы выиграли, что всех русских туристов, мягко говоря, удивляет. По нашему счету французы в той битве потеряли 58 тысяч человек убитыми и ранеными, а русские — 44 тысячи. По французской статистике, это русские потеряли 60 тысяч человек, а французы с союзниками — только 30 тысяч. По той же логике и особо отличившийся под Бородино наполеоновский маршал Ней получил от Бонапарта титул Князя Московского. Поэтому ясно, что в России появлению «улицы Москвы» в Париже уже никто не аплодировал. Но была и другая причина. Дело в том, что незадолго до 55-й годовщины Бородино, 6 июня того же 1867 года, народоволец Березовский выстрелил у водопада Булоносского леса в императора России Александра II, который приехал на открытие Парижской Всемирной выставки. В окружении царя это вообще восприняли как продолжение Францией Крымской войны (1853–1856 гг.) только другими средствами. Ну а уж «крещение» улицы в «Рю Москву» было и вовсе понято, как выстрел императору в спину. Немудрено, что российско-французские отношения снова зашли в тупик.

Наполеон III все свои победы отмечал на карте Парижа. Крымская война, которую Франция вела против России в 1853–1856 гг. вместе с Англией и давно уже не существующим Королевством Сардиния, в этом плане доставляла ему особое удовольствие...

Площадь Альма — одна из красивейших площадей Парижа. По ночам она мерцает каким-то загадочным светом, и кажется, что он стекает сюда с

близлежащих роскошных улиц. С авеню Монтеня, где днем и ночью горят витрины модных домов Нины Риччи, Кристиана Диора и Унгаро. С авеню Георга V, где глаза слепят люкс-отели, офисы в стиле модерн и знаменитое на весь мир кабаре «Крейзи хорс». Огни улиц соединяются с отблесками цветных прожекторов парижских речных трамвайчиков, по-парижски «батомуш» («корабликов-мух»). Они уходят в свои ночные экскурсии по Сене как раз отсюда из-под одноименного моста Альма.

Мало кто догадывается, что название и площади, и моста — русское. Альма ассоциируется с чем угодно, даже с США: в 1989 году тогдашний мэр Парижа, а ныне президент Франции Жак Ширак установил здесь торжественно американский подарок к 200-летию Великой Французской революции — позолоченную копию факела Статуи Свободы в натуральную величину. Ну, как в таком соседстве вспомнить о небольшой речке Альма, что берет начало в Крыму, неподалеку от Бахчисарая, и впадает в Черное море у мыса Лукул. Именно там 20 сентября 1854 года французская армия под командованием маршала Сен-Арно и английская во главе с лордом Регланом нанесли поражение князю Меншикову. И не только потому, что князь как полководец был, что называется по-французски, «зеро», т. е. нуль без палочки. Но и потому, что россияне отстали тогда от Запада основательно: у союзников уже были ружья-штуцеры, с помощью которых они безнаказанно расстреливали русских солдат с дальнего расстояния, а у русской армии на вооружении все еще состояли гладкоствольные, стрелявшие всего на 120 метров. Предупреждению знаменитого Левши, который блоху подковал, как известно, не вняли.

Мост Альма — 150-метровый арочный мост через Сену в Париже, названный в честь победы французов над русскими в Альминском сражении Крымской войны. Он был открыт близ площади Альма императором Наполеоном III 2 апреля 1856 года, а к Всемирной выставке 1900 года его длина была увеличена вдвое за счет пристройки пешеходного мостика

От Альмы Меншиков, не сумев удержать противника, отошел к Бахчисараю, а Севастополь бросил на произвол судьбы...

Бульвар Севастополь

Boulevard Sebastopol в Париже начинается у моста Менял и площади Шатле, где на знаменитую Колонну Победы (победы, конечно, в Крымской войне) смотрят два театра: «Театр Шатле» и «Городской Театр», более известный, как «Театр Сары Бернар». Не удивляйтесь, но это тоже русские адреса. В «Театре Шатле», одном из самых крупных в Париже (3 600 мест) в начале 20-х годов знаменитый Сергей Дягилев ставил свои балеты, потрясшие Париж. Здесь танцевали Анна Павлова и Тамара Карсавина. Со сцены театра звучал не раз голос Федора Шаляпина. Бульвар Севастополь начинается от средневековой башни Сен-Жак, которая когда-то служила колокольной теперь уже исчезнувшей церкви. С этой башней связаны трагические события Варфоломеевской ночи и опыты Блеза Паскаля, который доказал на ее вершине существование атмосферного давления. Теперь об этом напоминает его статуя, установленная в пролете основания башни. Boulevard Sebastopol идет почти до Восточного вокзала, откуда уходят поезда на Страсбург. В 1855 году, когда бульвар получил свое название, здесь находилось знаменитое Чрево Парижа. Теперь на месте скотобоен, мясных и рыбных, колбасных и сырных лавок — суперсовременные структуры подземного города «Форум де Аль» и Центр Помпиду.

Центр был открыт 2 февраля 1977 года. Тогда по поводу его архитектурного решения (по проекту итальянца Ренцо Пьяно и Ричарда Роджерса из США все трубопроводы, эскалаторы и лифты, вся система обеспечения здания были вынесены наружу и покрашены в кричащие цвета) было не меньше споров и возмущения, чем в свое время вокруг Эйфелевой башни. Теперь парижане Центр Помпиду полюбили и как мощнейший культурный центр, и как место встреч — до глубокой ночи здесь играет музыка, поют песни. Рядом с этим центром — студии художников, построенные парижской мэрией для них бесплатно. В одной из таких студий обосновался Оскар Рабин, один из столпов советского авангарда, едва не погибший во время разгона знаменитой «Бульдозерной выставки» в Москве.

Есть в Париже и Rue Odessa. Узнав об этом, одесситы приходят в восторг и просят их обязательно туда отвезти. Но и здесь не надо иллюзий. Rue Odessa так наречена потому, что в 1855 году Одессу очень удачно обстреляли с моря французские корабли. Парижская тезка Одессы невелика. В ней не будет и 500 метров. С бульвара Монпарнас в нее входишь, как в ущелье. Тут почти всегда тень. Кажется, что она падает от 55-этажного

небоскреба, который своей архитектурной нелепостью давит весь Монпарнас, в том числе и вечно переполненное «Кафе Одесса» в самом начале этой «русской улицы», а на деле — типично парижской. Она очень узенькая, с односторонним движением, вся в кафе и магазинах, занявших первые этажи, вдоль которых сплошняком, бампер в бампер стоят машины, не запаркуешься. На полукилометре Rue Odessa есть все, что нужно для жизни. Отель, кинотеатр, прачечная, бюро путешествий, авторемонтная мастерская с бензозаправкой. Тут две пиццерии, аптека, парикмахерская, пивная, бар, турецкая баня и даже салон «Эротика», который, как утверждали злые языки, держат два крутых джентльмена с Дерибасовской.

Еще одна «крымская» улица в Париже — это Rue Traktir, расположенная на перекрестке Триумфальной арки, авеню Виктора Гюго и авеню Фош. Часто считают, что название это — дань неким дореволюционным загулам французов в русских трактирах и кабаках. Но к заведениям гостинично-питейного типа а-ля рюсс улица не имеет никакого отношения. Названа она была так в 1865 году в честь еще одной победы французских войск в Крыму в августе 1855 года на речке Черная у села Трактир...

Время сглаживает шрамы былых распрей и войн. И Малахов курган для парижан сегодня ассоциируется скорее с хорошим турецким кофе «по-крымски» в «Кафе Малакофф», чем с кровопролитной осадой Севастополя. А москвич, попав в Париже на рю Москву, обязательно там сфотографируется, и история русского похода Наполеона ему при этом в голову не придет. Это, кстати, при всем при том, что историю забывать не надо.

В моем квартале

Жители Парижа умеют организовывать жизнь в своих жилых кварталах так, чтобы она была предельно удобной. Годами в каждом квартале складывается свой микроколлектив. Мелкие лавочки, занявшие все первые этажи, создают отработанную годами систему жизнеобеспечения. Наш квартал — где-то около пяти гектаров 15-го аррондисмана — это неправильный четырехугольник между авеню Эмиля Золя и отходящей от него Rue des Entrepreneurs (улицей Предпринимателей), Rue Convention и Rue Saint Charles. Там к услугам жителей двенадцать булочных, шесть кондитерских, два рыбных магазина, пять мясников, три сырные лавки и три молочных, шесть аптек, семь кулинарий, включая одну китайскую и две иранские, дюжина пивных баров, десятка два ресторанов, в том числе один русский, один «Макдональдс» и четыре китайских, четыре специализированных винных магазина, а ко всему этому вдобавок — два супермаркета, включая один по продаже «экологически чистых продуктов», восемь газетно-книжных магазинов и киосков, магазин электротоваров, три компьютерных салона, специализирующихся на «Интернете», большой хозяйственный, где можно найти все, что только придет в голову мастеру на все руки, великое множество парикмахерских салонов и «институтов красоты», ювелирных и часовых лавок, магазин парфюмерии и плавательный бассейн, сотни кабинетов частных врачей всех специальностей, госпиталь, лаборатория по приему медицинских анализов, кинотеатр, боулинг, бильярдная, восемь фотоателье, три магазина овощей-фрукты, восемь цветочных, две антикварные лавки, две автоматические прачечные, три химчистки, культурный центр, почта, десяток банков, шесть отелей, пять жилищных контор, три бензозаправки, автомастерские, автопрокат «Авис», магазин похоронных принадлежностей... В общем, всего не перечесть. Добавлю только, что каждый вторник и пятницу здесь с шести утра до часу дня на Rue Saint Charles работает продуктовый рынок. Всего в нашем квартале проживает пять-шесть тысяч человек. И все друг друга знают. Поэтому просто невозможно пройти по улице, не поздоровавшись со «своим» парикмахером, который, завидев тебя, на минуту бросит клиента и примется расспрашивать, как твои жена, дети и все остальные близкие, а заодно сообщит, как у него дела на том же фронте. Та же самая история в разных вариантах повторится с булочником, молочником, мясником, аптекарем... И все это воспринимают с пониманием и живым интересом, а намыленный клиент будет внимательно

прислушиваться к вашей беседе и по мере возможности в ней поучаствует. Даже в августе, в пору всеобщих каникул, ты не чувствуешь себя одиноким в своем квартале, хотя большинство знакомых лавок закрывается. Две булочных рядом с моим домом, газетный киоск, цветочник, химчистка и сырная лавка — в отпусках. Но до других таких же лавок — рукой подать. Заводишь новых знакомых. И уже к концу августа половина квартала знает, почему я не поехал в отпуск, когда все нормальные люди отдыхают...

Булочная (Boulangerie)

Мой день начинается с булочной. До Франции я даже не мог себе представить, что такое французский хлеб. Французы себя без него не мыслят. Хлеб на завтрак — непременно блюдо. Пышный, хрустящий длинный с полметра батон — «пэн», т. е. в переводе хлеб, или батон поменьше — «багет» хороши только свежие. Потому они либо быстро черствеют, либо, если их хранить, теряют свою лакомую корочку. А на свежий, еще теплый из булочной намазать масло или варенье, или то и другое вместе — объеденье.

«Багет» в продовольственном магазине редко кто покупает, хотя и там он продается. Но это — не то. Настоящий «багет» можно купить только в настоящей парижской булочной. Она есть в каждом квартале Парижа. Иной раз по десятку их на квартал. И парижане четко знают, где вкуснее всего «багет», где «пэн». Я любил ту, что держали на Rue Saint Charles две очаровательные сестры Бриго, у которых руки просто золотые. Все, что они пекли, было вкусно, не придерешься. Каждая булочная на чем-то специализируется. В одной пекут такой воздушный «кампань», т. е. крестьянский хлеб с добавкой ржаной муки, что все его любители спешат туда с утра, а то не хватит всем. В другой пекут потрясающие калачи по-нашему, а по-французски «буль». Причем пекут по-разному: как в провинции Авернь либо, как в Бретани. В третьей выпекают мини-багеты «фисель». В четвертой специализируются на круассанах и кренделях с изюмом и шоколадом. Есть даже художественные булочные, чьи владельцы создают целые скульптурные композиции из разных сортов хлеба.

Булочные эти все частные, и держат их энтузиасты. Как правило, это бизнес семейный. Уже потому, что нелегкий, и еще потому, что семейные секреты выпечки хлеба передаются по наследству. Надо очень любить эту профессию, чтобы вставать ни свет, ни заря: ведь уже к шести утра на прилавке должен быть свежий хлеб. Он должен быть теплым, похрустывать корочкой и вместе с тем оставаться нежным, как первый снег.

В своей булочной парижанин найдет домашнее печенье и набор пирожных, круассаны и булочки с изюмом, с шоколадом и марципаном, яблочный пирог и бутерброд на обед, и тающий во рту «венский» багет. Единственно, что найти в Париже трудно, так это ту «французскую булочку», которую у нас в России стали называть «городской». Таких здесь просто не делают...

Газетный киоск (Presse)

С утра, запасшись хлебом на завтрак и обед, я непременно заходил в «свой» газетный киоск, над которым висела желтая вывеска с надписью «Presse» («Пресса»). В России нечто подобное появилось только в постсоветские времена, да и то в основном в аэропортах и пятизвездочных гостиницах. В Париже — это целая сеть, созданная ADP (Ассоциацией распространителей печати), которая стала монополистом: без ее услуг не обходится ни одна газета, ни один журнал. Самое ценное для них в таком магазинчике — это возможность показать товар лицом. Покупателю не надо рыться в кучах газет и журналов, чтобы найти нужное издание. Все разложено по полочкам и по темам. Хочешь экономический журнал, хочешь эротический. Я выбрал свой киоск на рю Жавель, в двух шагах от моего дома. Там всегда продавали парижскую «Русскую мысль» и «International Herald Tribune», своего рода дайджест ежедневной американской прессы, издание очень удобное, где публикуют все важные новости, вплоть до курса русского рубля. В Париже эти газеты найдешь не во всех киосках. Если мне нужно было что-то уж «очень русское», то я ехал в магазин русской книги «Глоб» (Globe) на бульвар Бомарше рядом с площадью Бастилии. Пьер, хозяин киоска, милейший парижский интеллигент, помимо прессы поторговывал еще и последними книжными новинками, и от него мы в первую очередь узнавали, какой в Париже роман в моде. В изобилии у него были гороскопы на каждый день и всяческие канцелярские товары, к которым у меня всегда была слабость с моего послевоенного детства, когда все это было в дефиците. Он прекрасно знал всех членов моей семьи и непременно держал что-нибудь для моих дочек, предоставлял им кредит и знал все, что им может понадобится в лицее, а потому уже и в институте. Пьер дорожил мной как постоянным клиентом и время от времени старался сделать мне что-нибудь приятное: как-то подарил мне старую пластинку с записью выступления Ансамбля песни и пляски Советской Армии под руководством Александрова. Через некоторое время я ему в отместку подарил пластинку с записью Мэррей Матье, исполнявшей «Марсельезу» в сопровождении того же ансамбля...

Бассри

Чтобы прописаться в своем квартале, парижанину непременно нужно выбрать свое бассри. Именно там он найдет своих друзей и знакомых и обретет в квартале соответствующую репутацию. Свое «бассри» я выбрал не сразу. Но потом как-то привык к одному, что на углу моей улицы Rue Lourmel и Rue de Convention, где всегда подавали мое любимое пиво Leff. Бассри — это нечто среднее между парижским кафе и английским пабом, о чем я расскажу подробнее ниже. Обычно там тихо, можно взять чашечку кофе либо стакан пива и сидеть хоть целый день с газетой или журналом, либо конспектом. Моя дочь Ксения, как правило, готовилась к экзаменам в своем бассри. Это — нормально. В бассри никто не упрекнет тебя в скромном заказе и никто не навяжется тебе с предложением разделить одиночество. Но человеку невоспитанному, который забудет сказать, зайдя в «бассри», «Бонжур» и не попрощается, уходя, всегда напомнят, как звучит по-французски «Здравствуй» и «До свидания».

«Бассри» в Париже бесчисленное множество. Их даже больше, чем булочных и аптек. На некоторых из них вывеска в форме гробика, на которой написано «Табак» (Tabac). Это означает, что в таком «бассри» широкий выбор сигарет, Табаков, зажигалок и лотерейных билетов. Здесь же можно купить и почтовые, и гербовые марки всех видов, телефонную карту и парковочную кредитку, т. к. в Париже практически уже нет автоматов оплаты парковки наличными. Их то и дело взламывали бомжи и наркоманы, и власти решили, что пластик надежнее. Жизнь в этих стеклянных «аквариумах» со столиками и барами начинается с раннего утра. «Бассри» часто открываются в шесть, а иные, как «Кафе де Пари», не закрываются всю ночь до позднего вечера.

Сервис в бассри обычно ненавязчивый. Когда вам принесут то, что вы заказали, под ваш бокал положат кассовый чек, по которому надо будет перед уходом заплатить. Официант рассчитается с вами с точностью до сантима. Из сдачи обычно ему и дают чаевые, как правило, не больше одного евро. Ко всему этому со временем привыкаешь. И с удивлением смотришь, как на чудака, на тех, кто этих правил не соблюдает. Это означает, что ты стал завсегдатаем, и у тебя появилось «свое» бассри. А раз так, то у тебя наверняка появятся там новые друзья. Именно в «моем» бассри мы и познакомились с «моим» парикмахером Жоржем.

Шоу парикмахера Жоржа

Первое, что он сообщил мне о себе в третьем лице, было: «У Жоржа Тирьона часто стригутся русские. Потому что Жорж — мастер». Оказалось, что у него масса причуд и хобби, в том числе художественная аппликация, благодаря которой он стал известей даже среди галерейщиков. А начинал Жорж с того, что закончил самые престижные курсы парикмахеров во Франции, завоевал множество призов, и, скопив немного денег, открыл свой собственный салон на рю Жавель. Если бы он работал по найму в каком-нибудь салоне, денег у него было бы куда больше. Но Жорж предпочел пусть трудную, но самостоятельность «миддла» и стал гордо называть себя «предпринимателем». Когда-то он был очень красив. Вылитый Жан Маре. Но жизнь его сильно помяла. Было у него две жены, и обе его бросили. Старший сын стал успешным музыкантом, но с отцом почти не общается. А младшего оставила ему на воспитание сербская красавица Виолетта, изменившая Жоржу с его лучшим другом. За самостоятельность «предпринимателю» пришлось платить такие налоги, что он не вылезал из долгов. Несколько раз он был на грани разорения и все же умудрялся сохранять свой маленький салон и свою клиентуру. Все это он мне сразу выложил в первый же день, едва я сел в его кресло. Его любят в нашем квартале, потому что у него душа артиста. Стрижка для Жоржа, прежде всего, мизансцена с его собственной режиссурой, шоу с соответствующей музыкой для каждого клиента. Жорж пританцовывает вокруг клиента, пока его стрижет, поет, умудряясь при этом еще и посылать воздушные поцелуи мимо идущим женщинам. Все это действие у него называется по-английски «Hair Show» («Волосяное шоу»). И впрямь, это спектакль. В его салоне есть и соответствующие декорации, от древних рапир и ружей до собственных мини-коллекций Жоржа, где особо ценной считается набор фирменных жестяных крышечек, прикрывающих пробки в бутылках с шампанским. Жорж утверждает, что попробовал все разновидности французского шампанского, и его крышечки это подтверждают. «Советское Шампанское» ему не нравится. Он всегда предпочитал русскую водку. Поэтому я знаю, что ему привезти из Москвы.

Париж, rue Javel. 1900 г.

Жорж любит поболтать с клиентами, пока их стрижет. А с некоторыми и после — в брасри, которое рядом. Там он им расскажет все. И про своих сыновей. И про суку Виолетту, которая раз и навсегда отбила у него вкус к славянкам. Кто-то слушает его в пол-уха, кто-то ему сочувствует. В любом случае его клиенты — это его друзья. Их легко узнать. Фирменный знак «Волосяного шоу» неповторим. Это модная стрижка и вместе с тем, действительно, мужская. Панков и прочих «чудиков» Жорж не признает. Он предпочитает деловых людей, политиков, журналистов и актеров. Это, кстати, его основная клиентура. Когда я его спросил, почему он стрижет только мужчин, Жорж ответил: «Потому что я к женщинам равнодушен. А для хорошей стрижки надо сосредоточиться...» Однажды побывав в его салоне, участник «Волосяного шоу» обязательно туда вернется и уже никогда не пройдет мимо, не обменявшись парой слов с Жоржем. А Жорж к тому же всех своих клиентов перезнакомил.

Жорж часто приглашал меня к себе, бывал в гостях и у меня. У французов есть хорошая привычка — никогда не одалживаться. И поэтому у них принято приходить в гости с бутылкой пусть не роскошного, но по-настоящему хорошего вина. И чаще всего, когда я шел в гости к Жоржу либо к кому-то еще, я заходил в магазин «Николя» по соседству с моим домом.

У «Николя» (*Nicolas*)

Сеть винных магазинов «Николя» покрывает всю Францию. В Париже их по несколько штук в каждом аррондисмане. Хотя Франция и стоит на первом месте в мире по потреблению вина на душу населения, далеко не все винные магазины и винные погреба в этой стране процветают. Успех «Николя» объясняется, прежде всего, высоким качеством товара. После вина, которое купишь в магазине с такой вывеской, голова гарантированно не болит. Если, конечно, не пить его по несколько литров за один присест или, если не мешать красное вино с белым, «бургундское» с «бордо» и «бужоле», а все это — с водкой, пивом, коньяком и джином. Во Франции пьют что-то одно за обедом или ужином. Скажем, если вы приглашаете гостей, то покупаете «бордо» не разных марок, а одной и той же, из одного «замка», одного и того же года. Каждая марка имеет свою особенность, и каждый год — свою прелесть.

Перед обедом во Франции принято подавать «аперетив». Это может быть и сок, и виски, и водка, и пиво, и джин с тоником, и шампанское. Но не больше 50–100 грамм. Затем уже идет вино к «основному блюду». После обеда вам могут предложить «дигестив», т. е. напиток, способствующий пищеварению. Как правило, «дигестив» весьма крепок. Это может быть и сливовая, грушевая, и малиновая водка крепостью до 50 градусов, и арманьяк, и кальвадос, и куантро, и портвейн.

С учетом всего этого и выстраиваются витрины в магазинах «Николя». Ряд шампанского и крепких напитков от водки до текилы. Столовые вина — белые и красные, и розовые отдельно, «бордо» отдельно, далее, «бургундское», «бужоле», «кот дю рон», «помрой», «сотерн», «бюзе», «медок». Можно найти, кстати, не только французские вина, коньяки, ликеры и шампанское. Но и импортные напитки, от водки «Абсолют» и «Столичной» до итальянского «Кьянти» и шотландских «виски». Покупателю не надо рыться в поисках того, что ему надо. Даже по цене различаются полки: снизу подешевле, сверху подороже, а уж на самых верхних полках вина коллекционные. У «Николя» есть свои виноградники и свои винные заводы. Тут можно купить вино не только в бутылках, но и в упакованных в картон баллонах из специальной фольги по 3–5 литров, в которых можно привезти неплохое французское вино для хорошего русского застолья. Это, кстати, куда удобнее, чем вести вино в бутылках. Хотя, конечно, высококачественные марочные вина в баллоны не разливают. Как правило, молодые. В «Николя» опытный продавец вам всегда поможет подобрать, что

нужно и к столу, и для дружеской беседы с приятелем. Жан-Пьер, владелец «моего» магазина «Николя», со временем прекрасно усвоил мои вкусы и понял мои скромные возможности. Встречая меня, он затаенно улыбался и говорил: «Я припас для вас бутылочку вашего любимого вина. Сант-Эмильон, месье...» Эта разновидность бордо требует и соответствующего сыра. И я всегда знал, где его найти.

Сырная (Fromagerie)

Уинстон Черчилль как-то сказал де Голлю: «Я поражаюсь, как вы можете управлять страной, где производят 325 сортов сыра!» Де Голль, как утверждают, заметил в ответ на это, что единство французов в разнообразии. Сейчас Франция производит около 500 сортов сыра. В сырной лавке на Rue Saint Charles, напротив булочной сестер Бриго, которую держит Франсуа, фермер из Нормандии, их не так много, меньше сотни. И все равно глаза разбегаются. Хочется купить и съесть все.

Французы считают, что цивилизация возникла только с появлением первых сыров примерно 7 тыс. лет назад, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки. С развитием торговли сыры начинают свое путешествие наравне с амфорами оливкового масла и вина. Уже в 5 веке до н. э. греки освоили новый метод обработки молока, используя лист фигового дерева, который способствовал быстрому свертыванию молока. Что касается римлян, то им по вкусу пришелся сыр провинции Овернь еще в I веке. И позднее всем легионерам полагалось включать в рацион 27 грамм этого сыра в день.

В средние века во Франции отдавалось предпочтение сметане, маслу, жирным сырам, неизвестным еще другим народам, жившим у Средиземного моря. Именно в то время появилась знаменитая нормандская порода коров. В эпоху Каролингов (751–987) развиваются монастырские пастбища, что приводит к огромному перепроизводству молока. Чтобы его переработать, монахам приходилось напрягать воображение, выдумывать все новые и новые сорта сыров. Производство их становилось почти конвейерным. Сыры экспортируют во все страны Европы. Аббатства, возникшие около 1000 года н. э., дали свои имена знаменитым сырам: Бельваль, Клюни, Мюнстер, Ливаро, Рокфор, Маруаль и т. д.

Но эволюция продолжалась. В XV веке появляются первые молочные «кооперативы», и французский «сырный пейзаж» становится богаче, но по-прежнему хранятся в секрете способы производства и рецептура. Настоящую революцию в области консервации молока и сыров произвели открытия Пастера.

К французским сырам я привык не сразу и не сразу понял, зачем их так много. Франсуа как-то прочел мне лекцию на этот счет и разъяснил, что, сыры различают, прежде всего, по способу приготовления и аффинажа. Их можно разделить на пять основных групп.

1. Мягкие сыры, творог.

2. Мягкие сыры с зацветшей белой корочкой (различные камамберы, бри, куломье, сан-марселин и др.)

3. Мягкие сыры с мытой корочкой (эпуасс, лангр, ливаро, маруаль, мюнстер, вашрэн)

4. Сыры с внутренней плесенью (рокфор, бле овернский, бле косский, бле жекский, монбрийон и др.)

5. Сыры прессованные с вареной и невареной корочкой (канталь, сан-нектэр, салэр, реблешон, бофор, контэ, эменталь).

Настоящие знатоки учитывают и сезоны, когда рекомендуется есть тот или иной сорт сыра. Например, в январе, феврале и марте предпочтение следует отдавать маруалю, лангру, вашрэну, мюнстеру, морбле и некоторым видам камабера бри.

В апреле, мае, июне хорошо идет свежий козий сыр, пелардон, брусе прованский.

Июль, август и сентябрь — это время выдержанных козьих сыров. Самые из них знаменитые — это пикодон, рокамадур или шевиноль.

В сентябре, октябре, ноябре следует чаще есть сыры с зацветшей корочкой, т. е. бри, камамберы, старые сыры, выдержанные более 6 месяцев, такие, как канталь, савойский томм, первые вашрэны и мюнстер. В течении всего года можно употреблять все виды бле, рокфоры, эменталь, бофор.

Огромное значение придают французы выбору вина под сыры. Это целая наука. Несмотря на то, что сейчас модно, например, сочетать рокфор с портвейном, настоящие знатоки стараются придерживаться классических сочетаний. Надо запомнить основной принцип: сочетать сыры и вино одной провинции, одного региона. Например, эльзасское вино Гевюрстраминер — с сыром мюнстер.

Второй принцип: выбирать вина близкие или дополняющие по вкусовому букету сыры: легкое красное туренское вино прекрасно сочетается с шабишу с быстро улетучивающимся запахом, а терпкое, насыщенное бургундское — с сырами типа маруаль или ливаро. В остальном — дело вкуса каждого, но, как считает Франсуа, для того, чтобы по-настоящему оценить сыр, не надо ждать конца обеда или ужина, когда предложат на выбор сыр или десерт. Дело в том, что после еды небо менее восприимчиво к ароматам сыров и букету вин.

Чтобы испытать подлинное блаженство, устроить пир духа, надо сделать ужин только из сыров. Я не раз следовал этому совету Франсуа. И уверяю, нет ничего лучше хрустящей корочки багета, мякиша деревенского хлеба в его сочетании с сыром и хорошим вином, например, с моим любимым Saint Emillion.

«В 15-м», у Антуана...

Мы все очень любим Антуана. И переживаем за него. Потому что каждый день и каждый вечер видим, как он стоит у дверей своего ресторана, разместившегося в соседнем с нами доме, и ждет посетителей. Ресторан называется по имени нашего аррондисмана — «В 15-м». У ног Антуана вертится добрейшая Сюжетта. Хотя она и злой породы — ротвейлер, ластится ко всем, особенно к детям. Моим дочкам Антуан уже обещал щенка, и поэтому они переживают за Антуана вдвойне. Ведь в иные дни он закрывает свое заведение, так и не обслужив ни одного посетителя...

— Как ты думаешь, — спрашивают они меня, когда мы подъезжаем на машине к дому, — у него сегодня есть народ?

В детском вопросе свой смысл: Сюжетте надо будет особенно хорошо питаться, когда появятся щенки, а без посетителей ресторана...

За занавесками не видно, что там, «В 15-м». Только мелькнет силуэт официанта, увеличенный огнем свечи до размера целого этажа, а это уже верный признак, что хотя бы за одним столиком ужинают...

Поэтому я с уверенностью отвечаю:

— Все в порядке, есть...

«В 15-м» достопримечательность нашего квартала уже потому, что так назван. Знаменит он еще и тем, что однажды здесь отобедал в бытность свою мэром Парижа, президент Франции Жак Ширак. Об этом свидетельствует фотография, выставленная в витрине Антуаном рядом с меню, где блюда все изысканные, а потому далеко не каждому доступные. Антуан специализируется на старой французской кухне. Он сам из-под Нанси, а там толк в хорошей еде знают...

Наш 15-й аррондисман — не последний в Париже, но сказать, что здесь живут люди богатые, значит, погрешить против истины. Живет средний класс. Но много и таких, кто куда ниже среднего.

— Мои проблемы, — говорил мне Антуан около года назад, когда мы только с ним познакомились, — те же, что и у всех жителей 15-го. У них нет денег. Они не могут постоянно ходить ко мне обедать или ужинать. Времена сейчас тяжелые. Все экономят. А у тех, кто считает каждый сантим, какая еда?..

Антуан понял, что не у него одного — трудные времена. Даже у его коллеги, известного киноактера, который содержит по соседству свой знаменитый на весь Париж ресторан, «кворум» далеко не каждый день.

Поэтому однажды, он сообщил мне, что больше не намерен стоять в гордом одиночестве у своего изысканного меню для гурманов. Чтобы выжить, объяснил он, нужен «вал», посетитель не штучный, а массовый. Так в его витрине рядом с фотографией Жака Ширака появилось, как здесь говорят, «дневное» меню. Цены в нем вполне доступные и все вкусно: старое французское блюдо «петух в вине», говядина по-овернски...

— Теперь, — сказал я Антуану, — твой ресторан можно рекомендовать даже небогатым русским туристам.

— Пусть приходят, — ответил он. — Если большая компания, я делаю скидку. Но все же лучше порекомендуй меня богатым русским. По вечерам у меня, как ты знаешь, просто роскошно...

Проходя мимо «15-го», я непременно справлялся у Антуана, прибавилось ли у него посетителей? Спрашивать принято утвердительно, с упором на то, что все хорошо. Вот так:

— Как дела, Антуан, получше?

— Да, немного получше, — отвечает он. — Если бы только не налоги...

— И сколько ты платишь?

— Если посчитать, так пальцев не хватит. Налог с дохода, с оборота, отчисление за моих официантов и шеф-повара в фонд социального страхования, налог с помещения, с недвижимости, профессиональный налог...

— Душит фиск (так сокращенно именуют французы фискальные органы. — Авт.) вашего брата-капиталиста?

— Какой я капиталист, одна слава.

— Все же владелец ресторана...

— Точнее, совладелец. Как все началось? Я и двое моих приятелей сложились и внесли пятьдесят тысяч франков в банк, чтобы нам позволили зарегистрировать свою компанию с ограниченной ответственностью. Без этого у нас не получишь патент на право открытия ресторана. Во Франции пятьдесят тысяч — взнос минимальный. Но приятели у меня в ресторане не работают и не знают, что это такое. А здесь надо уметь все. И закупить продукты, ведь я готовлю только из свежего, ничего консервированного или замороженного и быть не может, иначе лицензию отберут тут же. Далее. Надо закупить вино и уметь его хранить. И, конечно, уметь еще и готовить. Шеф-повар у меня работает практически только днем. Вечером встаю к плите сам — у меня-то рабочий день не ограничен. Кроме того, надо быть еще механиком, электромонтером, водопроводчиком. Если из-за каждой мелкой неполадки будешь кого-то звать — разоришься...

— А где же помощь со стороны государства молодым рестораторам? Об этом я где-то читал.

— Есть такая программа. Но не очень-то выгодное это дело. А потом, пока оформишь эту помощь, не захочешь ее и получать. Надо собирать огромное досье, кучу справок. И помогают нам вовсе не безвозмездно. Получается что-то вроде ссуды, которую надо, в конце концов, вернуть.

— Ну, хорошо, а после вычета налогов, выплаты зарплаты тебе с приятелями ведь что-то остается?

— Остается. Хватает, чтобы свести концы с концами. Хорошо еще, что не плачу за квартиру: она у меня куплена вместе с помещением ресторана. Ну и на питание не трачу. Только на сигареты. На это, верно, хватает. В общем, пока не прогораю, но и прибылями не могу похвастать.

— Короче, то, что зарабатываешь, тратишь на содержание ресторана? Тогда зачем огород городить?

Он отвечает точно, как тот еврей, который продавал на вокзале вареные яйца по той же цене, по которой покупал сырые:

Во-первых, я при деле. А во-вторых, ни от кого не завишу, живу сам по себе.

Антуан — романтик и в душе поэт. Говорит, никогда не думал, что станет предпринимателем. После школы изучал испанский язык. И надеялся, что он станет его профессией.

— Почему ты учил испанский?

— Не знаю, — отвечает, — Наверное, потому, что люблю все испанское.

Он читает нараспев стихи Гарсии Лорки:

...Я поеду в Сантьяго-де-Куба
В повозке из черной воды.
Я поеду в Сантьяго...

Конечно, поехать так далеко у Антуана, как и у великого испанского поэта, нет ни времени, ни денег. Вот такая жизнь у Антуана. Встает он в шесть утра. Едет за продуктами. Потом принимает доставленный ему товар. Затем начинается подготовка к обеду, а после небольшого перерыва — к ужину, который, бывает, затягивается и за полночь, ведь желание клиента — закон. И независимо от того, придет к нему кто-либо или нет, надо быть готовым принять гостей, так, чтобы никому не отказать в обозначенном в меню блюде. И сохранять при этом хорошее настроение, со всеми, кто придет, поговорить, сказать каждому доброе слово. Ведь в ресторан

французы идут не только поесть. Это — как выход в гости, к добрым старым знакомым...

Рынок Marche d'Aligre

Так рабочий день нашего «капиталиста» растягивается иной раз до четырнадцати часов в сутки. Зато он «сам по себе».

Во французских ресторанах оркестры, как правило, не играют. А тут как-то вечером слышу: у Антуана гремит музыка. Оказалось — свадьба. Одна за другой к ресторану подъезжали нарядные пары. Совершенно потерявшая от такого многолюдья голову Сюзетта тявкнула на невесту и тут же была отправлена на кухню. Антуан, весь торжественный, в смокинге и бабочке, сам больше походил на жениха, чем на владельца ресторана. Он был возбужден, весел и, судя по всему, счастлив, что так занят, что все кругом улыбаются. Прекрасно, когда твою работу ценят и ты, действительно, нужен людям. Может быть, это и есть счастье?

А мы, его соседи и болельщики, тоже радовались за него: наконец-то «В 15-м», что называется, негде яблоку было упасть.

Аптека (Pharmacie)

Теперь и в России на аптеках, как и на французских «фармаци», ставят зеленый крест. Он мигает либо горит только тогда, когда аптека работает. Ночами гаснет. Французы, в отличие от нас, сами лечиться не любят и не умеют. Мощная система медицинского страхования отдала их целиком и полностью на откуп врачам, а те передали их в руки аптекарей. «Пациент перед смертью потел? — спрашивает врач. — Ну, хорошо...» Этот анекдот я всегда вспоминал, наблюдая за тем, как в моей аптеке очередной месье Дюпон набирал полную авоську лекарств. Французы обожают лечиться на соцстраховскую халяву и берут все, что им по этой части положено, даже с верхом. В результате никто не остается в накладе: ни врачи, ни аптекари, ни больной. За все платит французское социальное государство.

Большинство лекарств отпускают только по рецепту врачей. Даже если это рецепт от российского врача, при условии, что название вашего «любимого» лекарства написано по-латыни. С одним аптекарем в моем квартале мы подружились на почве его любви к России: когда-то он там побывал, влюбился в русскую женщину, а заодно и во все русское и после этого всю оставшуюся жизнь предавался ностальгии, т. к. больше никогда нашу границу не пересекал. Имени я его не называю и адреса тоже, т. к. он регулярно совершал немыслимое по французским понятиям преступление — отпускал мне кое-какие невинные лекарства без рецепта либо по старым рецептам, что позволяло мне экономить деньги на врачах, а в советские времена — привозить домой друзьям дефицитные лекарства. У него в аптеке работали потрясающие фармацевты. Стоило сообщить им название нужного мне снадобья, как они тут же ныряли в подсобку и через минуточку-две выходили с готовым тюбиком или упаковкой. Советы в таких аптеках, как правило, не дают, если только речь не идет о косметике, зубной пасте или витаминах. Но мой знакомый консультировал меня лучше любого врача. Так у меня появился еще один друг в нашем квартале. И время от времени, как это и принято, мы отправлялись с ним в один из местных ресторанчиков, где чудно проводили время за хорошей едой и ни к чему не обязывающим разговором. Так как он очень любил все русское, я его иногда приглашал в «Князь Игорь», один из немногих оставшихся во Франции по-настоящему русских ресторанов. Те знаменитые загульные кабаки, которые были в Париже до войны и потом еще кое-как держались до 70-х — 80-х годов, давно исчезли либо превратились в своего рода русские кабаре, как ресторан «Распутин» у Елисейских полей.

«Князь Игорь»

Этот ресторан от нашего квартала неподалеку — рядом с Эйфелевой башней, на авеню де ля Бурдонэ, 43. Сюда, конечно, приходят не только русские. По фотографиям, которые по традиции украшают витрины парижских ресторанов, можно понять, что в «Князе Игоре» гуляли американский кинорежиссер Роман Полански, первый муж Брижит Бардо, режиссер Роже Вадим, французская актриса Мари Лафоре и даже... бывший президент Польши генерал Ярузельский.

Тут загадка разрешается просто: владелица этого русского ресторана мадам Вейман, урожденная пани Ани Яблоньска. Она — сама гостеприимность. И встретит, и усадит, и присядет за столик с гостем (здесь не говорят ни клиент, ни посетитель) поговорить, поможет выбрать и русское блюдо, и, если гость из России, французское. Тут кухня на все вкусы, но все же в основе своей местная. Впрочем, когда все это сопровождается замороженной в глыбе льда русской водочкой, то все блюда становятся международными. Хочется пищи не для тела, а для души. А это уже специальность Алеши Ершова, в прошлом — солиста Ленконцерта, а с конца 80-х — одного из самых популярных русских певцов во Франции. Он пел в «Князе Игоре» до глубокой ночи. У него были свои поклонники и в России, которые, приезжая в Париж, непременно заходили туда не столько поужинать, сколько послушать Алешу. Мы с моим аптекарем всегда заказывали там пельмени, а Ани наливала нам из-под полы не польскую водку, которую гнал во Франции ее муж, а нашу, родную, «Столичную». Заполночь, обнявшись по-русски, мы возвращались с моим аптекарем домой в наш родной квартал. Он говорил, что жена его не поймет, и пел по этому поводу одну из лучших эмигрантских песен Алеши: «Все теперь против нас, будто мы и креста не носили...»

После такого загула мяч оказывался на половине поля аптекаря, и недели через три он приглашал меня в свою любимый семейный ресторан «У Франсиса» в нашем квартале. Ресторанчик маленький, человек на тридцать, не больше, столики там стоят впритык друг к другу. Но от посетителей отбоя нет. Кухня отличная, хотя меню и не пестрит разнообразием. Зато говяжьё отбивную с кровью лучше, чем там, редко где отведаешь. Винный погреб «У Франсиса» не шикарный, дорогих вин нет, да их бы и не стали заказывать его завсегдатаи, народ, как правило, небогатый, как мой аптекарь.

В обеденный перерыв

Француз любит вкусно поесть, погурманствовать. Поэтому процедура обеда (эквивалент этого слова во французском языке означает по-нашему ужин) затягивается в ресторане, особенно, если это обитель высокой кухни, на несколько часов. Одно обсуждение меню со всеми подробностями занимает не менее получаса. А потом уже начинается диалог с официантом, который подробно разъяснит, что на нынешний вечер заготовил шеф-повар. Потом подойдет сомелье, в переводе — «виночерпий», который пояснит, какие шедевры хранятся в винном погребе ресторана и что подойдет лучше всего к избранным господами блюдам. Только после этого заказ поступает на кухню, и начинается священнодействие во славу французского желудка.

В ресторанах, отмеченных в путеводителе «Мишлен» даже одной звездочкой, не говоря уже о трех, категорически запрещается иметь какие-то полуфабрикаты. Все готовится с нуля. Из всего свежего и только. Если инспектор, даже не от «Мишлена», а от санитарного контроля обнаружит в холодильнике замороженное мясо или рыбу, кары на ресторан обрушатся немыслимые: от крупного штрафа вплоть до лишения лицензии на право держать ресторан. А уж то, что все мишленовские звезды снимут, так это точно.

Французы не любят «фаст фуд» по-американски, и, если заходят в «Макдональдс» либо в какой-нибудь «Chicken», то чаще всего в дальней дороге. Поэтому и расположены эти американские обжорки в основном вдоль автострад и в крупных коммерческих центрах. Жизнь, однако, есть жизнь. Далеко не все могут в обеденный перерыв провести два-три, а то и все четыре часа в ресторане высокой кухни. За отведенные час-полтора на обед надо успеть, если не вкусно поесть, то хотя бы вкусно подкрепиться. И французы нашли свой «ответ Чемберлену», т. е. «Макдональдсу». И как ни странно, с помощью русских в те времена, когда о таком понятии, как «fast food», еще и слухом не слыхивали.

На Монмартре есть старинный ресторанчик «La Mere Catherine» на Пляс де Тертр. Это самое первое бистро во Франции, о чем свидетельствует маленькая мемориальная табличка перед входом, которая информирует посетителей, что слово «bistro» пошло от казаков, которые в 1814 году после разгрома Наполеона стояли на Монмартре биваком и, посещая ресторан матушки Катрин, понукали официантов окриками «Быстро! Быстро!», требуя, чтобы те быстрее приносили вино и пиво.

Весьма консервативный толковый словарь французского языка «Ларусс» не признает этого объяснения. Он дает расшифровку слов «bistrot» или «bistro», что одно и то же, как а) недостаточное количество выпивки; б) хозяин кафе. И в том, и в другом варианте крики казаков «Быстро» можно расшифровать и по мемориальной табличке на стене «Матушки Катрин», и по пункту «а», и по пункту «б». В более поздних изданиях «Ларусса» приводится такое понятие, как «стиль бистро» в мебелировке, когда употребляются предметы декора интерьера кафе в начале XX века.

Этот стиль в неприкосновенности сохранился в парижском бистро «Relais Odeon» в Латинском квартале (одним углом выходит на бульвар Сен-Жермэн, другим — на Rue de l'Ancienne Comedie). Бистро это было основано в 1900 году и до сих пор весьма популярно у парижан. Хозяева его бережно сохраняют мебель, светильники, витражи и оборудование бара самого начала XX века. Лучше всего подойти к нему через Рю де л'Ансьян комеди, очаровательный переулочек, в котором расположилось знаменитое «Кафе Прокоп», где Робеспьер и другие отцы Великой Французской революции вместе с тогдашним послом США во Франции Бенджамином Франклином писали Декларацию прав человека и гражданина. В переулочке этом сохранилась даже старинная брусчатка, которой не меньше двухсот лет. Есть особый шик в том, чтобы выпить в этом бистро пива из старинных фарфоровых кружек и представить себя на минуточку среди посетителей «Реле Одеон» начала XX века. Среди дам в длинных до полу платьях и среди элегантных мужчин в цилиндрах, в точности, как на известной картине Манэ...

Что же в этих бистро подают? Чем они вообще отличаются от ресторанов? Прежде всего, конечно, тем что обслуживают там, действительно, раза в два быстрее. Но достигается это не в ущерб качеству. Просто блюда, которые выбирают шефы бистро, быстрее готовятся. Из мясных блюд — это, как правило, татарский бифштекс, стейк на гриле либо знаменитый «паве» — хороший шмат рамштекса (конечно, без всякой панировки), который готовят на гриле или раскаленной сковороде без масла и непременно с кровью. Основное меню в бистро практически не меняется годами. Выбор «блюд дня» невелик. В некоторых бистро, например, («Матушка Катрин») предлагают «блюда этой недели». Отличительная особенность карт-меню бистро — комплексные обеды с небольшим выбором закусок, горячих блюд и десерта (3–4 варианта, не более), из которых можно взять только одно. Остальное — за дополнительную плату. Вино и другие напитки в цену комплексных обедов не включаются, заказывают напитки отдельно. В картах четко забраны в квадраты все группы блюд, от сэндвичей до десерта, что помогает, особенно туристам —

иностранцам, быстрее делать заказ. В некоторых парижских бистро разрешается во время приема пищи играть оркестру. За это берется дополнительная плата.

Зайдем в «Матушку Катрин» на Монмартре. Как и почти двести лет назад, в самом центре этого бистро возвышается стойка с тремя пивными кранами. Столики покрыты аккуратными бумажными скатерками, которые быстро убираются после каждого клиента и меняются на новые. Быстро, чисто, удобно, красиво. В любое время любители пива могут заказать здесь добрую пол-литровую кружку пива, которую называют здесь «барон», а в обед выбрать себе по вкусу блюдо либо из постоянного меню, либо из «меню дня», либо как-то из комплексных обедов.

Вот меню «Дантон», например. Что предлагается? Закуски на выбор: либо салат из горячего козьего сыра, либо знаменитый французский луковый суп под сырной корочкой, либо маринованные мулии. На второе предлагали по тому же меню либо лосось на гриле по-беарнски, либо котлеты из барашка на гриле, либо курицу в кокотнице «Матушка Катрин». В бистро этом, как правило, неплохие десерты, хотя выбор их и не так велик. В меню «Дантон» можно взять пирог с фруктами либо мороженое, флан в карамельной подливке с роскошным названием «Плавающий остров». Меню «Катрин» подороже. Но там уже предлагается на закуску кастрюлька с улитками (эскарго), а на второе — морской язык на гриле по-ниццеански, что уже недешево, либо грудка утки в персиках. Побогаче и десерт.

Помимо комплексных обедов и дежурных блюд, дежурных только в том смысле, что они постоянно фигурируют в карте, а не потому, что их делают из полуфабрикатов или разогревают в микроволновой фуре, шеф-повар «Матушки Катрин» готовит и блюда недели. Официант доверительно сообщит посетителю, что из таких сюрпризов он может взять, например, яйца в мешочке по-наваррски, что значит не просто в мешочке, но еще и с грибами, а на второе — седло барашка на гриле с тмином или омара в лесных травах. Порекомендует он и вина недели, т. е. новейшие поступления в винный погреб «Матушки Катрин». По карте «Матушки Катрин» легко понять основной принцип, положенный в основу быстрого обслуживания в такого рода ресторанах. Готовят в них блюда, не требующие высокого мастерства и полета фантазии. На их изготовление уходит минимум рабочего времени. Ну вот, например, вечный салат по-ниццеански. Что это такое? Прежде всего, свежие томаты и огурцы, зеленый салат, черные оливки, анчоусы либо селедка в небольшом количестве для «подсола». Туда же добавляют сыр моцарелла типа сулугуни, только помягче, тунец из банки в натуральном соку и сладкую кукурузы, тоже консервную. Все это вместе с мелко порезанным репчатым луком солят,

перчат, заливают оливковым маслом и подают, украсив сверху разрезанным на четыре части крутым яйцом. На приготовление такого салата у профессионала уходит не больше 15–20 минут.

Быстро готовится и эскарго по-бургундски в чесночном масле. Улиток используют здесь в специальных упаковках, нередко уже заправленных маслом, остается их только разместить на специальной формочке с углублениями, сунуть в духовку на десять минут и подавать с пылу с жару. То же самое с ляжками лягушек по-провансальски — колдовать особо не надо. Ну а что такое луковый суп? Я видел, как это делается. Берете три граненых стакана нарезанного мелко репчатого лука. Три столовые ложки сливочного масла. Три столовые ложки муки. Шесть стаканов мясного бульона. Один лавровый листок. Несколько горошинок черного перца. Шесть ломтиков белого хлеба. Полтора стакана тертого сыра. Репчатый лук помещают вместе со сливочным маслом в разогретый сотейник либо гусятницу и обжаривают до коричневого цвета. Затем добавляют муку, а потом — мясной бульон. Затем добавляют поочередно лавровый лист, перец, ставят на слабый огонь и варят 30 минут, пока бульон не станет густо-коричневым. После этого подсушивается хлеб, суп разливается по шести чашкам. В них кладется хлеб и его посыпают тертым сыром, чашки накрывают крышечками либо керамическими блюдцами и ставят на несколько минут в духовку. Когда из духовки их вынешь, они уже с корочкой. Дело нехитрое и все быстро. Конечно, грудка утки в персиках или турнедо «Мэр Катрин» (говяжье филе, которое берется с круглой части ноги), или шатобриан в беарнском соусе занимают времени побольше. Но и здесь не нужно особого мастерства: это блюда «накатанные». По этому принципу их и подбирают при составлении карты меню как в «Матушке Катрин», так и в других бистро. Везде, правда, есть своя специфика.

В «Матушке Катрин», например, неплохой винный погреб, хотя и небольшой, семь наименований шампанского, три сорта бочкового пива, обычный набор напитков для бара, коктейли, минеральная вода. В других бистро и меню поживее, и вина послабее.

В конце 80-х годов в Париже и других городах Франции была создана цепь ресторанов «Bistro Romain» («Римское бистро») на базе французской и итальянской кухонь, причем последняя представлена в основном различными саграссио как сырыми, так и приготовленными в духовке. Эти бистро имеют одинаковые фасады и внутренний декор (сочетание бордового цвета и бело-розовых клетчатых скатертей и занавесок). Рестораны имеют салоны для курящих и некурящих. Обслуживание идет очень быстро. Можно пообедать за 45–65 минут.

Основной «гвоздь» этих бистро — недорогой комплексный обед. Когда они начинали, он стоил (в зависимости от сменяемых по сезонам ингредиентов) 79,9 франка, т. е. порядка 25 евро. В стоимость обеда не входят спиртные напитки, равно, как и напитки безалкогольные (сок, кофе, чай).

Ресторан «La Mere Catherine» был открыт Катрин Лемуан в 1793 году. Благодаря русским казакам, взявшим со штурмом в 1814 году высоты Монмартра, заведение стало первым бистро во Франции и лучшим примером для других заведений подобного типа. Голодные военные не хотели ждать, пока приготовится какое-то изысканное блюдо и орали: «Быстро! Быстро!»

В комплексном меню особых выкрутасов нет. На закуску предлагается либо салат «Римский» с семечками сосны, либо паштет из лосося, либо (при небольшой доплате) дольки дыни с копченой ветчиной по-пармски, либо fois gras (жирная печень) утки, либо филе макрели, замаринованное в белом вине.

Самая привлекательная часть — вторые блюда. Здесь предлагается два вида карпаччио: из говядины в базилике и из лосося в укропе. И то и другое — нарезано прозрачными ломтиками чуть толще папиросной бумаги. И то, и другое можно за одну и ту же цену повторить несколько раз, при условии, что ты берешь полный обед и заказываешь вино. На гарнир — и тоже вволю — подают картофельную соломку во фритюре либо спагетти, либо салат.

По-русски это звучит практически, как «халява, плиз». В том же меню предлагают филе говяжье либо грудку утки, либо эскалоп из индюшки с зеленым перцем по-нормандски. Но эти блюда повторять нельзя. Только карпаччио. В «Бистро роман» на площади Терн, как мне рассказали, был установлен рекорд: карпаччио из говядины повторили 42 раза. Правда, при этом любитель сырого мяса выпил три бутылки «божоле» и бутылку минеральной воды. Но такие заказы редки. Как правило, повторяют два-три раза. Так что бистро в накладе не остается, выигрывая на разнице в себестоимости и ресторанной цене закусок, вин и безалкогольных напитков. В меню «Bistro Romain» таких меню комплексных обедов несколько. Но есть и постоянные фирменные блюда, и любители итальянской и савойской кухни отдадут им должное. В такие бистро обожают ходить дети и сладкоежки. Им всегда предложат до 15 сортов сливочного и фруктового мороженого, различные десертные блюда: груша в вине, «снег» из яичных белков, профитроли в шоколаде, пироги с фруктами, крем-брюле и т. д. стоимостью от 12 до 35 франков. Нельзя уйти оттуда, не попробовав итальянскую горгонзолу или козий сыр в пепле костра. Выбор вин небогат. Как правило, предлагаются традиционные французские вина недорогих марок: Cotes du Liberon (rouge et rose), Sauternes, бордо Chateaux le Dragon, Chateaux Labegorge Margaux и др. Есть вполне доступные для среднего француза итальянские вина Valpolicella, Santico, Lambrusco, Chianti. В конце обеда подается в качестве дижестива рюмка траппы.

«Бистро Роман» чрезвычайно популярны. Практически в каждом аррондисмане Парижа они есть. Даже на престижных Елисейских полях. Там действительно «дешево и сердито». Очень уютно. Официанты вышколены прекрасно. И, как в хорошем мишленовском ресторане, в конце обеда к вам непременно подойдет метрдотель и спросит, ну как вам понравилось? И, когда уже совершенно расслабленный от многочисленных скидок и повторов клиент подойдет к выходу, ему поднесут поднос с бесплатными конфетками, отбивающими запах. На случай проверок на дорогах.

«Реле Одеон», о котором мы говорили, помимо соответствующего декора поддерживает свою репутацию доступности даже для студенческого контингента. Ведь это бистро расположено в Латинском квартале. А там не шикуют. Поэтому «Реле Одеон» работает, как «кафе — бар — бистро» и даже как бутербродный бар. С учетом того, что студент заходит просто выпить чашечку кофе или угощает коктейлем подружку, в «Реле Одеон» разработали целую систему напитков для такой клиентуры. Тут и кофе эфиопский, и кенийский, кофе из различных смесей, декафеиновый кофе, и кофе с алкогольными напитками — «ирландский кофе» (с виски) и

французский (с коньяком). Цена безалкогольных напитков в три-четыре раза дешевле. А выбор богат: венский кофе, тропический нектар, коктейли из соков, тонизирующих баночных напитков, ароматизированного молока, йогурта...

Для любителей пива тут выбор достаточный — семь сортов бочкового пива: французское пиво «Мютциг», «Хейнекен», ирландское «Битбергер пиле», «Гиннес», немецкое «Мюнхенское коричневое», бельгийское «Крик фудройвант» и «Персиковое».

Пиво в бутылках — до 15 сортов, включая импортное бельгийское «Гез», мексиканское «Корона», безалкогольное «Баклер» и др. Из алкогольных напитков есть практически все — от шампанского до текилы. Ну и, наконец, в зимнее время подают горячее вино, чаи натуральные и из трав, прог из рома, горячий пунш.

Бистро «Реле Одеон» интересно тем, прежде всего, что рассчитано на потребителя, который дома вообще даже не завтракает. Учтены и иностранные студенты, которых в Сорбонне и других вузах Латинского квартала немало. Поэтому здесь есть и калифорнийский завтрак (яичница с бэконом, йогурт, чай или кофе, тосты с маслом и конфитюром, сок апельсина) и французский завтрак (круассан и кофе либо горячее молоко, либо чай). На ланч студент, да теперь и не только студент, но и молодой специалист, живущий на зарплату, больше сэндвича себе позволить не может. Специалисты в области маркетинга из «Реле Одеон» прекрасно это усвоили. И вот бистро предлагает 8 видов сэндвичей, включая один горячий сэндвич с говядиной, приготовленной по — бургундски. Также сэндвичи из копченой утки с зеленым салатом, сэндвич с татарским бифштексом с каперсами, травками и луком, сэндвич с тунцом, томатами, яйцом и майонезом, сэндвич с белым куриным мясом, сэндвич вегетарианский с сырыми овощами и сэндвич с ростбифом говяжьим, салатом и майонезом. Можно заказать сэндвич только с паштетом, только с колбасой, только с камамбером, ветчиной, сыром эмменталь. И все это недорого — от 3 до 7 евро. Примерно в той же ценовой категории и многочисленные омлеты, и закуски-салаты. В обеденный перерыв французы нередко берут именно такие салаты и какой-нибудь напиток или кофе, поедая при этом много бесплатного хлеба, т. к. салаты очень сытные и недорогие и вполне заменяют собой второе блюдо.

А вторые блюда в этом бистро тоже есть, хотя еще и менее сложные, чем у «Матушки Катрин». Стейк, ростбиф, говядина в вине по-бургундски, говяжья вырезка с луком, поросенок в вине, жареная курица... Даже гамбургер по типу Макдональдс и франкфуртские сосиски. При бистро

действует весьма забавное «Общество друзей-любителей аутентичной сосиски».

В сезон, т. е. в те месяцы, в названии которых есть буква «р», можно в этом бистро найти устрицы 7 сортов, отведать блюдо «Дары моря», поесть креветок, крабов, полакомиться лангустинами, ракушками... И все это также недорого и подается также быстро.

Когда французы объясняют иностранцам, почему они гораздо реже других европейцев выезжают за границу во время отпуска, они обычно говорят, что нигде нельзя так хорошо поесть, как во Франции. Другие кухни, включая русскую, французы не любят. Тем не менее вместе с ростом числа иммигрантов в Париже и его окрестностях растут как грибы заведения fast food американского типа («McDonalds», «Burger King», «Quick»). Популярны и небольшие рестораны типа «бистро» на базе национальной кухни европейских, азиатских стран (прежде всего, ливанских и иранских, а также Китая, Японии и стран Индокитая, стран Африки, особенно Туниса, Алжира и Марокко). И все же наиболее популярными и в Париже, как и по всей Франции, остаются небольшие рестораны типа «Irish Pub», именуемые во Франции «restaurant-brasserie». «Брассри» — это в буквальном переводе пивоварня. По традиции во Франции при пивоварнях действовали небольшие кафе-закусочные. До ресторана они не дотягивали, но специализировались на производстве горячей пищи для любителей пива. Из Эльзаса в Париж пришли брассри с фирменным шукрутом (блюдо с кислой капустой и различными колбасками, сосисками, кусочками ветчины, корейки и сардельками). Это под пиво незаменимо. В Париже существует целая сеть таких ресторанчиков «Chor d'Alsace» («Кружка пива из Эльзаса»). Словарь «Ларусс» дает еще одно пояснение брассри — это «ресторан, в котором подают напитки и холодные блюда либо быстро приготовляемые горячие».

Брассри в Париже на каждом шагу. Устроены они все примерно одинаково. В центре зала стоит мощная пивная стойка с несколькими кранами для бочкового пива и баром, в котором бутылки уже висят горлышками вниз со специальными отмерными пробками. Здесь же — аппарат для производства экспресс-кофе. В некоторых брассри существуют маленькие табачные киоски, в которых можно помимо сигарет и прочих табачных изделий приобрести лотерейные билеты, телефонные карты, марки как почтовые, так и акцизные, и налоговые.

В массе своей французы во время ланча (dejeuner) питаются в брассри. Основное их требование: пища должна быть, хоть и быстро поданной, приготовлена в присутствии клиента, а не из полуфабрикатов, которые только разогревают, как в «Quick» и др. К тому же кухня должна быть

французской. Меню в таких брассри, как правило, пишется мелом на грифельных досках, установленных в залах заведения, так, чтобы написанное было видно посетителям для заказа, либо доска переносится к столу на время заказа блюд.

В брассри более высокого класса меню дня вписывается от руки либо на пишущей машинке (на компьютере) в карту со стандартным меню. Необходимость ежедневного обновления меню диктуется как поступающим свежим товаром, ценами на рынке, так и потребностями постоянной клиентуры. В каждом аррондисмане Парижа, других региональных центров, и особенно в небольших городах Франции, брассри имеют, как правило, постоянную клиентуру. Вкусы ее хозяину брассри известны и средства тоже, как и финансовые возможности. Да и как может быть иначе, если основной костяк посетителей и завтракает в таком брассри, и обедает, и ужинает, да еще в перерыве забегают попить туда кофе или пропустить рюмочку или кружку пива. Если перефразировать известную поговорку «каждый сверчок знай свой шесток», то можно сказать: «Каждый парижанин обедает в своем брассри». Неподалеку от Елисейских полей есть довольно престижное брассри Chez Edgard («У Эдгара») по адресу 4, Rue Marbeuf. Питается там в обед в основном высший средний класс. Шеф там поэтому тоже классом повыше, чем в обычном брассри. Об этом можно судить не по стандартным блюдам, которые в карте «Эдгара» всегда присутствуют, а по «меню дня». В разделе карты «Шеф приготовил для вас сегодня» закуски несложные и недорогие — салаты, паштеты, супы-пюре. Но вот в разделе «Горячие блюда» перечень блюд куда серьезнее. Это бараньи языки в соусе «лубетт», фрикассе из птицы по-шартрезски, вырезка в луке шарлотт, шашлык из мяса меч-рыбы и морской язык на гриле и т. д.

Винный погреб «У Эдгара» небогат, как и во всех брассри. Вина там скорее ширпотребные и ординарные, чем высоких марок. Одна деталь, которую необходимо знать, если хочешь вовремя пообедать во Франции: обеды (ланч) подаются только с 12 часов дня до трех. После этого кухня закрывается. Лишь в «Бистро Роман» делают исключения. Ну и, конечно, в «Quick», «McDonalds» и т. д. Появились в Париже и рестораны «Cambridge Tavern» («Кэмбриджская таверна»). Там в необеденное время обслуживают, зная французские порядки, причем с 50 процентной скидкой. Но таких таверн пока очень мало.

В каждом брассри, если оно более-менее популярно и не только, скажем, в своей округе, но и далеко за его пределами, есть какая-то своя специализация, есть специальные устричные брассри, где, как карпаччио в «Бистро Ромэн», блюдо устриц можно повторить несколько раз по цене

одного. Есть шукрутные, есть брасри типа бельгийского «У Леона», где подают к пиву горячие мидии по-рыбацки или с сыром рокфор.

В брасри рангом пониже обычно предлагается бесхитростный комплексный обед в трех-четырех вариантах. Дежурные меню, написанные мелом на грифельных досках, выставляются прямо на улицу, чтобы посетитель, еще не заходя в брасри, мог подсчитать, во сколько ему обойдется обед. В летнее время столики в обед выносят на улицу, и, когда идешь мимо, это срабатывает лучше всякой рекламы и рефлекса Павлова. Запахи божественные. И парижане очень аппетитно уплетают свои комплексные обеды. Жаль, конечно, что в таких брасри нет меню на русском языке: наши туристы поэтому, не зная, как прочитать написанное мелом, идут по привычке в Макдональдс и едят все ту же американскую жвачку, вместо хоть и быстро приготавливаемой, но все же чисто французской пищи.

И наконец, «сгерегіе». Это в переводе блинная. Как ни странно, блины во Франции едят и активно. И не только на масленицу, а круглый год. Это традиция, которая пришла из провинции Бретань, некогда бывшей отдельным королевством. Блины делают с ветчиной, с грибами, с лососем и селедкой, с ягодами, с медом, заливают их горящим арманьяком и кальвадосом. Одна такая блинная есть на Монмартре, у самого храма «Сакре-Кэр». Там можно увидеть, как делают блины во Франции: на специальную электрическую конфорку кладется тонкий слой блинного теста, и через десять-пятнадцать минут аппетитное блюдо завернутым блинным листиком вам подают. Что там «Макдональдс»!

Рестораны и кафе быстрого обслуживания во Франции очень прибыльны. Разоряются их владельцы куда реже других мелких собственников, хотя работа там нелегкая: остается только удивляться, когда они спят: брасри, например, закрывается за полночь. А в шесть утра уже готовится горячий завтрак! Принцип этой рентабельности известен: товары широкого спроса куда прибыльнее, чем коллекционные. Российским рестораторам неплохо было бы этому у французов поучиться. В Москве пока ресторан слишком дорогое удовольствие, чтобы просто там пообедать, а не совершить «выход». Во Франции же нередко и гостей приглашают в ресторан, чтобы не сидеть дома.

Ночная жизнь

Говорят, что ночную жизнь каждый понимает в меру своей испорченности. Для одних — это район Пигаль с его эротическими театрами, стриптизами и секс-шопами или таинственные аллеи с ночными дивами, что в наше время небезопасно. Для других — это странствия до утра по изысканным ресторанам. Для третьих — это парижские кабаре и мюзик-холлы, такие, как «Лидо», «Мулен Руж», «Фоли Бержер», «Крейзи Хоре». Там действительно, как поется в известной песне, «девочки танцуют голые». Точнее, полуголые, «топлесс». Но кого сейчас смутит обнаженная женская грудь, если эта красота в изобилии демонстрируется на всех пляжах Франции от Ла-Манша до Лазурного берега?! Зритель идет в эти кабаре, прежде всего, на шоу. Они держатся подолгу, иной раз по два-три года. Но зал всегда полон, и представление идет по два-три раза в день. Посетить Париж и не побывать на таком шоу, не посмотреть знаменитый парижский кан-кан настоящий мужчина просто не может. Даже если он приехал в Париж исключительно по делу. Кстати, в деловом мире это хорошо понимают. По статистике, самые удачные сделки заключались с иностранными клиентами именно после того, как они побывали в «Крейзи хорс», «Мулен Руж» или в каком-то еще мюзик-холле. По крайней мере, после этого заезжий бизнесмен всегда возвращался в Париж хотя бы еще раз.

Самые обнаженные и самые недоступные

Репортаж из кабаре «Crazy Horse»

Мало кто в начале пятидесятих годов знал Алена Бернардена. И все же в ресторане «Поль и Вирджиния», который он держал в центре Парижа на площади Марше-Сен-Оноре, была своя клиентура, были свои звезды, в том числе и американский певец Бинг Кросби. Привлекала их не только кухня. Бернарден по субботам обычно приглашал в ресторан певцов и джазовых музыкантов. Тогда во Франции еще не кривились при звуках «Янки дудль!» Америка была по тем послевоенным временам в большой моде. В Фонтенбло под Парижем размещалась штаб-квартира НАТО, и Пентагон разместил там весьма внушительный контингент американских войск. Не без расчета на эту клиентуру Бернарден купил в 1951 году старые винные подвалы в здании на Авеню Георга V и переоборудовал их в кабаре, а точнее, в салун в стиле американского Дикого Запада.

Рождение «искусства ню»

Салун — это заведение соответствующей репутации. Во времена освоения Дикого Запада в салунах до утра гуляли золотоискатели и авантюристы всех мастей, там танцевали падкие на золотой песок девочки и устраивались кровавые разборки, знакомые всем нам по голливудским вестернам. Еще одно американское изобретение — бурлеск, где девочки танцуют нечто напоминающее канкан и раздеваются под веселую музыку, увлекло Бернардена, у которого с детства богиней была Афродита.

В салуне «Crazy Horse» (в переводе «Бешеная лошадь»), который открыл Бернардэн в бывших винных погребах, были и швейцары в крагах и красной форме а-ля шериф, и хлопающие двери, которые любили распахивать движением ноги ковбои перед тем, как начать палить из всех стволов, и девочки. Все было так, как на Диком Западе, как в вестернах, заполонивших после войны экраны Европы. И тем не менее было не совсем так, не по-голливудски. А по-французски. Сам Бернардэн рассказывал об этом без ложной скромности: «Это я создал в Париже первое ревю в жанре американского бурлеска. Слово «стриптиз» вообще здесь не существовало до 1951 года. Я первым поставил здесь стрип-спектакль в кабаре. До этого в

парижских кабаре обязательными были певичка, жонглер или фокусник и исполнительница русских народных песен. Голую грудь показывать не решались. А я... Я рискнул».

«Crazy Horse» — знаменитое парижское кабаре, основанное в 1951 году

Он рискнул и не проиграл. И не потому, что в «Crazy Horse» он пригласил и известных тогда стриптизерок и воспитал еще лучших «в своем коллективе». Он выиграл только потому, что на базе бурлеска, действия вульгарного в самой своей основе, как и вся американская индустрия развлечений, он создал особый, изощренный стиль «Crazy Horse», стиль неоспоримо французский, который получил название *L'art du nu* — искусство обнаженного, искусство «ню».

Это пришло не сразу. Первые его шоу были сугубо американскими — с непременными ковбойскими песнями в духе «кантри» и певицами, которые свои куплеты пели исключительно со стойки бара. Дань американизму отдали даже такие актеры, как Жан Марс, начинавший в первом шоу «Crazy Horse» в ковбойском костюме и шляпе с загнутыми полями. Сам Шарль Азнавур пел в том же шоу. Но пел он тогда не французские песни, которые принесли ему славу несколько лет спустя, а американские шлягеры.

Успех был поначалу скромн. Не произвели сенсации даже приглашенные из-за морей стриптизерши. Публика вежливо похлопала мисс Фортунии, смешанных польско-гаитянских кровей, которая исполнила нехитрую пьеску «Я ищу блоху». Суть номера сводилась к тому, что стриптизерша в поисках нахального насекомого снимала одну за одной одежды, пока не оказывалась нагишом перед почтенной публикой. Серьезный успех принесла «Crazy» мисс Памела, показав известный в американских шоу номер «Игривая вдова». Это стриптиз с кисточками, которые приклеивают на нашлепках на самые интимные места, таким их образом прикрывая. Ну, а затем, вращая груди, раскручивают. Но и этого было мало для Бернардена.

Только через два года Бернарден нашел ключ к своему будущему успеху, случайно увидев рекламу американского киносериала «Танцовщицы влечения», в котором показывали лучшие номера американских бурлесков. Бернардэн сказал: «Эврика!» Так же, как и в бурлеске, танцовщицы должны обрушиваться на публику сразу же после традиционного для кабаре номера комика. Но каждая, действительно, вызывать влечение у мужчины и обнаженным телом, и танцем. «Влечение, — уточнил про себя Бернарден, — не влекущее за собой обладания». Он даже не осознал, что сформулировал эстетическое кредо «Crazy Horse».

Одежду шьет свет

Шоу с ансамблем из пяти стриптизерш дало сбор и публику. Танцовщицы были на диво хороши, но, как признала одна из них, Рита Ренуар, впоследствии, все они «тянули одеяло на себя», подсматривали друг за другом, чтобы перехватить у соперницы наиболее удачный трюк или жест. Ансамбля не было.

Два открытия сделали «Crazy Horse». Первое было связано со знаменитой Лили Ниагарой, обладательницей роскошного тела цвета белого мрамора. Бернарден однажды шутки ради взял проекционный аппарат и начал с его помощью «одевать» Лили в картинки со слайдов с декоративными рисунками. Так он соединил «оптическое искусство», или «оп-арт» со стриптизмом. Конечно, это у «отца» «Crazy Horse» получилось не просто так. То было время серьезных поисков в искусстве авангарда, где задавали тон американцы. Это направление «нео-дада», неореализм, поп-арт, а также привлечший Бернардена оп-арт. Женское тело стало для него, как писал французский искусствовед Пьер Рестани, тем же, чем холст для живописца. С помощью художников и профессиональных осветителей Бернарден выработал целую систему «лепки» женского тела с помощью проецируемого на танцовщицу света. Хореограф «Crazy Horse» София Бальма разъяснила мне суть этой техники:

— С помощью проецируемого света мы акцентируем формы тела, его округлые линии, не искажая при этом женского тела. Так что свет не столько одевает, сколько подчеркивает силуэт тенью. Но здесь тоже нельзя перебарщивать с игрой света и теней.

Я потом вспоминал слова Софии, когда увидел в спектакле «Какая жара» знаменитое «Адажио». Тема кладбища там решается неоновым силуэтом гроба и проецируемым узором крестов, которые служат и занавесом, и одеждой девушек-привидений, и под конец — покрывалом, целиком скрывающим их наготу.

Crazy Horse переходит в галоп

София Бальма, которую Бернарден называл «Верной» — еще одно его открытие. Он понял, что для успеха ему нужны не отдельные стриптизерши, а ансамбль, нужен был стрип-балет, в котором кордебалет, и соло, и па-де-труа, и па-де-катр составят единое целое. Единственное, что в «Крейзи хорс» исключалось сразу же, — это па-де-де с мужским партнером. В салуне танцевали только девочки. София Бальма принесла в «Crazy Horse» хореографию, без которой настоящего танца нет. Уже потом в «Crazy» стали приезжать знаменитые балетмейстеры, такие, как Давина, и ставить свои танцы для Бернардена. А затем уже появились балетные спектакли Софии Бальмы и Молли Моллой, в том числе «Какая жара».

Каждый вечер в половине девятого и в половине двенадцатого на сцене салуна звучит на английском языке команда:

«Ten-shan!» (Сми-ирна!) Для встречи справа! На-кра-ул!» Занавес вверх. Появляются «лошадки» Бернардена в точно таких же медвежьих шапках, как у королевских гвардейцев у Вестминстерского дворца. Но вот только ниже шапок — форма прозрачная, и обалдевшие мужчины, еще не понимая, то ли над ними шутят, то ли соблазняют всерьез, принимают наблюдать за тем, как профессионально маршируют роскошно сложенные девочки, только грудки дрожат в такт...

Так начинался спектакль «Какая жара!». Его начали готовить еще при жизни Бернардена. В него, конечно, вошли и многие классические номера салуна, такие, как «Ротор» и финальный марш-парад «Ты меня возбуждаешь!» Но многое сделано заново. Этот спектакль — уже классика найденного Бернардемом стиля. Здесь традиции французского кабаре соединены с бурлеском наиболее органично. И фокусник, и куклы работают вместе с танцовщицами-стриптизершами. Но это не просто стриптиз. Это — синтез балета, современного танца, стриптиза художественной гимнастики.

И все это так изрядно сдобрено юмором, что Эрос отступает на задний план перед Афродитой.

София Бальма, которую Бернарден называл «Верной», принесла в «Крейзи хорс» хореографию, без которой не может быть настоящего танца. Она убедила Бернардена, что для подлинного успеха нужны не отдельные стриптизерши, а ансамбль, стрип-балет с солистками и кордебалетом. Единственное, что исключалось в таком балете, так это па-де-де с мужским партнером. В салуне танцевали только девочки. Мужчин на эту сцену допускают только в качестве фокусников и комиков. Даже артистические уборные с солистками у них разделены непроницаемой для противоположных полов стеной. Просто стоит охрана. Соответственно проинструктированные французские качки.

Идея Бальмы дала свои плоды не только в том, что касается хореографии. «Crazy Horse» понемногу переставали воспринимать, как просто стрип-шоу. В дом 12 на Авеню Георга V в Париже потянулись серьезные хореографы и балетмейстеры, такие, как Давина. Появились первые балетные стрип-спектакли, поставленные Бальмой и Молли Моллой. Бернарден был в восторге от всего этого. Он не жалел ни сил, ни денег на то, чтобы поставить свое детище еще на одну ступень выше. Теперь он был уверен, что у него нет конкурентов, что он создал, шоу уникальное в своем роде.

У сильных людей случается такое: бывает, что они добровольно уходят из жизни, казалось бы на самом гребне успеха. Трудно объяснить почему так поступил Бернарден. В 1996 году он застрелился у себя в кабинете, в салуне. После него не осталось ни письма, ни даже прощальной записки. Бернарден ушел. Но «Crazy Horse» продолжает жить. Попытки его жены Ловы Мур унаследовать это кабаре были отбиты. Уже довольно солидный бизнес отца взяли в руки его дочь Софи и сыновья Дидье и Паскаль. «Crazy Horse» становится не просто кабаре и стрип-театром. Это — брэнд, Великая марка в теперь уже высоком искусстве по имени Lart du nu. Но вместе с тем — это и бизнес. Дети Бернардена стали организовывать специальные спектакли для ведущих корпораций Франции, когда на весь вечер закупаются все места сразу. Есть и другие нововведения. Раньше салун из Парижа никуда не выезжал. Но теперь филиал «Crazy Horse» действует в Казино Монте-Карло и в Лас Вегасе. Поговаривают о новых проектах, в том числе в Москве. Но пока это только слухи...

«Ну и страсти!»

В символике «Crazy Horse» много игривой двусмысленности. Как и должно быть в любовной игре. Даже в псевдонимах танцовщиц — загадка на загадке. Лова Мур, которая стала женой Бернардена, прямо из шоу. Волга Московская, Нара Кардиган, Луга Белуга. Все они вошли в историю становления Crazy. Бернардэн был неистощим на выдумки и каламбуры, обладал потрясающим чувством юмора. Именно он придумал сценарий смены стрип-караула а-ля Вестминстер в «Crazy Horse». Он назвал этот номер «God save our bareskin», что означает: «Боже, спаси нас, голеньких», что перекликается с названием государственного гимна Великобритании: «Боже, спаси Королеву», по-английски «God Save the Queen». Работа над этой заставкой к спектаклю «Какая жара!», название которого можно перевести и как «Ну, и страсти!», началась при жизни Бернардена, а уже после его смерти премьера состоялась. И эта заставка утвердилась и в других последующих спектаклях: в шоу под английским под названием «Teasing», что в переводе означает «Заигрывая», «Поддразнивая», «Раззадоривая» и даже «Кадрясь» (двусмысленностей такого рода в английском языке еще больше, чем во французском). Так присутствие покойного мастера ощущается постоянно.

В «Teasing» вошли многие классические номера салуна, такие, как «Ротор», «Искусство соблазна» и «Я — хорошая девочка! И, конечно, финал «Ты меня возбуждаешь!». Но многое было сделано заново. Этот спектакль стал классикой Lart du nu. В «Кадрясь», самом ключевом танце спектакля, когда танцовщица показывается публике со спины, прикрытая до талии занавесом, работают только бедра и ноги, наиболее четко выражено его кредо — вызвать влечение, не влекущее за собой обладания ни в какой форме. Один раз мне пришлось быть на спектакле, на который пришли сильно подвыпившие американцы. Каждый номер они встречали, как принято в их бурлесках, воплем и гоготом. Служителям это быстро надоело, и янки тихо вывели из салуна. «Смотреть можно, — объяснили им. Восторгаться тоже, но лучше молча. Орать нельзя. Это мешает другим».

«Teasing» весьма тонкий спектакль. Его главная героиня — это Женщина-Соблазнительница, образ которой создается в каждом сольном номере и дополняется штрихами кордебалета. В этом образе женщина роковая, «femme fatale», как говорят французы, далеко не обязательно главенствует. В «Соблазнительнице» Софии Бальмы есть много и от озорной девчонки, которая может задрать юбку и показать мальчишкам голую попку точно так же, как язык. Спектакль сам по себе — это синтез балета, современного танца, стриптиза в его лучших формах и художественной гимнастики. И все это так изрядно сдобрено юмором, что Эрос отступает на задний план перед Афродитой.

Та же линия выдержана и в юбилейном спектакле «Taboo» («Табу»). Его поставила Софи Бальма к 50-летию салуна. К этой дате более комфортабельными сделаны места для VIP-посетителей, подновили интерьер. Бальма ввела немало новшеств в спектакль, но классика — «Отношение», «Ротор», «Страсть весталок», «Я — хорошая девочка», «Ложись, лазер, ложись» и другие — осталась.

Конечно, я бы погрешил против истины, если бы сказал, что парижский салун «Crazy Horse» — это невинное заведение для девственников. Конечно, нет. Эрос здесь поселился надолго и прочно. Но именно Эрос, а не Сатир и не Фавн. Похотливым козлам это шоу не понравится. Когда смотришь, как работает красавица Лола Фрагола в сценке «Каторга», понимаешь, какой удивительной силы может достичь экспрессия женского тела и какой черт сидит в каждой настоящей женщине. Сцена проходит как бы в тюрьме, из которой страстная женщина-грешница рвется к своему возлюбленному. Но как рвется! Каждой клеточкой своего тела. И Лола умеет это показать. Вспоминаешь наше, российское: «Старый муж, грозный муж...»

Эрос и балет

За всем этим видна огромная работа. И поэтому я так ждал встречи с Софией Бальмой. И вот в один из дней мне позвонила Николь Бжезинская из секретариата «Crazy» и сказала, что Бальма готова меня принять. В зале, где не раз я уже смотрел ее спектакли, меня ждала хрупкая, изящная женщина с такой гибкой и выточенной, как статуэтка из эбенового дерева, фигурой, что не веришь ее же собственным словам: «Я работаю в “Крейзи хорс” вот уже более 30 лет. Сначала я танцевала на этой сцене почти 18 лет, а затем стала работать здесь балетмейстером...» Мы встретились незадолго до начала репетиции. Времени было мало. И все же мы поговорили. София многое помогла мне понять в этом феномене современного искусства по имени «Crazy Horse». Как она пришла в этот салун? «Сначала, — говорит София, — я специализировалась на классическом танце. Любила современный танец. А потом меня позвал Бернарден. И с тех пор...»

Я привожу буквальную запись нашего интервью. Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить.

— Вы танцевали «ну» т. е. обнаженной?

— Да. Все 18 лет.

— Как вы воспринимаете Fart du nu?

— Это экспрессия тела. Очень тонкая. В это надо вкладывать много духовного. Да-да, духовного, — настаивает она. — Танцовщица должна

уметь много сказать именно телом, не говоря при этом ни слова. Искусство «пи» очень коварно. Надо быть очень внимательной всегда. Если переступить определенную грань, танец обнаженной женщины может стать просто вульгарным. Женщина в таком танце должна манить, но допускать к себе не должна. Даже предположить, что она доступна, она не имеет права. Нужно уметь поэтому работать на нюансах.

— Для этого, однако, не всякое тело годится.

— Вы правы. Надо поэтому работать не только над телом, но и над выражением лица. Намерение выражает лицо, выражают глаза. Не только танец.

— Есть танцовщицы, которые соблазнительны по самой своей природе, а есть...

— Есть танцовщицы, которые способны танцевать только в кордебалете. Они хорошие танцовщицы, но недостаточно артистичны для соло. Поэтому иногда мы выбираем девушек, которые даже хуже танцуют, но они могут танцевать сольный танец. Тут нужна определенная порочность, если хотите, для того, чтобы быть одной на сцене и сразу же взять публику. Это дано не каждой.

Бернардена однажды спросили, как он «угадывает» в ходе просмотров танцовщиц, кто подойдет для его салуна, а кто нет. Он сказал: «Я руководствуюсь правилом старых циркачей. Они, когда просматривали кандидатов в клоуны, говорили: «Рассмеши меня!» А я говорю танцовщице: «Соблазни меня в танце!» По-своему Бернарден работал по системе Станиславского. Ему надо было поверить артистке.

— С какого возраста может танцевать артистка в «Крейзи Хоре»? — спрашиваю я Софию.

— Это все индивидуально. Сейчас идет новое поколение. Они начинают танцевать рано. В 16–17 лет.

Мимо нас проходят две девчушки. На вид совсем еще школьницы. «Привет, дети мои», — говорит им София. И продолжает: — Ну вот, вы видели этих двоих. Им по 17, они только начинают у нас работать. Но очень способные девочки.

— Это работа тяжелая, между тем.

— Да, весьма. Очень тяжелая.

— Они работают без выходных?

— Нет, отдыхают, конечно. Но не по календарным выходным. По очереди. Каждый вечер четыре танцовщицы у нас в отгуле.

— Мне рассказывали, у вас весьма жесткие требования к танцовщицам. Утверждают, что если кто-то из них поправился на полкило и за три дня вес не сумел сбросить, то таких увольняют.

Публика в предвкушении шоу

— Врут. По контракту у нас они имеют право изменять свой вес на два-три кило. Или больше, или меньше. Если по своему росту танцовщица не добирает веса, то ей разрешают поправиться на три-четыре килограмма. Но не больше. Но, если она набирает, допустим, вес выше разрешенного по контракту, ей предоставляется отпуск, чтобы она привела себя в форму. Но обычно с весом проблем не бывает, потому что им физически приходится много трудиться. У нас не поправишься.

— Есть ли какие-то особые требования к ним у вас в салуне?

— Они всегда должны быть в форме. Это утомляет, конечно. Раз в неделю у нас генеральная репетиция. Мы не стремимся к тому, чтобы воспитать здесь звезд балета. Но наши девушки должны быть хорошо натренированы, обладать нужной для нашего дела мускулатурой, быть в тонусе и обладать выносливостью. Они работают каждый день с восьми часов вечера до часу ночи. И к тому же репетиции. Генеральная идет три часа. И еще мы репетируем отдельные номера. Работы хватает.

Свет, как скульптор лепит тело танцовщиц. Особенно четко видишь их вроде бы незаметную в ярком свете мускулатуру в танце «Страсть

весталок». Свет придает обнаженным телам то оттенок бронзы, то старого мрамора и поэтому каждая мышца рельефна. Видишь, что девочки крепкие, здоровые и хорошо тренированные. А в здоровом теле, как говорили древние, должен быть непременно здоровый дух.

На сколько времени заключается контракт с танцовщицей?

— Мы следуем французским законам. Сначала на восемь-десять месяцев. А затем он практически бессрочный. По этому контракту, однако, танцовщица, если она почувствовала, что не может дальше работать или не хочет, должна предупредить нас за месяц. Таков закон.

— У вас тем не менее строгостей немало.

— Мой патрон (она так до сих пор называет Бернардена. — *В.Б.*) говорил: «Суров закон, но это — закон». И он был прав. Мы требуем, чтобы танцовщицы приходили на работу вовремя, не опаздывая. Им запрещено после спектакля прохаживаться перед салуном, их доставляют домой наши специальные такси. Есть у нас и служба охраны. Наши девочки не имеют права разговаривать с публикой, особенно с мужчинами. У нас строгая дисциплина. Но разумная. Нет строгостей ради строгостей. В праве на личную жизнь им никто не отказывает. Но это вне салуна. Здесь они работают.

— Вы работали вместе с Бернарденем. Каков был его стиль?

— У него была отлично развитая интуиция. И он умел чувствовать людей. Он точно знал, кого на какой номер поставить. Он умел слушать свой внутренний голос. Он знал, какая танцовщица будет в танце выкладываться до конца, какую лучше использовать в ритмическом танце, какую в медленном. И, как правило, первое впечатление его не обманывало. В хореографии мы не можем навязывать себя танцовщице. Мы должны приноровиться к тому, что танцовщица может сделать и что создать. Мы обязаны иметь, по меньшей мере, четыре танцовщицы для каждого сольного танца, чтобы не возникало ненужных проблем. Но для каждой хореография своя. Это все индивидуально. Этому учил меня Бернарден.

— Вы срабатываетесь с новыми владельцами «Crazy Horse»?

— Да, особенно с моей тезкой, Софи Бернарден. У нее тонкий вкус, ибо она помимо всего прочего хорошая художница. Мы с ней говорим на одном языке.

— А что делает Лова Мур?

— Поет.

— Сколько нужно репетировать для постановки одного номера, сольного танца?

— Три-четыре месяца. А потом репетиции, чтобы поддерживать девочек в форме. Здесь тоже все индивидуально. Есть танцовщицы, которые

очень быстро входят в танец и держат нужную хореографию при всей своей индивидуальности, а есть такие, которые сначала входят в танец, а потом начинают свои импровизации, и их каждый раз приходится возвращать к исходным позициям. Все индивидуально. Есть такие, кто быстро все осваивает. А с другими надо больше репетировать, больше объяснять и больше с ними разговаривать. Одним надо уметь смотреть в зал, чтобы понять, какое они производят впечатление, другие и так себя видят на сцене в силу присущей им интуиции. Одним надо говорить, как поставить голову, как посмотреть через плечо, как держать спину, попку. Другие и так это чувствуют. Но над всем надо работать. Даже ставить дыхание. Это так же важно, как и экспрессия.

— Несколько лет назад я видел в одном кабаре на Западе «Танец Исихоры Дункан». Танцевала его обнаженная женщина, единственной одеждой ее было красное шелковое знамя. Это была своего рода дань русской революции и той революции в искусстве, балете, которую потом «отменили» сталинские пуритане. Действительно ли Исихора Дункан, жена нашего великого поэта Сергея Есенина, была основоположницей «искусства ню»?

— Во многом, да. Она обладала необычной экспрессией тела. И для своего времени Исихора Дункан была авангардисткой в хорошем смысле этого слова. Я ее очень люблю. Вы видели в нашем спектакле танец с черными вуалями. Это своего рода дань Исихоре. Немножко «ретро».

— Что общего у вашей хореографии, искусства «ню» вообще с современным балетом типа, например, балета Баланчина в США?

— Баланчин был почти на всех наших спектаклях. И ему они нравились. Так же, как и нам его балет. Мы часто ездили к друг другу. Баланчин бывал даже на наших репетициях. Но я должна сказать, что наше искусство достаточно своеобразно, и мы не можем себе позволить ни удариться в чистый балет, ни опуститься до вседозволенности. Мы не можем себе позволить все движения в танце, потому что всегда ощущаем близость той грани, о которой я вам говорила. У искусства «ню» своя эстетика.

— Поговорим подробнее об этом. Несколько лет назад в Австралии я видел в стрип-баре «Бэррел» такую сцену: на кругу работала стриптизерша из США. Круг был практически в зале, и в первом ряду расположились приехавшие в Сидней погулять фермеры. Конечно, пиво там лилось рекой и им было не до эстетики. И вот, когда один из них потянулся, чтобы похлопать по попке стриптизершу, та закричала: «Не мешайте мне, я работаю». Фермер был очень разочарован. Для него это была не работа, а секс.

— Я его не осуждаю. Для него это, действительно, был секс. А в «Барреле» просто перешли ту грань, которую переступать нельзя. И более того, разместили сцену прямо среди зрителей. Мы никогда не позволяем танцовщице танцевать в партере, где у нас тоже подают спиртные напитки. И не только шампанское. Она у нас на землю не спускается. Танцует только на сцене. Это золотое правило. Если танцовщица спустится на землю, к публике, она опустится до ее уровня. А она должна парить над ней.

— А публика «Крейзи хорс» на что настроена, когда она сюда приходит? Ее привлекает красота танца и женского тела или она идет сюда в поисках острых ощущений, изощренного секса?

— Нет, у нас нет спектаклей, которые привлекали бы публику такого сорта. Для того, чтобы увидеть секс в наших шоу, надо их смотреть под весьма определенным углом зрения. Сюда, кстати, приходит много женщин.

В спектакле «Табоо» снова появился тот самый вращающийся круг, наклоненный под углом в 30 градусов, что и в Австралии. Только на этот раз он был на сцене и прикрыт потоком воды, который нарисовал на сцене лазер. Это номер «Ложись, лазер, ложись!» Тара Карамболь, которая исполняла на этом круге соло, была действительно, как говорила София, и в меру порочной, и не в меру соблазнительной. Но даже если у кого-то и могло возникнуть желание ее потрогать, оно было бы невыполнимым.

Тара парила над залом в своем потоке. Она была мечтой, недоступной и тем более желанной.

Недоступность, конечно, достаточно условное понятие. Жизнь есть жизнь. Уже после того, как Лова Мур стала женой Бернардена, другая «лошадка», Александра Полкашникова, выпускница училища Большого театра, тоже удачно вышла замуж, а украинка Зина Белуган, известная по афишам «Крейзи» как Белуга, стала женой американского миллиардера. Я спрашиваю Софию:

— Вы танцевали вместе с Ловой Мур, с такими известными танцовщицами, как Зина Белуга, Руби Монтана. Это все, конечно, псевдонимы, как и ваш тогдашний «София Палладиум». Много ли переменялось с тех пор?

— Конечно. Это была другая эпоха. И зал был другой. Когда мы начинали, даже зал был сработан под стиль «вестерн». Мы сохранили только американские двери.

— И музыку тоже...

— Конечно. Иначе бы это не был салун.

— А как родился этот знаменитый номер со сменой караула у Вестминстерского дворца, с которого начинается спектакль «Какая жара»?

— Именно у этого дворца и родилась идея его поставить. Бернарден увидев, как меняют караул, вдруг сказал мне: «Слушай, это же великолепно. Это танец! Костюмы прекрасные. Это нам надо взять на открытие нового спектакля.

Дальше уже были детали. Мы подобрали музыку, создали стилизованные костюмы и пригласили на репетицию из Лондона майора королевской гвардии.

— Как он себя чувствовал?

— Поначалу он был весьма смущен. В такой аудитории, как вы сами понимаете, нелегко отдавать приказы. Но он хотел, чтобы наши девочки подчинялись ему, как солдаты. И он орал на них, как в казарме. Отдавал команды в голос.

— А девочки, как реагировали?

— Он не одну довел до слез. Им трудно было, конечно. Он их заставлял маршировать часами. Но потом ничего, подружились.

— А потом — то он видел на сцене, что получилось?

— Видел. И был очень доволен и горд собой. Позже я увидел этих юных француженок, которых София назвала «детьми», на сцене «Крейзи» во время репетиции. София работает с ними с такой полной отдачей, что иногда даже сама выходит на сцену и «входит» в танец, как в былые времена. «Лошадки» послушны ее мановению руки: «И... Раз два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь...» Счет тут идет почему-то на восемь. Репетируется финал. Под музыку «Ты меня возбуждаешь». Каждый в зале, конечно, должен почувствовать, что это утверждение адресовано персонально ему. Для этого и нужна экспрессия тела. Но при этом, конечно, «лошадки» держат дистанцию. А то, ведь, не дай бог, кто неправильно поймет «искусство ню».

— Какие у вас отношения с труппой? — спрашиваю я Софию в перерыве.

Прекрасные. Девочки мне доверяют, я им. Это главное. Многих я воспринимаю, как своих детей. Особенно молодежь.

У Бальмы уже начиналась репетиция, и все же я успел задать ей несколько вопросов на прощание:

— Как вы находите ваших танцовщиц? В разных странах?

Да, мы устраиваем просмотры непосредственно в тех странах, балет которых нас интересует. И, думаю, устроим такой просмотр однажды в России. Там прекрасная школа танца. Если мы кого-то отбираем, то заключаем контракт, по которому оплачиваем все расходы танцовщицы по переезду в Париж, ее устройству здесь на первое время. Здесь, конечно, тоже она проходит просмотр, гораздо более строгий. И, если она нам

подходит, мы начинаем работать с ней. Так мы нашли наших «звезд» в Лондоне, в Швейцарии, в Польше.

— Из России пока никого у вас?

— Из России, увы, нет. А из Восточной Европы их у нас четверо. Они весьма серьезны и хорошо работают. Одной из них мы дали имя Волга. Волга Московская. Она из Польши.

— А почему тогда Волга, а не Влтава?

— Мне больше нравится Волга.

Волга Московская

София знакомит меня с восходящей звездой труппы — Волгой Московской.

Она необыкновенно хороша. И так близко, что вводит меня в некоторое смущение. Все же она в рабочем «костюме». А это практически стопроцентное «ню». Тем не менее задаю вопросы, нравится ли ей работать в «Крейзи».

— Обожаю! — говорит Волга.

— А как ты сюда попала?

— Я закончила балетное училище три года назад в Познани.

И меня заметили. Я работаю здесь уже восемь месяцев.

— А ты замуж собираешься?

— Конечно, у меня есть жених.

— Француз, или поляк? Он видел тебя на этой сцене? Ему нравится то, что ты делаешь?

— Он поляк. И он много раз видел меня на этой сцене. Ему не просто нравится. Он в восторге.

Она отлично работает, — говорит София — Очень серьезная девушка».

Наверное, в этом — главный секрет «Крейзи хорс». Современный стрип-балет — дело серьезное. Тут надо много и упорно работать. И не только телом, но и душой.

Ну, а иначе разве сказал бы Ален Делон про этот салун такое: «Моя жизнь, как все знают, прошла под знаком кино. Но мало кто знает, что в другой своей части жизнь моя прошла и под знаком «Крейзи хорс». Для того, чтобы понять Алена Делона, надо хотя бы раз увидеть воспитанниц Бернардена на сцене. Этого уже не забыть никогда.

По обе стороны сцены в «Крейзи хорс» скульптуры вакханок. В древности, очевидно, не представляли себе праздника не только без вина, но и без танцев. Вспомните сцену Вальпургиевой ночи в опере «Фауст» и слова

Мефистофеля, обращенные к Бахусу: «Божок, вина!» Вино бьет фонтаном и танец неистов. Как в «Крейзи хорс».

Часть третья

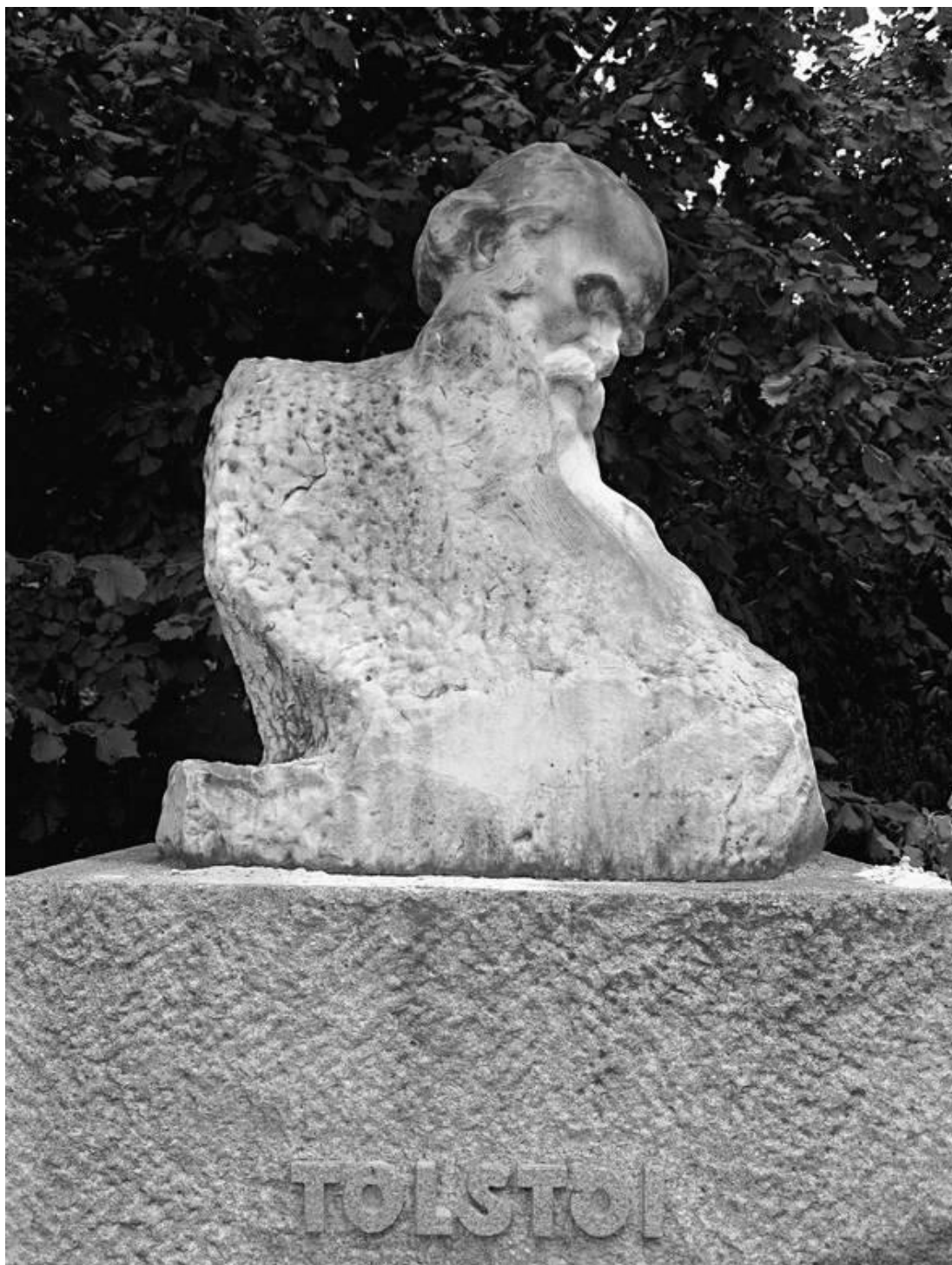
Там Русью пахнет

В одном из фешенебельных кварталов Парижа в небольшом сквере у бульвара Сюше, названного так в честь одного из наполеоновских маршалов, стоит посеревший от дождей и автомобильной гари бюст Льва Николаевича Толстого. Летом здесь отдыхают в тени каштанов аккуратные старушки пенсионерки, а чернокожие няни из богатых домов скучают на солнце у роскошных колясок с младенцами. Вечером сюда лучше не соваться. Возле сквера собираются наркоманы и проститутки, точнее — «мужчины легкого поведения».

Каменный Толстой замер на своем постаменте, опустив голову. Чужой в чужом мире. Редко кто приходит сюда поклониться ему как писателю, хотя Лев Николаевич во Франции, где он подолгу жил и работал, признан и почитаем. Разве что кто-то из заезжих наших туристов подивится: надо же — Париж и памятник русскому классику!

Очи черные

Любезные парижские гиды обычно объясняют, что во Франции интерес к русской литературе, ко всему русскому традиционен и велик. И в подтверждение сего приводят и памятник в сквере, названном именем Льва Толстого, и словечко «бистро», вошедшее в международный словарь благодаря нашим казакам еще со времен их победных биваков на Елисейских полях и Монмартре. Непременно в наборе доказательств интереса ко всему русскому промелькнут слова «Распутин», «большевик», «Большой театр», именно так, без мягкого знака, а далее — «Гагарин», «Горбачев», «матрешка», «борщ», «икра», «водка», «Калинка», «Катюша» и «перестройка».

Памятник Л. Н. Толстому в Париже (автор — Н.Л. Аронсон)

Говоря об интересе французов к России, надо выделить в особую группу французскую интеллигенцию, интерес которой к русской культуре, в первую очередь дореволюционной, присущ традиционно. Не ошибусь, если скажу, что ближе всего ей Чехов. На французской сцене из сезона в сезон

идут «Три сестры» и «Вишневый сад», «Дядя Ваня» и «Иванов». Сенсацией начала 90-х годов стала постановка «Федры» Марины Цветаевой. В «Эспас Карден» Пьер Карден поставил спектакль о любовницах Горького.

Конечно, среди тех, кто приходил смотреть «Федру», мало кто читал стихи этой русской поэтессы. По-французски они звучат неадекватно. Чтобы понимать русскую поэзию, особенно поэзию Серебряного века, все же необходимо знать русский язык. Может быть, именно поэтому президент Жак Ширак, еще будучи студентом, переводил стихи Пушкина, что как-то не вяжется с обликом профессионального и достаточно жесткого политика.

Со странностями такого рода встречаешься здесь довольно часто. Так же, как с русскими корнями в, казалось бы, типичных французских семьях. Россия внесла в генофонд французской нации серьезный вклад. Нет-нет да и мелькнут следы этого гена. «Хирург Татищев» — написано на табличке у подъезда одного из домов в районе Пасси, где селились после революции русские писатели и поэты. Здесь жили Бунин, Куприн, Мережковский, Гиппиус, Иванов, Шмелев, Цветаева...

«С вами говорит мадам Мусина-Пушкина», — звонят мне из французского комитета по космическим исследованиям.

«Да, я по происхождению русская», — говорит дальняя родственница графов Орловых, известный французский советолог Элен Карер д'Анкос, избранная во Французскую академию, основанную еще кардиналом Мазарини.

Со времен Анны Русской, жены Генриха I и впоследствии французской королевы, Франция не раз роднилась с Россией. Война 1812 года и оккупация Франции русскими войсками, где они стояли почти пять лет в общей сложности, немало этому способствовали. После 1917 года русская эмиграция во Францию приняла массовый характер, чему французские власти не препятствовали, учитывая тяжкую демографическую ситуацию, осложнившуюся в стране после Первой мировой войны. Приток свежей крови, хлынувшей во Францию с первой волной послеоктябрьской эмиграции, был для стареющего галльского гена просто находкой. Русские женщины, наследницы древних дворянских фамилий и вольных казаков, петербургских разночинцев и крепких на дело волжских купцов, принимали фамилии разорившихся д'Артаньянов и разбогатевших наследников санюлотов. Станичные атаманы женились на субтильных парижанках, о чем напоминают сейчас могилы на русских кладбищах в Ницце и Сен-Женевьев де Буа. Их дети, как правило, если и говорили по-русски, то уже с акцентом. Внуки же были русскими только по крови, по деду-бабке и языка нашего уже не понимали совсем.

Бывает, однако, и так, как у Анри Труайя. Этот академик, живой классик современной французской литературы, по происхождению — Тарасов. Он попал во Францию ребенком и на русском языке никогда не писал. Но настолько, видно, силен русский ген, что Труайя признается: «Когда я читаю переводы своих романов на русский язык, я понимаю, что я русский писатель...»

Русскую женщину любил великий Анри Матисс. На русской был женат классик французской современной живописи Фернан Леже. Да мало ли! В доме одного французского миллиардера хозяйка, дама уже в возрасте, неожиданно сказала мне на чистом русском языке:

«Я русская и до сих пор люблю бывать в Петербурге».

Я спросил ее, почему столь охотно французы женятся на русских.

«Это не правило, — ответила она, подумав. — Но больше всего, пожалуй, потому, что русские женщины умеют быть верными и в любви, и в дружбе и никогда не бросят супруга в беде...»

Русские имена пестрят в справочниках «Кто есть кто во французской науке». Русские корни — у сотен французских художников и музыкантов. Балет Франции немыслим, без российских балетмейстеров и танцоров Дягилева, Павловой, Лифаря, Нижинского, Нуриева, Кшесинской, Преображенской...

И все же, как бы мы ни тешили свое национальное тщеславие нашей кровной сопричастностью французской культуре, культура эта принадлежит Франции и тем, кто, начав ей служить, принял гражданство последней. Они уже французы, даже без анкетного уточнения «русского происхождения». Те времена, когда русская культура, действительно, существовала во Франции как небольшой, но все же самостоятельный остров, оторванный революцией от российского материка, но органически с ним связанный, по сути дела, ушли в прошлое вместе с русской эмиграцией конца XIX и первой половины XX века. Остались, пожалуй, в роли такого острова только зарубежная православная церковь и храмы Русской Православной Церкви (РПЦ). Остались Консерватория им. Рахманинова в Париже и те немногие эмигрантские издания на русском языке, которые, как мы когда-то писали, «родились во льдах “холодной войны”». Теперь они ориентируются уже не столько на русскую эмиграцию, сколько на читателей в России. Отсутствие автономной русской культуры во Франции, как и в других странах Запада, неизбежно привело к ограничению круга ее знатоков в зарубежье, где остались лишь немногие выходцы из русской среды, а немногие из тех, кого еще можно отнести к национальной интеллектуальной элите послевоенного периода, доживают свой век..

Набор представлений о русских и России у среднего француза, как правило, небогат. Более того, на Западе о русских и России вообще судят чаще всего по набору устоявшихся стереотипов.

... Неподалеку от Елисейских полей в небольшом переулке стоят на тротуаре два молодца в бурках и хромовых сапогах, в вышитых шелковых косоворотках и с нагайками в руках. То ли казаки, то ли разбойники с большой дороги — только ножа в зубах не хватает. Когда-то, во времена Пушкина и даже Льва Толстого, так представляли в России страшных чеченцев и черкесов с Северного Кавказа. После Октябрьской революции именно так на Западе принялись изображать самих русских. И стереотип этот, надо признать, устоялся. Вот и выходят вечером на работу в своих бурках не то зазывалы, не то швейцары модного здесь русского кабаре «Распутин».

Я бы не рискнул пойти туда на свою зарплату, потому что с ней здесь можно расстаться за один вечер, если просто скромно вдвоем-втроем поужинать. Не случайно над князем Юсуповым, который жил в Париже далеко не роскошно, подшучивали, что, хоть ему и удалось убить настоящего Распутина, кабаре «Распутин» ему не одолеть. И для моих состоятельных французских друзей русская кухня «Распутина» оказалась не по карману, а меня пригласили «на представление и шампанское», что было равнозначно совету предварительно поужинать дома. Совету я внял, но приглашение с благодарностью принял, хотя и знал что в «Распутине», как и в любом другом «русском» заведении, «русскости» и исконно русского духа нет, а есть лишь «амбьянс», специфическая атмосфера «а-ля рюс».

Что это такое и чего в таких заведениях ищут французы, равно как и немцы, и арабы, и англичане? Думаю, ищут то, чего самим им не дано. А именно — такого легендарного русского загула до утра, забубенного застолья с ведрами шампанского, которое пьют по-гусарски из дамских туфелек, и с водкой стаканами, с цыганами, со страданиями под «Очи черные» и захлебывающимся весельем под «Калинку-малинку» и «Казачок».

Расчетливый и знающий цену каждому сантимту француз никогда не мог понять, как это можно просадить с цыганами целое состояние за один вечер. А о том, как это делается, во Франции знали и от тех, кто состоял на службе у царей российских в Петербурге и Москве, и по личным наблюдениям за заезжими богатыми русскими в Париже и в Ницце, где существовал зимний филиал двора Романовых, и по истории Лазурного берега, где от Марселя до Монте-Карло гуляла вся русская знать наравне с купцами-миллионерами. Средний француз никогда этого не понимал и не одобрял, но все же пришел к выводу, что в этом все-таки что-то есть и хотя

бы раз в жизни надо кутнуть «а-ля рюс», ибо такого рода психологическая разрядка, видимо, — вполне оправданное капиталовложение.

... Красные стены, ковры, красные бутафорские резные окна с наличниками, откуда выглядывают нарисованные на фоне ночного неба маковки русских церквей, больше, правда, напоминающих минареты. Старый русский художник, работавший здесь над интерьером, видимо, и сам понимал, что соцреализма от него никто не ждет, и потому больше старался создать этакий русско-цыганский покров таинственности, загадочности и чувственности, что по западным понятиям и составляет русскую душу. Ну а чтобы уж не было никакого сомнения, то там, то здесь в «Распутине» вмонтированы двуглавые орлы.

— Эх, — неожиданно слышу русскую речь рядом. — За такую зарплату — и вкалывать каждый вечер! Мать-перемать...

— Кто это? — спрашиваю у своих приятелей.

— Да так... — отвечают они, явно не желая вдаваться в детали. — Ножи швыряет. Увидишь потом...

Нецензурную руладу швырятеля ножей прерывает балалаечно-гитарный разлив. «Русский» оркестр (целый интернационал, объясняют мне, — от французов и бельгийцев до румын и поляков), но зато все, как один, в косоворотках и сапогах по колено, ходят от стола к столу. И первая скрипка по-одесски игриво пиликает «семь сорок». Все смешалось...

Ножи старик-матерщинник швыряет лихо. Со стола ему кидают ассигнацию, и он подхватывает ее на лету, плевком приклеивая к доске. Потом берет нож в зубы и запрокидывает голову. Резкий наклон головы — нож летит по воздуху, пришпиливает сотенную к деревянному щиту. Это из серии «русские народные забавы».

Русское для западноевропейца должно не только быть таинственным, но и приводить его в состояние тихого ужаса. Не поэтому ли тот аттракцион, что мы называем у себя «американскими горками», здесь проходит как «горки русские»? А игра со смертью с помощью одного патрона в барабане револьвера, которая, говорят, была в ходу у американцев во Вьетнаме, именуется «русской рулеткой». Так что русский с ножом в зубах в «Распутине» — это неизбежно. Это — законы рынка.

Здесь хор имени Пятницкого не поймут. Эдуард Хиль попел пару вечеров в «Распутине», но аплодисментов не сорвал — в контракте ему отказали. Тут нужны Рубашкин, Ребров — то русское с иностранным акцентом, что сейчас российская эстрада импортирует, привыкая незаметно к тому, что говорить и петь по-русски так, как они — «а-ля рюс», вроде бы и нормально. На Западе же, и Франция тут не исключение, лубочно-матрешечная Россия с элементами советской символики культивируется, как

бездуховный, но легко воспринимаемый китч с элементами ретро. Настоящая Россия, ни дореволюционная, ни советская, ни постсоветская, не имеют с этим ничего общего. И мало кому во Франции приходит в голову начать изучать ее то, что называется, от корня.

Русские «хуацяо» и русские по крови

Анна Русская, став женой Генриха I и впоследствии французской королевой, навряд ли задумывалась о том, что от нее пойдет порода «французов, русских по крови». Мы в России часто говорим: поскреби русского, найдешь татарина. Во Франции вполне имел бы право на жизнь аналогичный афоризм: поскреби француза, найдешь русского. На берегах нынешней французской Атлантики наши предки-славяне появились еще со времен варягов. У них были целые поселения в долине Луары, в нынешней Нормандии и в парижском регионе Иль-де-Франс, хотя официальная французская археология относит все связанные с этим находки к этрускам и варягам.

Постоянная торговля с Европой не могла не оставить по себе след в генофонде французской нации. Француженки влюблялись в русских дворян, купцов и царских воинов, а в России многие сходили с ума от француженок. Представители французских фирм и «великих марок» годами жили в России. «Дом Камю» и «Вдова Клико», а затем и другие виноделы были поставщиками двора Его императорского величества. Сотни французских специалистов — те же французские крестьяне Бенуа — получили русское дворянство, а русские офицеры не раз становились кавалерами Ордена Почетного Легиона.

В ходе войны 1812–1815 гг. против Наполеона русские войска прошли всю Европу от Москвы до Парижа. Уже в январе 1814 г. первые русские части вошли во Францию. По ходу наступления наши казаки едва не взяли в плен Наполеона, который был вынужден лично отбиваться от неожиданно окружившего его штаб казачьего разъезда. 19 марта русские взяли Париж.

Им вновь его пришлось брать в 1815 году после разгрома Наполеона под Ватерлоо. Русская армия стояла во Франции до 1818 года. И если в военном отношении наши солдаты и офицеры были достаточно пассивны в то время, то в мирных баталиях они действовали весьма напористо и укрепили позиции русского гена на сотни лет вперед. Французы нам отчасти заплатили той же монетой еще в 1812 году и во время Крымской войны, но уже через полгода после ее окончания русская эскадра получила постоянную прописку в бухте Вильфранш под Ниццей, и наши матросы и гардемарины там не простаивали. С этого же времени берет начало Русская Ницца, о которой у нас рассказ впереди.

... В европейских архивах иногда находятся такие трогательные документы, рассказывающие о любви русского солдата и француженки, что

просто слеза прошибает. Один из них восходит ко времени Венского конгресса 1814 года. В ходе этого собрания европейских монархов король Пруссии Фридрих Вильгельм III упросил императора Александра I поселить у него в Потсдаме группу русских военных песенников. Император исполнил это желание, прислав 23 марта 1813 г. королю 4 фельдфебелей, 4 унтер-офицеров и 13 рядовых. Прикомандированные к лейб-роте, они следовали за полком во Францию, были в 1813 и 1814 гг. в Париже, совершили в 1815 году вторичный марш туда и получили прусские военные медали, установленные в память этих событий. По окончании кампании против Наполеона солдаты-песенники так и остались на чужбине навсегда, обзавелись семьями. Об одном таком браке рассказывает архив, обнаруженный в Потсдаме. Запись привожу буквально: «Стефан Никитин Волгин, правосл., род. в Тобольске 8 ноября 1778; с 8 марта 1799 по 18 окт. 1812 нес русскую военную службу, участвовал в компаниях 1807, 09, 12 гг. и имел орден Св. Анны 5 кл., медаль 1812 г. и звание унтер-офицера. С 18 окт. 1812 в течение 13 л. 2 м. состоял в прусской военной службе, при отбывании которой был в компаниях 1813, 14 и 15 гг. и удостоен медали 1813 за занятие Парижа и служебного отличия 1 кл.; росту был 5 Zoll; трактament получал в размере 5 марок). 11 мая 1815 Волгин женился на француженке Жанетте Лакони (особе чрезвычайно подвижной [flink], католич. вероисп., говорившей только на своем родном языке. Сказывали, что от жары Жанетта защищалась особого рода шляпою. По профессии Волгин был портной и вместе с женой занимался изготовлением перчаток. + 14 ноября 1833 от чахотки.) Очень доброго нрава и покорный».

.... В ходе Первой мировой войны русские войска участвовали вместе с французами в самых кровопролитных битвах под Седаном и Верденом. Большая часть русского экспедиционного корпуса уже после Февральской революции 1917-го попыталась из французских окопов уйти в Россию. Но ушли не все. Многие остались жить во Франции, и их дети уже были французами.

После революции только через Париж прошло примерно 140 тысяч русских эмигрантов. В 1926 году население «русского Парижа» — главного центра послеоктябрьской эмиграции — составляло 71 928 человек. Со временем часть эмигрантов вернулась на родину, другие подались в Америку, иные страны. В Париже в начале 30-х годов оставалось 63 394 русских эмигранта. В основном это была интеллигенция. Всего же, по данным Нансеновской комиссии, к началу 30-х годов во Франции осело около 400 тысяч русских из 860 тысяч послеоктябрьских эмигрантов, то есть почти половина.

В эмиграции наши «хуацяо» (буквально — зарубежные китайцы; этим термином китайские коммунисты обозначили соотечественников, поселившихся за рубежом, но считавшихся патриотами Китая) оставались русскими. Но их дети уже говорили лучше по-французски, чем по-русски, и исключения здесь, такие, как действительный член Французской академии Элен Каррер д'Анкос, довольно редки. А уж их внуки и вовсе не владели языком своих предков, хотя редко кто из них предпочитал забыть, что в них течет русская кровь. В большинстве своем они этим гордились, в чем я не раз убеждался на личном опыте.

Прибытие русских эмигрантов в Париж, 1917 год

О степени интеграции русских во Франции говорит такая цифра: только 10 тысяч французов в ходе переписи начала 90-х годов XX века заявили, что они — русские.

Вскоре после развала Советского Союза во Францию приехал Ролан Быков. Он готовил фильм к 50-летию Победы и попросил меня помочь ему поискать во Франции следы русских солдат, которые ушли в маки или сражались в рядах союзников на французской земле с 1944 по 1945 годы. Следов мы нашли немало. Одна из моих историй Ролана просто потрясла. Я повез его съемочную группу в г. Ним, где до сих пор в отличном состоянии сохраняются римский амфитеатр и древнеримский двухъярусный виадук. Так вот этот виадук немцы перед своим отступлением решили взорвать. Но

не сумели. Спасли его для будущих поколений советские военнопленные, бежавшие из немецких лагерей к французским партизанам.

Под Нимом живет мой давний знакомый с русским именем — Иван Гарсия, о котором я не раз писал в газете. Его отец — Григорий Еськов бежал из фашистского плена летом 1944 года и его укрывала какое-то время семья Гарсия. Мария Гарсия, мать Ивана, только перед своей смертью рассказала сыну о том, кто его настоящий отец. После войны в 1945 г. его репатриировали, и сколько Мария не писала писем в СССР по тому адресу, который ей оставил Григорий, ответа не было. Только после того, как я написал об этой истории в «Правде», Еськов откликнулся и прислал свой адрес из Ставрополя. Иван поехал туда, и они, наконец, встретились. Отцу его был уже 71 год, а Ивану — 45. Когда я рассказал Ролану об этой истории, он загорелся и решил ехать в Ним снимать сюжет о французском сыне русского солдата. Мы созвонились, и Иван согласился принять нас на пару дней. Там он и рассказал нам перед камерой Ролана все подробности своей поездки в Ставрополь. Приняли его, как родного, и он, к радости своей, узнал, что у него есть в России братья и сестры, многочисленные племянники и даже один внук. Таких судеб, которые живыми нитями связывают наши две страны, немало. В XX веке эти нити в Стране Советов безжалостно рвали и нередко по живому. К счастью, это безумие мы сумели преодолеть.

Наша «диаспора»

Русская диаспора за границей, в том числе и во Франции, исторически была сильно политизирована и с французами не смешивалась. О лучших представителях русской диаспоры во Франции — самых известных диссидентах советской поры Владимире Максимове, Марии Розановой, Андрее Синявском и Петре Абовине-Егидесе, я рассказал в своей книге «Убийство советского человека» (М. 2005 г. Издательство «Алгоритм») и поэтому здесь повторяться не буду. Отмечу лишь, что у нас в России часто всех французов русского происхождения зачисляют в «русскую диаспору». В наши «хуацяо». Это неверно и поэтому я решил предварить свой рассказ о русских во Франции кратенькой справкой о том, откуда эта наша диаспора «есть пошла», что позволит читателю легче сориентироваться в бурных волнах русской эмиграции и в ее истории.

Положили начало русской диаспоре несколько столетий назад первые политические противники царизма вроде Курбского еще в период русского средневековья. В Петровскую эпоху появилась и религиозная эмиграция. В целом же в XVI–XVIII вв. русские переселенцы в дальних землях в Западной Европе, Америке, Китае, Африке, Индии были редкостью. С наступлением XIX века русская диаспора во Франции и других европейских странах — это уже явление. В XX веке — неотъемлемая часть политической и этнической реальности мира, расколотого надвое с Октября 1917-го коммунистическими революциями.

Исследователи этого вопроса (см. «Проект Русский Архипелаг» www.archipelag.ru) насчитывают шесть волн русской эмиграции. Первую «волну» политэмигрантов из России вызвали репрессии против участников заговора и восстания декабристов в 1825 г. Главным центром российской эмиграции того времени был Париж. После революции 1848 г. центр этот переместился в Лондон, где, как известно, была основана первая Вольная русская типография (А. И. Герцен и Н. П. Огарев). В основном это была «дворянская эмиграция». Она легко интегрировалась в Европе и имела сравнительно высокий уровень жизни. Многие политэмигранты первой «волны» выехали в свое время вполне легально. Как правило, они не рассчитывали на возвращение и старались заранее обеспечить свою жизнь за рубежом.

Вторая «волна» политэмиграции возникла после польского восстания 1863–1864 гг. Эта так называемая «молодая эмиграция» состояла из тех, кто бежал из России, уже разыскиваемый полицией, кто спасался от тюрьмы,

самовольно оставил место ссылки и т. п. Эта волна социальный состав русской диаспоры сильно перемешала: к дворянам прибавились мещане, разночинцы, интеллигенция. Именно тогда, в третьей четверти XIX в., в этой среде появились и профессиональные революционеры, не раз уезжавшие за рубеж и вновь возвращавшиеся в Россию. В Швейцарии возник новый крупный регион расселения политических беженцев, пользовавшийся репутацией «второй России», с центром в Базеле. Этому способствовало и перемещение герценовской Вольной русской типографии из Лондона в Женеву. Русские политические беженцы того времени жили уже не за счет личных капиталов, а за счет литературного труда, уроков в семьях и т. д.

Третья «волна» российской политической эмиграции, возникшая после внутривнутриполитического кризиса в России начала 80-х гг., охватила почти четверть века. Левое крыло российской политической эмиграции («большевизм») заняло в ней ведущее место в первые же годы XX в. Издательства, типографии, библиотеки, склады, касса партии — все это находилось за границей. Политэмигранты иной идейной ориентации из этой «волны», следуя традиции декабристов, занимались подготовкой своей революции в России по типу Великой Французской. Многие из них вступили в масонские ложи. По данным царской «охранки», весной 1905 г., с началом первой русской революции, «вольными каменщиками» стали десятки представителей российской интеллигенции, как временно проживавшие за рубежом, так и эмигранты «со стажем».

Четвертая «волна» эмиграции последовала после разгрома революции 1905–1907 гг.: в эмиграции появились рабочие, крестьяне, солдаты. 700 матросов бежали в Румынию только с броненосца «Потемкин». До начала 80-х гг. XIX в. число покинувших Россию по экономическим мотивам не превышало 10 тыс. человек, но с 1905 г. начало быстро расти. Этот рост продолжался вплоть до торгового договора России и Германии 1894 г., облегчившего переход границы с краткосрочными разрешениями, заменявшими населению паспорта и позволявшими ненадолго выезжать и быстро возвращаться.

Более половины выезжавших из России по экономическим мотивам в конце XIX в. оседало в США, но многие осели на шахтах на севере Франции и в Эльзасе. За период с 1820 по 1900 г. эмигрировали более миллиона подданных Российской империи. В российской историографии начала XX в. господствовало мнение, что тогда эмигрировали лишь «политические» и «инородцы», а «коренное население за границу не уходило». Действительно, отъезд нескольких тысяч собственно русских (что составляло 2 % уехавших) вряд ли сопоставим с исходом евреев (38 %

убывших), поляков (29 %), финнов (13 %), прибалтов (10 %) и немцев (7 %). Выезжали российские эмигранты через финские, русские, германские порты, где и велся учет отъезжающих. Но за границей они все, как правило, числились русскими как подданные Российской империи. На основании данных германской статистики известно, что за 1890–1900 гг. выехало всего 1 200 православных. Преобладали мужчины трудоспособного возраста. Согласно сведениям В.Д. Бонч-Бруевича, с 1826 по 1905 г. Российскую империю покинуло 26,5 тыс. православных и сектантов, из которых 18 тыс. выехало в последнее десятилетие XIX в. и пять предреволюционных лет (подавляющая часть выехавших была великороссами).

Экономические соображения по своему формировали «волны» покидавших Россию известных деятелей культуры начала XX в. Их первый «поток» сформировался из «маятниковой миграции»: вначале музыканты Н. Н. Черепнин и И. Ф. Стравинский, художники А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст, Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов, балетмейстеры М. М. Фокин, В. Ф. Нижинский, балерины А. П. Павлова, Т. П. Карсавина и многие другие лишь подолгу жили за рубежом, но возвращались с гастролей на родину. После Первой мировой войны, которая многих из них застала вне России, и особенно после октября 1917 г., возвращались уже единицы.

Февральская революция 1917 г. означала конец четвертого этапа политической эмиграции. В марте 1917 г. в Россию вернулись даже такие старожилы эмиграции, как Г. В. Плеханов и П. А. Кропоткин. В то же время Февральская революция положила начало и новому этапу российской политической эмиграции (1917–1985), которая после октября 1917 г. приобрела характер антибольшевистской, антикоммунистической, антисоветской. Уже к концу 1917 г. за рубежом оказались выехавшие в течение лета — осени некоторые члены царской фамилии, представители аристократии и высшего чиновничества, выполнявшие дипломатические функции за границей. Однако их отъезд не был массовым. Напротив, количество возвращавшихся после долгих лет пребывания на чужбине было больше числа выезжавших.

Иная картина начала складываться уже в ноябре 1917 г. Подавляющее большинство выехавших в пятую «волну» российской политической эмиграции (около 2 млн. человек) составили люди, не принявшие Советской власти и всех событий, связанных с ее установлением. Это были не только, как писалось раньше, «представители эксплуататорских классов», верхушка армии, купцы, крупные чиновники. Точную характеристику социального состава эмиграции того времени дала уехавшая из большевистской страны поэтесса Зинаида Гиппиус: «... одна и та же Россия по составу своему, как на Родине, так и за рубежом: родовая знать, люди торговые, мелкая и

крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности — политической, культурной, научной, технической и т. д., армия (от высших до низших чинов), народ трудовой (от станка и от земли), представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений русской эмиграции налицо...»

Людей гнал за границу ужас насилия и Гражданской войны. Поначалу шла эмиграция, как бы в наше время сказали, в ближнее зарубежье. Это прежде всходившие в Российскую империю Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Польша. Оседание в соседних с Россией государствах объяснялось надеждами на скорое возвращение на родину. Однако позже эти не оправдавшиеся надежды и неприязнь со стороны новых местных властей к русским заставили выехавших податься дальше, в центр Европы — в Германию, Бельгию, Францию. Третье направление — Турция, а из нее — в Европу, на Балканы, в Чехословакию и Францию. Известно, что через Константинополь только за годы Гражданской войны прошло не менее 300 тыс. русских эмигрантов. Судьба их была поистине ужасной. Десятки тысяч солдат и офицеров Белой армии, брошенные на произвол судьбы, погибли в холодных бараках на турецких островах от голода, холода и эпидемий. Четвертый путь эмиграции российских политических беженцев связан с Китаем, где в основном они селились в Манчжурии. Кроме того, отдельные группы россиян и их семьи оказались в США и Канаде, в странах Центральной и Южной Америки, в Австралии, Индии, Новой Зеландии, Африке и даже на Гавайских островах. Уже в 1920-е гг. можно было заметить, что на Балканах сосредоточивались, главным образом, военные, в Чехословакии — те, кто был связан с Комучем (Комитет Учредительного собрания), во Франции — кроме представителей аристократических семей — интеллигенция, в Соединенных Штатах — дельцы, предприимчивые люди, желавшие нажить капиталы в крупном бизнесе. «Перевалочным пунктом» туда для одних был Берлин (там ждали «окончательной визы»), для других — Константинополь.

Центром политической жизни русской эмиграции в 20-х гг. был Париж, здесь были расположены ее учреждения, и проживало несколько десятков тысяч эмигрантов. Другими значительными центрами русской диаспоры стали Берлин, Прага, Белград, София, Рига, Гельсингфорс. Возобновление и постепенное угасание деятельности за рубежом различных российских политических партий хорошо описаны в литературе. Меньше изучен быт и этнографические характеристики рассматриваемой волны российской политической эмиграции.

Наметившееся после окончания Гражданской войны «возвращенчество» в Россию не приняло всеобщего характера даже после

объявленной в 1921 г. политической амнистии, однако в течение нескольких лет оно все же было массовым. Так, в 1921 г. в Россию возвратились 121 343 уехавших, а всего с 1921 по 1931 г. — 181 432 человека. Этому немало помогли «Союзы возвращения на Родину» (самый крупный — в Софии). С вернувшимися репатриантами советские власти не церемонились: бывших офицеров и военных чиновников чекисты расстреливали сразу же после прибытия, часть унтер-офицеров и солдат отправляли в северные лагеря ГУЛАГа. Те кому удалось в этом ужасе выжить, по разным каналам обращались к возможным будущим «возвращенцам» с призывами не верить «гарантиям большевиков», писали и комиссару по делам беженцев при Лиге Наций Ф. Нансену. Так или иначе, но нансеновская организация и проект паспорта, предложенный им и одобренный 31 государством, способствовали размещению и обретению места в жизни 25 тыс. россиян, оказавшихся в США, Австрии, Бельгии, Болгарии, Югославии и других странах.

Пятая волна российской политической эмиграции по понятным причинам совпала и с новой волной религиозной эмиграции из России. В отличие от первого потока уезжавших по религиозным причинам, в послеоктябрьские десятилетия покидали страну не сектанты, а представители православного духовенства. Это были не только высшие его чины, но и рядовые священники, дьяконы, синодальные и епархиальные чиновники всех рангов, преподаватели и учащиеся духовных семинарий и академий. Общее число лиц духовного звания среди эмигрантов было невелико (0,5 %), но даже малочисленность уехавших не предотвратила раскола. Созданные в ноябре 1921 г. в Сремских Карловцах (Югославия) Синод и церковный совет при Высшем русском церковном управлении за границей не были признаны главой Московской патриархии Тихоном, передавшим управление западноевропейскими приходами своему ставленнику. Взаимные обвинения в ереси не притупились и спустя десятилетия. Зарубежная русская православная церковь стала реальностью.

Завершение разгрома фашизма в 1945 г. означало новую эпоху и в истории российской эмиграции. На родину возвращались те, кто испытал гонения и преследования в годы «коричневой чумы». Но вернулись далеко не все, и даже не большая часть эмигрантов нынешнего столетия. Кто-то был уже стар и боялся начинать новую жизнь, кто-то опасался «не вписаться» в советский строй жизни... «Во многих семьях произошел раздел, — вспоминала В. Н. Бунина, жена писателя. — Одни хотели ехать, другие оставаться...» Те, что не вернулись «к большевикам» и остались, составили так называемую «старую эмиграцию». Вместе с тем возникла и эмиграция «новая» — это были покинувшие родину россияне шестой «волны» политэмиграции (и второй после октября 1917 г.). «Новую

эмиграцию» составляли преимущественно «ди-пи» — displaced persons («перемещенные лица»). Их после окончания Второй мировой войны было около 1,5 млн. Были среди них и советские граждане, в том числе русские — военнопленные, насильно вывезенные в Европу, а также военные преступники и коллаборационисты, стремившиеся избежать заслуженного возмездия. Все они сравнительно легко получали льготные права на иммиграционные визы в США: в посольстве этой страны не было проверки на бывшую лояльность по отношению к фашистским режимам. Всего же в разных странах мира только при содействии Международной организации по делам беженцев было расселено около 150 тыс. русских и украинцев, причем более половины — в США и примерно 15–17 % — в Австралии и Канаде. При этом «беженцами» стали называть и жертв нацистского или фашистского режимов, и коллаборационистов, и тех, кто в условиях сталинского тоталитаризма «преследовался вследствие политических убеждений». Последним президент США Трумен просил оказывать «особую помощь и поддержку» на том основании, что «среди них имеются способные и смелые борцы против коммунизма».

Новая и последняя до «перестройки» политическая эмиграция из России возникла в конце 60-х гг. вместе с движением инакомыслящих, диссидентов. Считается, что в ее основе лежали (в порядке значимости) национальный, религиозный и социально-политический факторы. Первый из перечисленных для русской нации значения не имел, второй и третий же, действительно, повлияли на рост числа желающих уехать.

Русский продуктовый магазин в Париже, 1930 год

В западной печати фигурируют разноречивые данные о количестве покинувших СССР в годы «застоя». Наиболее часто встречается цифра 170–180 тыс. человек за 1971–1979 гг. и другая — 300 тыс. человек за 1970–1985 гг. Однако следует учитывать, что абсолютное большинство эмигрантов того времени выезжали по израильским визам (только в 1968–1976 гг. было выдано 132 500 виз для выезда в Израиль). Разумеется, среди этих уехавших были и не евреи — русские, украинцы, люди других национальностей, главным образом, диссиденты, «вытолкнутые» из страны по израильским визам (например, Э. Лимонов), а также русские — члены еврейских семей. Однако определить количество уехавших русских в общей численности эмигрантов 69–70-х гг. пока возможности нет.

У русских могил

... Авторут А-6 в нескольких километрах от Парижа распадается надвое. Новая автострада А-11 ведет на Лонжюмо, где до революции В. И. Ленин и Н. К. Крупская организовали партийную школу для большевиков, а оттуда — на Шартр и Нант, к Атлантике. Старая — на Лион, к Средиземному морю. Если ехать по шестой на юг, примерно через полчаса увидишь указатель поворота на городок Сен-Женевьев-де-Буа. Он ничем

особо не примечателен, кроме «русского православного кладбища». Первые могилы появились там в 1927 году на участке, который был выкуплен покровительницей Русского старческого дома у местного погоста. Поэт Роберт Рождественский написал об этом святом для нас месте так:

Здесь похоронены сны и молитвы.
Слезы и доблесть,
«Прощай!» и «ура!»
Штабс-капитаны и гардемарины.
Хваты-полковники и юнкера.
Белая гвардия.
Белая стая,
Белое воинство, Белая кость.
Влажные плиты травой зарастают.
Русские буквы.
Французский погост...

Да, в основном тут белая кость. И не какая-нибудь захудалая, а отборная. Уцелевшие Романовы — князья Гавриил, Андрей, Владимир. Князья Юсуповы, в том числе и сам Феликс Юсупов, организатор убийства Распутина, князья Гагарины, Голицыны, Оболенские, графы Зубовы, Вырубовы, Татищевы. Рядом с ними — потомки Радищева и Пушкина, Сумарокова и Одоевского.

Могилы белой гвардии выстроились в последнем каре вокруг святыни белого движения — копии Галиполийского мемориала, разрушенного в 20-х годах землетрясением. По его цоколю надписи: «Корнилову и всем корниловцам», Деникину, Колчаку, Врангелю, Алексееву, Маркову... Как в учебнике истории, имена за рядом ряд, даты, знакомые по летописи гражданской...

Галиполийцы, донские артиллеристы, Русский кадетский корпус, казачьи полки. На памятнике дроздовцам выписка из последнего приказа начальника дроздовской дивизии, генерала А. В. Туркула: «Севастополь, 2 ноября 1920 года. Покидая родную землю, храните память о 15 тысячах убитых и 35 тысячах раненых дроздовцев, проливших кровь свою за честь и свободу Отчизны. Этими жертвами мы неразрывно связаны с Родиной...»

Надолго порвалась эта связь у «русской диаспоры». Первые годы они еще ждали, верили, что возвращение в родные края не за горами. Но время

шло, и они, наблюдая из парижского далека за событиями в Советской России, все отчетливее осознавали, что лишь на одной небольшой полоске земли их всегда готовы принять такими, какими они были, — на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. Я впервые увидел его в 1988 году, еще в то время, когда поездки в такие места в Советском Союзе, мягко говоря, не приветствовались.

Я попал в другой мир. Вроде бы и русский, но, как показалось мне тогда, нереальный. Когда на могиле белогвардейского полковника я увидел исхудавшего до прозрачности человека в махровой панамке, который, ни к кому не обращаясь, сказал: «Я здесь, господа, в гостях у своего начальника, полковника Анатолия Ивановича Кульнева...», я вдруг почти физически ощутил, что переступил какую-то невидимую границу, отделяющую реальный мир от потустороннего, что путешествую в давно прошедшем, в умершем, а раз так, то и мне необходим свой Вергилий, знаток загробных маршрутов...

Случай явил мне его совершенно неожиданно в лице председателя комитета русского кладбища Григория Юрьевича Христофорова. Он сразу же сообщил мне, что воевал в армии Врангеля. Тогда ему было, видимо, не меньше 18 лет. Значит, он — минимум ровесник века.

Ровесник века смотрел на меня пристальным и изучающим взглядом, поглаживая время от времени чисто бритую голову, словно проверял, не осталось ли где незамеченного «островка». Память у него ясная, мысль четкая, выправка сохранилась еще с тех офицерских времен... Воевал он не только во врангелевской, но и во французской армии против немцев. Потом был плен, затем отпустили к вишистам. А они не воевали. Кем только не работал... И во Франции, и в Алжире. Чаще всего таксистом. Трудно ли было? Трудно. Французы все же русских эмигрантов не признавали за равных. Столбовые дворяне, родовитые князья шли в привратники, в официанты, крупные, а то и просто в рабочие. Сколько их было?

Эмигрантские «Последние новости», издававшиеся тогда в Париже, писали в апреле 1920-го: «Из России ушла не маленькая кучка людей, группировавшихся вокруг опрокинутого жизнью мертвого принципа, ушел весь цвет страны, все те, в руках кого было сосредоточено руководство ее жизнью, какие бы стороны этой жизни мы ни брали. Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России...» Над этими строчками впоследствии, бывало, посмеивались — эка, хватило! Россия-то осталась на тех же параллелях и меридианах, где извечно стояла! Да, осталась. Но, увы, без значительной части той элиты, той интеллигенции, которая составляла ее законную славу. Далеко не все приняли революцию сразу, безоговорочно, как Маяковский, Блок, Брюсов, Тимирязев. Не всех удержала на якорю

любовь к родине, как Анну Ахматову. Не все решили вернуться, как Алексей Толстой и Александр Куприн, Марина Цветаева и Андрей Белый. Не найдя себе места в Советской России, предпочли эмиграцию Иван Бунин, Сергей Рахманинов, Федор Шаляпин, поэты Константин Бальмонт, Игорь Северянин, Ирина Кнорринг, художник Коровин... Во Франции осталась целая плеяда писателей, к сожалению, на десятилетия вычеркнутых из русской литературы. К российскому читателю только в конце 80-х годов стали возвращаться не прочтенные нами классики русской литературы — Евгений Замятин, Георгий Адамович, Алексей Ремизов, Георгий Иванов, Владимир Набоков, Иван Шмелев...

За ними пришли еще и десятки других — поэты Владимир Злобин и Иван Савин, Владимир Смоленский, Георгий Раевский, Анна Присманова, Юрий Трубецкой, Дмитрий Кленовский, Анатолий Величковский, Владислав Ходасевич, прозаики Владимир Варшавский, Яков Горбов, Сергей Шаршун, который к тому же был и известным художником...

С моим Вергилием-врангелевцем иду вдоль могильных плит русского кладбища в Сен-Женевьев-де-Буа. У могилы балерины Ольги Преображенской мы останавливаемся, и Христофоров говорит: «Когда ваш балет (я отмечаю про себя это в кавычках «ваш») на гастролях здесь, кто-нибудь обязательно приходит к ней с цветами. Помнят...» А вот там, на другой аллее, поближе к центральной, в 1986 году похоронили Сергея Лифаря... Знаете его, конечно, наш балетмейстер из Киева...» («Наш»...) «Французы... Особенно молодежь... Для них эти могилы что? Чужое, непонятное. Балуют, — ворчит Христофоров. — С казачьих могил потаскали георгиевские кресты на сувениры. Да и только ли это... А тут, посмотрите, какие люди лежат!»

Запыленные надгробия над могилами художников К. А. Коровина, К. А. Сомова, артистов МХАТа Петра Павлова и В. М. Греч. Могилы балетмейстера А. Е. Волынина, танцевавшего когда-то со знаменитой Анной Павловой, балерины В. А. Трефиловой, балерины Кшесинской.

Кшесинскую любили трое Романовых. Первым ее любовником был будущий император Николай II, с которым она рассталась в 1894 г., записав в своем дневнике: «Я потеряла своего Ники...» После Николая у нее был бурный роман с двоюродным братом Николая, князем Сергеем Романовым, а затем с князем Андреем Романовым, который был младше ее на 7 лет. От него в 1920 г. уже во Франции она родила сына Андрея. В 1921 г. они обвенчались, и она стала не Романовой, т. к. брак был морганатический, а княжной Романовской-Кшесинской. Под этим именем она и похоронена в одной могиле с князьями Андреем и Владимиром Романовыми.

«Люди, понимаете, умирают, — говорит Христофоров, поправляя опрокинутый ветром цветочный горшок на могиле княжны Гагариной, — а следить за могилами некому. — А ведь это — наша история, ее хранить надо...»

Скромное надгробие-крест над могилой И. А. Бунина. Он — первый русский писатель, получивший Нобелевскую премию в области литературы в 1933 году. Еще скромнее могилы писателей А. Ремизова и И. Шмелева. Лежат под одним надгробием поэты «белой гвардии» и «черной ненависти» к большевикам — Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) и его жена — Зинаида Николаевна Гиппиус-Мережковская (1869–1945).

Да, их можно было упрекнуть во многом, особенно Мережковского за его увлечение Пилсудским и ранним Муссолини. Но можно ли было на этом основании вычеркнуть их из нашей литературы, отринуть их Слово? В феврале 1927 года в обществе «Зеленая лампа» (в XIX веке существовало такое же общество в России, и его собрания посещал А. С. Пушкин), объединявшем цвет русской интеллигенции в Париже, с докладом «Русская литература в изгнании» выступила З. А. Гиппиус. Она сказала (этот отрывок я привожу по книге Юрия Терапиано «Литературная жизнь русского Парижа за полвека») буквально следующее:

«Скажут, пожалуй: изгнание, эмиграция — это такие неблагоприятные условия, что нечего и ждать, кроме анабиоза. Но ведь и в России условия для процесса жизни не очень-то благоприятны. Мы их знаем. Рабство, нищета, насильническое вытравливание моральных ценностей, отрыв от общеевропейской культуры, беззаконие и несправедливость, — если эти условия положить на одну чашу весов, а на другую наши условия: чужая земля, сознание безродности, распыленность, трудность заработка и т. д., — не думаю, чтобы вторая перевесила. Даже, думаю, первая окажется тяжелей. Но чтоб не вызывать лишних споров, поставим между неблагоприятными условиями там и здесь знак равенства. Что ж, разве мы считаем, что Россия в анабиозе? Разве мы не приглядываемся жадно, какие там, в глубинах, происходят изменения, что дал людям в России их кандалный опыт?

Опыты наши различны. Но ихний впоследствии пригодится нам, а им — наш. Ничья паника, что вот, мол, мы с ними разделены, на меня не действует: между нами — нерушимая связь. Одно разделение, впрочем, я вижу и предлагаю его принять: это разделение труда. По тому же предмету нам задан судьбой один урок, им — другой. Вот и все...» Гиппиус трудно отказать в логике. Учтите, доклад был сделан в 1927 году. А уж в 1937-м! Отмечу, что присутствовавший на том вечере «Зеленой лампы» И. А. Бунин тоже выступил против мифа о невозможности писать в эмиграции. «Говорят: там (в России. — В. Б.) счастливые, а мы здесь... — смеялся он

над авторами этого мифа. — Переселение, отрыв от России — для художественного творчества смерть, катастрофа, землетрясение... Выход из своего пруда в реку, в море — это совсем не так плохо и никогда плохо не было для художественного творчества... Но, говорят, раз из Белевского уезда уехал, не пишет — пропал человек...» Пропадали не от того, что не писалось, а от тоски, от бедности и одиночества.

Только Константин Бальмонт выпустил за границей с 1920 по 1931 год такие сборники стихов: «Светлый час», «Из мира поэзии», «Дар земле», «Марево», «Зовы древности», «Сонеты солнца, меда и луны», «Мое — ей», «В раздвинутой дали», «Северное сияние». Всего этого мы в СССР не знали. Бальмонт мучился оттого, что связь с Родиной потеряна. Как поэту, ему не хватало Антеевой связи с родной землей, с языком предков. В 1931 году слабеющей рукой он написал: «Есть в году праздник всех святых. Хочу и верю: будет в истории праздник всех славян...» Муза его слабела, он в последние годы своей жизни почти ничего не написал. Умер Бальмонт в русском общежитии в Нуази-ле-Гран, устроенном легендарной матерью Марией, 26 декабря 1942 года. Всего несколько человек пришли с ним проститься...

Пример Бальмонта порой приводили как хрестоматийный, говоря об «обреченности» русского писателя в эмиграции на творческое бесплодие и безвестность. Но о бесплодии тут говорить явно не приходится. И только Бога можно благодарить за то, что ему удалось спастись от палачей ЧК и его не постигла судьба расстрелянного чекистами поэта Гумилева или Осипа Мандельштама, погибшего в ГУЛАГЕ. Страшно подумать, сколько талантов, какой цвет русской культуры сгубили сталинские палачи!

Русская эмиграция, обреченная на отрыв от Родины, скитания и материальные лишения, создала богатейшую литературу. С 1918 по 1932 год за границей существовало 1 005 русских периодических изданий. В период с 1919 по 1952 год увидели свет 2 230 эмигрантских журналов и газет. В американских источниках есть такие цифры: за период с 1918 по 1968 год в эмиграции было создано 1 080 романов, больше тысячи сборников стихов. С кем были эти мастера культуры, по большей части нам неизвестные, все эти годы? Их в эмиграции скопом и автоматически зачисляли в антикоммунисты и антисоветчики. А потом уже в советских «литературных исследованиях» появлялись ссылки на «западные источники», где «точно сказано»: писатель-эмигрант имярек — убежденный «антикоммунист», «противник» и т. д. Это означало, что такому писателю после этого доступ в литературу на родине был закрыт.

...Березы, как и на наших погостах, ласкают плакучими ветками камни кладбища Сен-Женевьев-де-Буа. Писатель Иван Сергеевич Шмелев (1873—

1950). Один из самых значительных русских прозаиков XX века. Судьба его — и личная, и литературная — трагична. Его сын, белогвардейский офицер, добровольно перешел на сторону революции, но был расстрелян красными в Крыму. В Париж Иван Шмелев уехал по ходатайству Луначарского. Оставаться там не собирался. Говорят, не возвращаться уговорил его И. А. Бунин. Но затем тот же Бунин вместе с Николаем Рождиным обвинил его в «сотрудничестве с немцами». На том основании, что главы из романа Шмелева «Лето господне» печатались в антикоммунистической газете «Парижский вестник», выходившей в оккупированном Париже. Непричастность Шмелева к «коллорабационизму» была доказана только много лет спустя. Лишь в 1964 году наш «Новый мир» напечатал несколько отрывков из его «Лета господне».

В августе 1990 г. моя давняя знакомая Марина Дориомедова пригласила меня к себе в гости в скромную студию, в которой все свободное пространство занимали книги. Судьба у нее сложилась непросто. Она родилась и выросла во Франции, а русскому языку ее учила бабушка — воспитанница Смольного института благородных девиц. Марина окончила физико-химический факультет Парижского университета и защитила французскую «докторскую», а по-нашему кандидатскую диссертацию. Затем неожиданно ушла монахиней в католический монастырь и пробыла там десять лет. Но видно сказала русская кровь, и Марина отказалась и от монашеского обета, и от католицизма и перешла в православие.

Во время нашей встречи она рассказала мне что лет за пять до этого ее двоюродная тетя, балерина Ирина Гржебина, дочь известного дореволюционного издателя, жившая в Париже, сообщила ей, что во время уборки своего чулана нашла коробку, на которой было написано имя Юрия Дориомедова, отца Марины. Родители Марины — Юрий и Галина Дориомедовы — погибли совсем молодыми. Гитлеровцы в упор расстреляли их из пулеметов на первых баррикадах Парижа в январе 1944 года. «Мне рассказывали, — сообщила мне Марина, — что на теле отца насчитали 20 пулевых ранений и 50 на теле матери». Она показывает мне документ, подписанный французским генералом Кенигом 7 января 1944 г. Там написано, что Жорж (Юрий) Дориомедов был одним из главных организаторов Русского Сопротивления во Франции. Он участвовал в формировании многочисленных отрядов советских партизан и погиб во время боев за освобождение Парижа. В той же коробке Марина обнаружила рукопись Алексея Ремизова...

Я не поверил своим глазам. На рукописи «Алексей Ремизов. Докука-заяц. Тибетские сказки» стоял его парижский адрес — рю Буалло 7, 16 аррондисман. Находка была и впрямь уникальной, сказки нигде до того не

публиковались. Мне вскоре удалось без особых трудов уговорить в Москве издательство «Молодая гвардия» издать их отдельной книгой. Слава Богу, на дворе была перестройка, и писатели русской диаспоры уже выходили из прежней опалы.

Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа находится по адресу улица Лео-Лагранж во французском городе Сент-Женевьев-де-Буа парижского региона

Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957 гг) уехал из России в 1921 г. в той первой волне высылки инакомыслящих, которую поднял лично Ленин. Новыми властями писатель-сказочник был объявлен «религиозным мистиком» и, если впоследствии упоминался в советской критике, то только с этим ярлыком и еще с уточнением: «Употреблял архаичную лексику». Пошла за ним эта репутация после того, как в 1907 г. вышла его книга старинных преданий и апокрифов под мудреным названием «Лимонарь, сиречь Луг духовный». И автобиографию свою он назвал «Подстриженными глазами». Русский язык Ремизова, однако, был чист, как родниковая вода. Ему претил советский «новояз». Вот несколько строк из его «Зайца»:

«Созвал Бог всех зверей полевых, луговых и дубравных, и слонов, и крокодилов, поставил перед ними миску, а в миску положил небесную сладкую пищу: разум.

— Разделите, звери, кушанье себе поровну.

Звери и стали подходить к миске — кто рогом принаравливается, кто клыком метит, кто хоботом нащупывает: всякому ухватить лестно небесную сладкую пищу...»

Обращение его к тибетским сказкам не случайно. Ремизов искал корни русской цивилизации в арийской, в ведических мифах и преданиях. «Ремизов, — писал о нем в своей книге о русской литературе в эмиграции Ю. Терапиано, — отличался глубоким знанием древнерусской письменности и народного фольклора. В сказках, легендах и преданиях любого народа он умел находить скрытый смысл, как в области вечной темы о любви, о жизни и смерти, так и в сфере инобытия...». Не исключено, что о тибетских легендах, записанных исследователем Г.Н. Потаниным, с которым Ю. Диомидов дружил, Ремизов как раз и узнал от отца Марины.

Удивительны судьбы рукописей. Они и впрямь не горят. Не горят, наверное, потому, что у Слова несколько жизней. Возьмите вот эти стихи Николая Гумилева.

НАСТУПЛЕНИЕ

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что господне слово
Лучше хлеба питает нас.
И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.
Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.
Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.
И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,

Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Для белой гвардии они были тем же, что для коммунистов в Великую Отечественную стихи А. П. Межирова «Есть в военном уставе такие слова...».

«Наступление» приводилось, в советские времена в качестве прямого подтверждения причастности поэта к контрреволюционному заговору профессора Таганцева, за что Гумилев и был расстрелян петроградской ЧК в августе 1921 года. Независимо от того, участвовал Гумилев в нем или нет, — в 80-е годы вроде бы было доказано, что нет, — его стихи стали работать во время Второй мировой войны уже не против большевиков, а за них, звали на бой с гитлеровцами. То же самое произошло и со многими бывшими противниками Советской власти в тот тяжкий час испытаний для нашей Родины. Дориомедов, отец Марины, был дворянином и никакой симпатии к Советам не испытывал, но свою сторону в войну выбрал без колебаний и умер в борьбе против общего для нас врага России.

По всей черно-белой логике вроде следовало бы ожидать, что белая гвардия стройными рядами встанет под штандарты «третьего рейха» и пойдет «освобождать Россию» от большевиков. Но получилось не так. Лишь небольшая часть русской эмиграции — казачьи атаманы Шкуро и Краснов, ветераны Дикой дивизии воевали с Красной армией в частях гитлеровского вермахта и в армии предателя Власова. Но за это их в русской эмиграции презирали. Патриотизм русских людей оказался выше классовой ненависти. Вчерашние белогвардейцы уходили в маки и армию генерала де Голля, возвращались, если могли, на родину, чтобы — неважно на каких условиях — сражаться в Красной Армии, разгромившей их в гражданскую. Князь Михаил Федорович Романов, сын родной сестры Николая II принцессы Палей, родился в эмиграции, во Франции. Мы познакомились в Париже и дружили домами. Как-то он рассказал мне, что ушел в «маки» под фамилией «Романо», т. к. фамилию Романов доминировавшие в маки коммунисты не принимали на дух. А он, родной племянник Николая II, сражался до конца войны с гитлеровцами вместе с красными!

Для большинства русских патриотов, оказавшихся в эмиграции, и особенно их детей, борьба с фашизмом, помощь Советской России были единственным возможным выбором в те годы. Даже генерал А. И. Деникин отказался от предложений фюрера возглавить новую добровольческую армию из белогвардейских недобитков и новоявленных предателей. Всю

войну держал он «глухую оборону» в своем домике в городе Мимизан под Бордо. Вот что рассказывал мне наш бывший торгпред во Франции К. К. Бахтов, который в 1941 году оказался в командировке в Виши:

«16 июня 1941 года в наше посольство пришел князь Волконский. Он сказал, что, хотя и был противником Советской власти, сейчас готов защищать свою Родину как рядовой солдат Красной армии. Князь рассказал, что военный комендант Парижа предложил ему стать «диктором киевского радио» после оккупации Украины фашистами и сказал, что Германия начнет войну против СССР 22 июня. Волконский от должности сразу не отказался, чтобы не угодить в концлагерь, попросил разрешения подумать, но после беседы в советском посольстве сразу же через Испанию выехал в Англию». Князь Волконский был не единственным русским дворянином в Соппротивлении...

...Христофоров останавливается у могилы с пропеллером, выбитым на надгробии. Еще — пропеллеры, а над ними русские имена. Странно распорядилась история. Где-то в далекой России остались навечно лежать французы — летчики из славной эскадрильи «Нормандия — Неман». А здесь русские летчики, воевавшие во французских частях, но против тех же гитлеровцев.

«Владимир Поляков» — надпись на французском языке звучит как «Полякофф». «Это, знаете, отец актрисы Марины Влади, жены Владимира Высоцкого, — говорит подошедшая к нам активистка комитета русского кладбища. Представилась она только по имени-отчеству — Татьяна Борисовна. — Он был летчиком-добровольцем еще в Первую мировую, попал сюда с Русским экспедиционным корпусом. Тут и остался...» Полная его фамилия — Поляков-Байдаров. Немцы, оккупировав Париж, искали его, так как знали, что он изобрел устройство для быстрого снижения скорости самолета в полете. Ему сулили богатство, большие чины в «третьем рейхе». Он сжег чертежи, чтобы ими не завладели фашисты и сбежал на юг Франции, а оттуда к де Голлю.

Потрясающе переплетаются судьбы выходцев из России. Рядом с могилой Полякова — надгробие генерала французской армии, участника Иностранного легиона Зиновия Пешкова, приемного сына Максима Горького. Он — родной брат цареубийцы, председателя Совнаркома Якова Свердлов. От его могилы до могилы князей Романовых Андрея и Владимира — несколько шагов. И при жизни, и после смерти он оказался куда ближе к ним, чем к своему родному брату и даже своему приемному отцу.

Неподалеку от кладбищенской церкви Успения Пресвятыя Богородицы, построенной архитектором А. А. Бенуа в 1939 году, — небольшая

часовенка, напоминающая семейный склеп. На могильных камнях с пожелтевших фотографий смотрят молодые лица. В первом ряду — княгиня В. А. Оболенская. «Вики», «красная княжна», участница Сопротивления. Ее арестовали фашисты в декабре 1943 года. Пытали страшно. 4 августа 1944 года в возрасте 33 лет ей отрубили голову в берлинской тюрьме Плетцензее. 18 ноября 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР В. А. Оболенская посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени.

Этим же Указом и тоже посмертно был награжден медалью «За боевые заслуги» потомок великого Александра Радищева Кирилл Радищев, руководивший в годы оккупации в Париже антифашистской группой русской молодежи «Мщение».

... Прошло уже много времени после того, как в «Правде» я рассказал об этом русском кладбище. И вдруг незадолго до Дня Победы 1989 года мне позвонил шеф парижского отделения Аэрофлота Р. Г. Глушков и сказал: «Приезжай, привез тебе из Москвы посылку с пометкой «Срочно». Посылка была необычная — искусственные гвоздики да лента, на которой по красному шелку золотыми буквами написано: «Вике Оболенской от соотечественниц». Приложенное письмо все объяснило. Писали мне ветераны войны В. Д. Бабурина и Л. П. Гончарова: «С большим волнением прочли вашу статью «Русские березы под Парижем», в которой говорится о судьбе наших соотечественников, захороненных на русском православном кладбище в городке Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. Особенно нас потрясла трагическая биография участницы Сопротивления В. А. Оболенской («Вики», «красной княжны»). Ее судьба нам очень близка и не безразлична, так как мы сами в годы Великой Отечественной войны сражались в рядах партизан. Преклоняя головы перед подвигом наших соотечественников, мы просим вас от нашего имени возложить цветы на могилу В. А. Оболенской. К сожалению, у нас нет возможности послать живые гвоздики...»

В тот же день я поехал в Сен-Женевьев-де-Буа. Долго раздумывал, как быть: куда возложить присланные из Москвы цветы? Ведь дело в том, что на этом кладбище у В. А. Оболенской две символические могилы. (Где настоящая — под Берлином? — неизвестно.) На одной — надгробие с ее портретом, а рядом захоронены те потомки родовитых русских дворян, которые вместе с ней сражались в рядах Сопротивления. Имя лейтенанта французской армии В. А. Оболенской выбито и на надгробии ее мужа, священника Николая Оболенского, который также сражался в Сопротивлении, но умер сравнительно недавно, в 1979 году. Он, кстати,

захоронен рядом с Зиновием Пешковым. Цветы я положил все же у первой могилы — вроде как всем юным подпольщикам сразу.

На могильных плитах захоронения «русской молодежи, погибшей в рядах Сопротивления», все надписи на французском. По-русски нет ни слова, как и упоминания о советских посмертных наградах. Христофоров объясняет это прозаически: «Дорого, знаете, по-русски. Французы берут за русские буквы в три раза дороже. А у нас средств нет...»

Как же мне было горько, зная о русских дворянах-героях Сопротивления, читать много лет спустя после моего возвращения из Франции статью политического обозревателя «Парламентской газеты» С. Веревкина «Другие» русские» («ПГ», 18.5.2006), в которой автор (он, увы, в России теперь не одинок) попытался обелить задним числом и власовцев, и других выходцев из России, воевавших против нас вместе с гитлеровцами. Перечислив известные преступления сталинского режима против русского народа и других народов СССР, этот власовец от журналистики попытался убедить читателя будто перебежчик Власов и его армия предателей... вели гражданскую войну против Советской власти и теперь в России демократической заслуживают реабилитации и восстановления в правах. Вот здесь у парламентского обозревателя ошибка вышла. Он не понял главного: никогда идеологические и прочие расхождения с властью и отдельными правителями не оправдывают предательства Родины и своего народа. Борьба против правителей, тем более тиранов, вполне допустима. Пособничество тем, кто хочет поработить твою Родину и уничтожить твой народ, а у Гитлера были вполне конкретные планы массового истребления русских и других славян в гигантских концлагерях за Уралом, нельзя ни оправдать, ни простить. Оказавшиеся во время войны в эмиграции русские дворяне и разночинцы в массе своей это понимали и на предательство не пошли. Автор «Парламентской газеты» шестьдесят с лишним лет спустя после победы над Гитлером этого не только не понял, но и предал своей публикацией память таких русских патриотов, как Вика Оболенская и ее друзья. Позор вам, господа власовцы от журналистики! Позор!

... «Блаженны изгнани правды ради» — эта библейская цитата выписана белым по черному граниту. А рядом с ней знакомое, гремевшее у нас в 60-е годы имя — Александр Аркадьевич Галич (19.XI.1919—15.XII.1977). Цитата из Библии выбрана точно. Галича, известного сценариста и поэта, сначала лишили доступа к печати и кино, запретили выступать с концертами, а потом изгнали из нашей страны именно те, о ком он пел в своих «крамольных» по тем временам песнях. На Западе Галич тоже себя не нашел. Был слух, что разочарованные в нем мастера «психологической войны» против СССР подсунули ему в подарок

аппаратуру, включив которую, Галич погиб. Но, пойдя, докажи. При довольно странных обстоятельствах погибла в 1986 году и его вдова Ангелина Николаевна. Оба они захоронены в Сен-Женевьев-де-Буа в чужой могиле некой Магдалины Голубицкой.

Еще одна могила «третьей волны», совпавшей с тем периодом, что обозначается сейчас термином «годы застоя». Виктор Платонович Некрасов (17.VI.1911 — 3.IX. 1987). Автор повести «В окопах Сталинграда», фронтовик. Как у него «не сладилось», по чьей воле он оказался в эмиграции в Париже, когда-нибудь напишут подробнее и у нас. Довольно долго, как и семья Галичей, он покоился в чужой могиле — не известной никому дотоле Ромы Семеновны Клячкиной. Потом почитатели его таланта все же нашли деньги и на землю для него на том же кладбище, и на памятник.

В чужую могилу — земля в Сен-Женевьев-де-Буа стоит дорого — опустили здесь и кинорежиссера Андрея Тарковского — классика, как давно это уже ясно, не только советского, но и мирового кино. Только в 1988 году создателя «Андрея Рублева» и «Ностальгии» перезахоронили, положили в отдельную могилу, вырытую на субсидию французского правительства. Из СССР ни на первые, ни на вторые похороны не поступило ни франка.

Одна из последних песен Галича называлась «Когда я вернусь...». Ни он, ни Тарковский, ни Некрасов не вернулись. Не успели. А я задаю себе вопрос: захотели бы? Ведь вернулись далеко не все из эмигрировавших в советские годы диссидентов даже после развала СССР. Про Галича можно сказать точно: вернулся бы. Его дочь А. Архангельская-Галич прислала мне в «Правду» такое письмо: «Направляю вам текст магнитофонной записи высказываний отца, сделанный за день до его отъезда (23 июня 1974 года). Думаю, ознакомление с ними снимет любые сомнения насчет того, вернулся бы Галич на родину и с кем был бы сейчас. Вот этот текст:

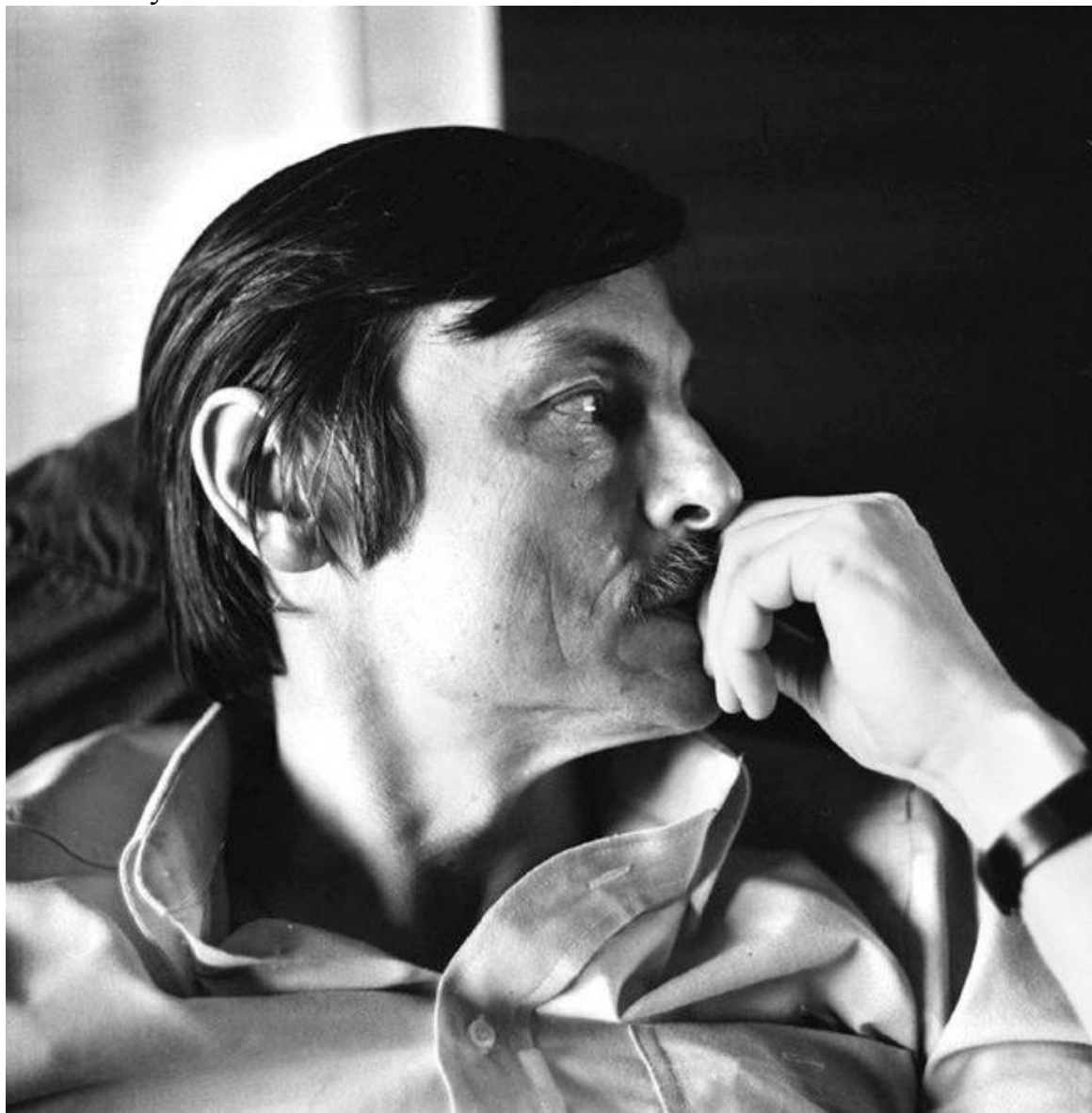
«Мне все-таки уже было под 50. Я уже все видел. Я уже был благополучным сценаристом, благополучным драматургом... И я понял, что я так больше не могу, что я должен наконец-то заговорить в полный голос, заговорить правду. Кончилось это довольно печально, потому что, в общем, в отличие от некоторых моих соотечественников, которые считают, что я уезжаю, я ведь, в сущности, не уезжаю. Меня выгоняют. Это нужно абсолютно точно понимать.

Добровольность этого отъезда, она номинальна. Она фиктивна, она, по существу, вынужденная. Но все равно. Это земля, на которой я родился. Это мир, который я люблю больше всего на свете. Это даже «посадский, слободской мир», который я ненавижу лютой ненавистью и который все-таки мой мир, потому что с ним я могу разговаривать на одном языке. Это

все равно то небо, тот клочок неба, большого неба, которое накрывает всю землю. Но тот клочок неба, который мой клочок.

И поэтому единственная моя мечта, надежда, вера, счастье, удовлетворение в том, что я все время буду возвращаться на эту землю. А уж мертвый-то я вернусь в нее наверняка». Читаешь и думаешь: «Господи, за что!» Конечно бы, он вернулся... Да он от нас, по сути, и не уходил...

Думаю, и Тарковский вернулся бы, хотя гадать трудно, да и не нужно. Ибо значение Тарковского в мировом, как и русском, искусстве определяет не гражданство. Некрасов в эмиграции ожесточился. Но все же незадолго до смерти написал теплое письмо в свою любимую «Юность», опубликовавшую его повесть...

«Мы не созданы для счастья, есть вещи важнее, чем счастье».

(А. Тарковский)

У самого входа на русское кладбище — могила писателя Владимира Емельяновича Максимова, главного редактора литературного журнала «Континент», самого значительного в послевоенной истории русской эмиграции. В начале 80-х он возглавлял «антибольшевистский блок», «интернационал сопротивления», базировавшийся в Париже, под штандартами которого проходили все антисоветские выступления тех лет. Поначалу он с радостью воспринял перемены в СССР, но после его развала выступил против демократов из команды Ельцина-Гайдара и стал постоянным автором «Правды».

В нашем последнем интервью, которое «Правда» начала публиковать в трех номерах незадолго до его смерти, я спросил Максимова: «Вы не жалеете ни о чем, вспоминая все эти акции «Интернационала сопротивления»? Ведь, так или иначе, они способствовали развалу СССР».

Он ответил так:

«Вы можете прочесть все мои труды, перелистать все изданные мной журналы и убедитесь, что я никогда не выступал против России. Я выступал против идеологии. Я считал, что это — единственный груз, который мешает России развиваться, становиться более великой, могущественной страной. Это была моя большая и трагическая ошибка. И о ней на старости лет я весьма сожалею. И все же я думаю, что, если бы нам шаг навстречу был бы сделан вовремя, обошлось бы без таких потерь.

Какой-то заколдованный круг в России. Человеческий материал все тот же. Даже лозунги те же. «Кто не с нами, тот против нас». Вот запугивают приходом фашизма. Но и Сталин также запугивал. И Ленин пугал, что вернутся старые порядки. Демократы во всем повторяют большевиков. И в частности, и в общем. Я не знаю, какой выход из положения...»

30 марта 1995 года, в парижском соборе Александра Невского состоялась прощальная панихида. Один за одним проходили люди у его гроба, кланяясь низко, по-русски. Я встал у его гроба на колени, будто по велению свыше. Я просил у него прощения за все и за всех тех, с кем волею судьбы оказался и в одной редакции «Правды», и в одной коммунистической партии. Из храма гроб с телом Владимира Максимова повезли на русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Так случилось, что гробовщиков не хватило — их было только трое, а из родственников успели к кладбищу подъехать только женщины. И я нес гроб Владимира Емельяновича к его

последнему пристанищу, все еще не веря, что больше он уже никогда мне не позвонит и не спросит по своему обыкновению: «Ну, как дела? Что нового в России?»...

Литература эмиграции «третьей волны» — явление сложное. Лучшее, подлинно патриотическое в этой литературе останется жить надолго и придет к нашему читателю. Остальное канет в небытие.

Понимание того, что и белогвардейцы были не «вроде бы русскими», как в стихах Р. Рождественского о кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа, а русскими на все сто процентов, в России пришло. Это главное, ибо вместе с этим пришло осознание возможности союза русских по этно-историческому принципу в интересах защиты русской государственности независимо от идеологических разногласий.

... Мне запомнилось, как мы стояли рядом у русских могил в Сен-Женевьев-де-Буа. Трое русских. Татьяна Борисовна рассказывала, как она, родившаяся и выросшая здесь, во Франции, и своим детям передала любовь ко всему русскому. Вроде бы формально они уже французы, у них — французские фамилии, а часто и имена. «Но кровь наша — сильная, — говорила она. — Россия к себе их, как магнит, притягивает». Да и ее отец вместе с Христофоровым воевал против красных в рядах Белой армии. Его могила тут же, в Сен-Женевьев-де-Буа. Но Татьяна Борисовна искренне была убеждена, что и красные, и белые просто не поняли друг друга, хотя и воевали, по сути, за одно и то же — за лучшую жизнь для народа России.

Я не спорил с ней. И не спорил с Христофоровым, потому что он, когда-то врангелевский офицер, а затем — французский гражданин, душой болел за нашу с ним общую родину, которую не выбирают, которая всем нам — мать. Я мог сказать ему только спасибо за то, что он и еще девять человек рабочих, занятых на кладбище, его комитет поддерживали в таком образцовом порядке русские могилы на чужбине. Вскоре и Христофоров был похоронен в одной из них. Он тоже стал, пусть маленькой, но частью истории русской диаспоры, а значит, и истории России, которую нельзя поделить на части, что-то взяв, от чего-то отказавшись. Она — цельная, какая есть, и никуда от нее не уйдешь. Чтобы нация умела познать самое себя, эту историю надо тщательно и именно во всей ее целостности сохранить.

Потребность в этом жила в самой русской нации изначально, несмотря на все революции и контрреволюции. Я помню, какой поток писем в «Правду» вызвала моя статья «Русские березы под Парижем» о кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. Ведь тема была запретной вплоть до конца 80-х годов. Это теперь русские церкви и кладбища во Франции и других странах стали местами паломничества русских туристов, а в те времена за это

можно было стать мертво невыездным. Ведь вплоть до развала СССР в руководстве нашей страны были люди, которые считали, что только советский паспорт можно считать свидетельством русского патриотизма и никак не хотели поверить, что русским патриотом в равной степени могут быть и монархист, и коммунист. Слава Богу, мы примирились и не стали делить русские могилы на «приемлемые» для нас и неприемлемые.

Бывая во Франции, я всегда стараюсь съездить в Сен-Женевьев-де-Буа. Там по-прежнему тихо шелестят березы над русским кладбищем. Покачивает ветер колокола на звоннице прикладбищенской церкви. Пахнет сырой землей, ладаном, Россией. У всех нас она одна.

Русская Ницца

Придорожные щиты на скоростном шоссе, ведущем в Монако, пестрят швейцарскими и итальянскими названиями — поблизости граница. Оттого и название музея «Terra Primata», расположившегося на самом выезде из Ниццы к Вильфраншу, воспринимается, скорее, как итальянское, а не латинское. Музей небольшой, содержат его в основном энтузиасты. И главный его экспонат — остатки первобытной стоянки, раскопанные местными археологами.

В музее мне рассказали, что территория нынешней Ниццы была обжита человеком уже 400 тысяч лет назад, а в 4 веке до н. э. там появился греческий полис под названием Никея. Ницца стояла на пути всех завоевателей и всех великих переселений народов. После греков здесь осели лигуры, а со 2 века до н. э. — покорившие их римляне. От римской крепости Семенелум на холме Симье остались только развалины. А когда-то это был один из крупных военных и административных центров юго-восточной Галлии, продержавшийся вплоть до развала Римской империи. Спасаясь от набегов варваров и сарацинов, Ницца уже к 5 веку получившая от папы римского епископскую кафедру, перешла под покровительство графов Провансальских, правивших южной Францией. В 1388 году Ницца добровольно перешла под корону Амадея VII, графа Савойского, и сохраняла верность этой итальянской династии вплоть до 1860 года, а затем при Наполеоне III окончательно стала французской.

С тех пор начинается ее история как курортного города, непровозглашенной столицы французского Лазурного берега. Если ехать к Ницце из Канн, то сразу же на съезде с авторута увидишь непривычный в галло-романской окружающей среде указатель «Английский променада». Именно сюда надо свернуть, чтобы проехать по самому красивому и самому длинному на Лазурном берегу приморскому бульвару, увидеть Ниццу с ее фасада и заодно сразу же прикоснуться к ее истории.

Немногим более ста лет назад никакого променада здесь не было, и там, где стоит сейчас дворец Массена, названный так, как и прилегающая к нему площадь, в честь наполеоновского маршала — уроженца Ниццы, жители города охотились на бекасов и водяных курочек. В начале 20-х годов XIX века любившие отдыхать в этих местах англичане проложили в складчину вдоль берега моря узкую, но прямую дорожку для ежедневных прогулок. Отсюда и пошло название самого красивого приморского бульвара Ниццы — «Promenade des Anglais», то есть «Английский

променад», а точнее — «Променад англичан». Однако присутствие Англии в Ницце больше ассоциируется с многочисленными войнами, опалывшими Средиземноморье, чем с мирными променадами. Впоследствии здесь строили свои особняки, дворцы и отели и немцы, и испанцы, и голландцы, и шведы. А от англичан остался только их Променад.

В богатой истории Ниццы каждый народ Европы отыщет для себя, если не главу, так страничку либо строку. Для нас, русских, столица Приморских Альп в силу ряда исторических обстоятельств и поворотов — это целая книга, увы, послереволюционными поколениями не прочитанная. Мало кто знает, что именно на Английском променаде танцовщица Айседора Дункан, жена великого русского поэта Сергея Есенина, села в тот роковой автомобиль, на колесо которого намотался ее легендарный длинный шарф, мгновенно удушивший ее. В доме № 57 на том же Променаде снимал квартиру Владимир Набоков. На Лазурном берегу не раз бывали, а то и жили подолгу Гоголь, Салтыков-Щедрин, Саша Черный, Стравинский, Сухово-Кобылин, Цветаева, Куприн, Чехов, Бунин, Мережковский, Гиппиус, Марк Алданов... В королевском салоне отеля «Негреско», разместившемся на том же променаде, рядом с портретами европейских монархов можно и сегодня увидеть бюст Марии Федоровны, матери Николая II. Во многом Ницца — это символ России, ушедшей в прошлое, сгоревшей в огне революции. В советском обыденном сознании она долгое время оставалась где-то в одной связке с буржуями, поедающими ананасы и жующими рябчиков, с ресторанами экзотической Ривьеры и «осенью в прозрачном бреду» из песен Александра Вертинского, с белой гвардией, бежавшей на Запад после Великого Октября и замышлявшей начать отсюда новый поход против нас. Все это и так, и совсем иначе. Хотя бы потому, что помимо Герцена и Огарева, Кропоткина и Плеханова, здесь бывали и почти все вожди Октябрьской революции 1917-го, включая Ленина, который писал своей сестре отсюда, что Ницца ему очень нравится...

Русский след

... С площади Массена, стоит пройти небольшую крутую лестницу и ступить на брусчатку узеньких улиц старой Ниццы, сразу переносишься в другой мир. Первое, о чем думаешь, — сколько же простояли эти дома, сколько видели и сколь прекрасны они сегодня по сравнению со своими современными многоэтажно-бетонными братьями. Туристическое восхищение, однако, сменяет прозаический вопрос: как живут люди в этих исторических развалюхах? Как умудряются туда провести современные коммуникации, электричество, газ, телекабели?

«Дворец Ласкари?» Задумавшись на минуту над моим вопросом, прохожий — чистенький старичок в соломенной шляпе, затараторил в почти что итальянском стиле: «Пройдете налево, направо, потом — по лестнице прямо, а там через двор выйдете на соседнюю улицу и уткнетесь во дворец».

Переплетение улиц и проходных дворов, где дома смотрят друг на друга окно в окно, — наследие Средневековья, с которым приходится жить и сегодня. Старая Ницца, хоть и превращена в заповедник, тем не менее населена плотно. И живет здесь люд небогатый. Поэтому я не удивился, увидев сразу по два служителя на каждом этаже (а они не столь уж и просторны — всего две-три небольшие залы) Дворца Ласкари — мэрия, отремонтировав его, дала работу «первоочередникам». И поэтому они, хоть и вежливы предельно, ничего рассказать о дворце и его истории, а уж тем более об экспозиции не могут.

Из разложенных в холле проспектов я узнал, что дворец начали строить еще в начале XIII века и закончили в 1261 году, постепенно приращивая к нему те дома, что удавалось купить поблизости. Одним из его владельцев в 1802 году стал 55-й Великий магистр Мальтийского ордена, а затем после его смерти он переходил из рук в руки, пока не был выкуплен окончательно городскими властями, и устроившими здесь музей.

Экспозиция его достаточно эклектична — тут тебе и Рубенс, и фламандские гобелены, и восстановленная специалистами аптека конца XVIII века.

В одном из залов музея неизвестно почему были выставлены под стеклянными колпаками макеты декораций старых балетных спектаклей. Я просто замер от неожиданности. Над макетами значилась надпись — «Дягилевский сезон в Опере Монте-Карло 1932–1935». Автор их — знаменитая русская художница, эмигрировавшая во Францию Наталья

Гончарова. Рядом — работа Александра Бенуа, декорация к постановке «Петрушки» 1912 года и к «Шехеразаде» Римского-Корсакова, где танцевали Нижинский и Карсавина.

«Откуда у вас все это русское?» — спрашиваю уже внизу у служителя, обложенного рекламными проспектами, путеводителями и незатейливыми открытками с видами Старой Ниццы.

«В Ницце не следует этому удивляться, месье, — отвечает он. — Русские появились здесь раньше французов, хотя и несколько позже римлян...»

Последнее уточнение дает ему возможность сбить мне путеводитель «Ницца и Древний Рим», и я, следуя напечатанной в нем карте, поднимаюсь по крутой лестнице на холм Шато, на вершине которого сохранились развалины римских терм и какое-то старинное сооружение, превращенное ныне в смотровую площадку.

На холме Шато есть еще и старое кладбище, а там — могила А. И. Герцена. Он умер в Париже 9(21) января 1870 года от воспаления легких — простудился на митинге протеста против режима Наполеона III. Поначалу его похоронили на кладбище Пер-Лашез, а уже потом перевезли сюда, в Ниццу. И теперь памятник Герцену глядит с вершины холма на Средиземное море, которое поглотило его мать и малолетнего сына во время кораблекрушения на их пути из Марселя в Ниццу. Вместе с легендарным Искандером похоронена его жена, которая умерла во время родов через несколько месяцев после той катастрофы. На пьедестале памятника Герцену вместе с их именами выбито и имя его дочери Лизы, которая по воле безжалостной к Герцену судьбы покончила с собой в неполные семнадцать лет. Так соединили их всех смерть и земля Ниццы. В том была их последняя воля остаться неразлучными хотя бы в смерти. В том и причина, почему и в советские времена прах «нашего Герцена» так и оставался на чужбине, и не было никаких попыток перевезти его на Родину.

Плана кладбища у меня не было, я пошел наугад, но, побродив с полчаса меж семейных склепов местных миллионеров, все же отыскал служителя, объяснил, что я из России, и попросил его помочь. «Александр Герцен? — спросил он, ставя, как все французы, ударение на последнем слоге, к чему русскому человеку привыкнуть никак невозможно. — Это очень просто, месье. Идите прямо и увидите бронзовый памятник, он, кстати, единственный на этом кладбище...» Мягкий, скрытый упрек прозвучал в этой фразе. Только у самой могилы, увидев единственно бронзового Герцена работы украинского скульптора П. П. Завелло на фоне ослепительно белых мраморных скульптур и гранитных кладбищенских стел, я понял, почему упрек служителя был адресован именно мне, а в моем

лице и всем моим соотечественникам. Из-за близости моря и от времени памятник Герцену почернел и покрылся зеленой грязной пленкой, от которой бронзу надо очищать регулярно. Но кому это делать?

... Улица Лоншан — когда-то, в бытность Ниццы в составе Сардинского королевства, именовавшаяся Виа ди Кампо Лонго. На самом углу русский православный храм, освященный по старому стилю 31 декабря 1859 года. На двери табличка сообщала, что богослужения проводятся здесь по вторникам еженедельно. Было восемь часов утра и как раз вторник. Я поднялся по лестнице, прислушиваясь к звукам заутрени.

Роскошный иконостас псковско-новгородского стиля из мореного дуба. Великолепной работы иконы с позолотой. Царские врата с кружевной резьбой по дереву. Церковные хоругви, пудовые свечи. И на фоне всего этого старинного великолепия — седой священник, тихо подпевающий ему с клироса розовощекий дьячок с косичкой да три старушки, сохранившие при всей своей дряхлости легко узнаваемый даже нашим поколением «старорежимный» облик. Видно было по этой немногочленной заутрене, что православных в Ницце осталось совсем немного и что некогда многочисленная русская колония неизбежно ассимилируется. Подобно тому, как ассимилировались, переделавшись на местный лад, старинные русские названия: знаменитая когда-то вилла Апраксина, где разместился приют для слепых и глухонемых, теперь названа «виллой Апраксин», а ведущая от нее крутая улица в планах Ниццы 30–40-х годов нашего века именовалась последовательно — «Апраксинский спуск», затем «Спуск святого Апраксина» и наконец — «Святая Апраксия»...

Пер-Лашез — кладбище в Париже, одно из самых известных мест захоронения в мире. Расположено на востоке города, в 20-м муниципальном округе. Официальное название — Восточное кладбище. Это самый большой зеленый оазис французской столицы и один из крупнейших музеев надгробной скульптуры под открытым небом площадью около 48 гектаров

А люди? В Париже мне дали один адрес в Ницце. Сказали, что там, на бульваре Карно, живет сын бывшего русского консула в Ницце Артемий Павлович Лобачев. Оказалось, что он действительно сын Павла Артемьевича Лобачева, только служившего вплоть до 1917 года генеральным консулом России в Салониках в Греции, а не в Ницце. Судьба разбросала его сыновей по всему свету. Старший жил в Югославии до конца Второй мировой войны и только потом переехал в СССР. Он стал журналистом и художником-иллюстратором. Третий брат оказался в Бразилии. У самого Артемия сложилась жизнь, типичная для послереволюционных обладателей «нансеновского паспорта». Он мотался по Балканам, пока не попал, наконец, в Париж, куда белая эмиграция чаще всего и стремилась...

Артемий Павлович несколько лет назад купил на первом этаже жилого дома на бульваре Карно два гаража и переделал их в небольшую квартирку. На большее не скопил. Но что делать? Он одинок. Никого, кроме кота, у него нет. Так что места хватает. Правда, только шумновато — рядом шоссе, по которому днем и ночью летят автомашины в Монако и Ментону. «Но мне шум не мешает, — говорит он, улыбаясь своей какой-то удивительно беспечной, детской улыбкой. — Я даже люблю шум, гам, тарарам. Знаете, я в 1932 году открыл в Ницце небольшой кинозал и назвал его «Эдуард VII». Поначалу публика валила валом. Но потом я прогорел. Переехал в Париж и там встретился с казаками, которые работали на заводах «Рено». Я тогда открыл свое кабаре в Париже и пригласил их выступать у меня в программе «Джигиты». Но мода на русское уже проходила, и я опять загорелся синим пламенем. Все заново решил начать в Ницце. В 1938 году открыл цыганское кабаре неподалеку отсюда...»

«А почему вас, сына дипломата, тянуло именно на кабаре?»

«Это просто: не нужно было никаких дипломов, свидетельств... Если бы жизнь и судьба России сложилась иначе, то я бы, конечно, поступил в Пажеский корпус и стал бы, глядишь, как отец, дипломатом. Не сложилось... Но я ни о чем не жалею. Я многое повидал. В 1941 году пошел во французскую армию добровольцем, воевал, а потом после войны опять вернулся к своему делу. Я, знаете, даже пел... Вот это... По-русски я слов не знаю, собственно, я русский специально и не учил никогда, он ко мне как-то сам собой пришел...»

Лобачев поет по-французски удивительно знакомую песню. Я, наконец, понимаю, что это «Отцвели уж давно хризантемы в саду». На прощание он мне дарит небольшой сборничек своих стихов на французском языке, который он издал методом самиздата тиражом ровно в 100 экземпляров, что в Ницце стоит копейки. Я полистал вежливо его зарифмованные стариковские раздумья и благодарности богу за радость жизни, которая продолжается, несмотря ни на что. Ни единого слова о России в этих чисто французских стихах не было...

Все в тот же вторник вечером я зашел в библиотеку при церквушке на Лоншан. Библиотекарь Нина Владимировна, по мужу мадам Гийе, рассказала мне, что библиотека была основана еще П. А. Вяземским в 1859 году, когда только началось строительство этого первого русского приходского храма в Западной Европе. Вскоре в ней насчитывалось уже более двух тысяч книг, что по тем временам немало. Сегодня здесь более 13 тысяч томов, среди которых есть уникальнейшие. Рук на все у Нины Владимировны не хватает. Она одна, а прихожане — в основном старики, помощь от них какая?

... Им всем где-то далеко за семьдесят. Они сдают и берут книги, но сразу не уходят. И дело здесь не только в политесе, благоприобретенном еще в те, стародавние времена, либо уже позже от родителей, оканчивавших те самые «царскосельские лицеи». Все русские в Ницце знают часы работы этой библиотеки — с трех до пяти по вторникам — и приходят сюда, как на утреннюю службу в храм. Приходят даже не столько почитать, сколько услышать живую русскую речь, обменяться последними новостями...

Нина Владимировна дает мне несколько книг об истории русской колонии в Ницце, и я сижу, делаю выписки, прислушиваясь к разговорам, которые мне самому кажутся надиктованными на магнитофон отрывками то ли из «Анны Карениной», то ли из «Белой гвардии».

«Здорова ли супруга ваша? Со Страстной не видим ее ни здесь, ни в Соборе».

«Слава богу, здорова. Отлучалась в Кале повидать нашу младшенькую. А вы, князь, давно ли виделись с вашим непутевым братцем?»

«Истинно непутевым. Он летом опять в Совдепию собирается. Говорит — зов предков...»

«Вольно же ему...»

На этом островке русской жизни, оторвавшемся от материка нашей нации, говорят на другом русском языке, давно у нас забытом. Так сложилось, и не в одночасье.

Под андреевским флагом

Первым открыл для русских Лазурный берег граф Алексей Григорьевич Орлов, родной брат графа Григория Орлова, фаворита Екатерины II, так же, как он, один из главных участников дворцового переворота 1762 г. Алексей Орлов командовал русской эскадрой в Средиземном море... Незадолго до Чесменского сражения с турками в 1770 году, за победу в котором он получил титул Чесменского, его эскадра появилась на рейде Вильфранша. Городишко это небольшой, но по-средиземноморски живописный — небольшие домики и виллы карабкаются вверх по склону горы к «корнишу», т. е. к дороге над пропастью, вдоль которой и идет старинный тракт из Ниццы в Монако. Внизу у бухты — рыбацкий порт с множеством рыбных ресторанчиков. На повороте к порту в конце XX века местные власти по просьбе своих друзей из Санкт-Петербургского Морского собрания установили мраморные бюсты и братьев графов Орловых и адмирала Ушакова. Привез же эти бюсты в Вильфранш в начале 90-х годов потомок боевых графов, российский адмирал Николай Орлов. Самый красивый бульвар Вильфранша, что ведет наверх к старинной цитадели и далее к центру городка, назван именем императрицы-матери Александры Федоровны, вдовы Николая Первого. А бухту свою жители Вильфранша тоже называли когда-то русским именем — «бухтой Орлова». Русские утвердились там прочно и надолго.

«Русская Ницца», если говорить о серьезно организованной и значительной по тем временам зарубежной русской колонии, взяла свое начало 26 октября 1856 года. В тот день в «бухту Орлова» на борту сардинского фрегата «Карло Альберто» прибыла вдовствующая императрица Александра Федоровна. В Вильфранше подобающего ее рангу жилья не нашлось и вдова Николая Первого обосновалась в соседней Ницце на вилле «Авигдор». Специально для нее из Вильфранша до Ниццы была построена новая дорога.

В европейских столицах этот императорский десант вызвал немалый переполох. Ведь Александра Федоровна бросила якорь в Вильфранше всего полгода спустя после окончания Крымской войны и подписания позорного для России Парижского мирного договора, по которому ей запрещалось иметь свой военный флот в Черном море. В Санкт-Петербурге, однако, знали, что сложные дипломатические маневры фактически привели к развалу той антирусской коалиции (Англия, Франция, Турция, Сардиния), которая вела Крымскую войну. Франция боялась усиления Англии, а

Сардиния панически боялась Франции. Вот почему русская императрица, которая официально искала зимнюю резиденцию для заболевшего наследника русского престола великого князя Николая, получила от савойской династии самую активную помощь. Накануне ее первого визита в Ниццу российские дипломаты подписали с Сардинией секретное соглашение, которое позволило русскому флоту иметь свою постоянную базу в Вильфранше.

... 21 января 1859 года в Ницце ждали сардинского короля Виктора Эммануила. Историки отмечают, что, помимо пушек форта Вильфранш, его приветствовали салютом из всех стволов с борта русского военного фрегата «Орлов». Король немедленно отправился с визитом к русской императрице на виллу «Авигдор», где за обедом и было окончательно легализовано русское присутствие в Ницце и Вильфранше. Русской колонии король разрешил построить здесь даже православную церковь (на рю Лоншан), что по тем временам было совершенно немыслимо, ибо Ватикан не допускал православных священников в Западную Европу. Но куда важнее было другое: Россия получала право захода в сардинские воды и разрешение на практически постоянное базирование в Вильфранше своей военной эскадры, что с учетом русской военно-морской базы на Крите существенно подрывало позиции англичан в Средиземноморье. Савойская династия явно пыталась таким образом с помощью России обезопасить Сардинское королевство и от происков Наполеона III. Но безуспешно. Франция буквально через год после исторического обеда на вилле императрицы оккупировала Ниццу, и по Туринскому договору вся Савойя вошла в ее состав окончательно. Любопытно, что Наполеон III не рискнул отменить даже после этого все те привилегии, которыми пользовалась русская Ницца по договоренности с Виктором Эммануилом. Вдовствующая императрица, например, потребовала для своей охраны французских зуавов, и они ей были немедленно предоставлены. Помимо зуавов в подтверждение суверенитета Русской Ниццы в бухте Вильфранша фактически постоянно реял андреевский флаг над весьма внушительной русской эскадрой.

В октябре 1864 года Наполеон III во время встречи с Александром II в Ницце согласился продлить соглашение об аренде «бухты Орлова» еще на десять лет. Соглашение это, однако, действовало всего шесть лет, т. к. в 1870 году Наполеон III потерпел сокрушительное поражение во франко-прусской войне. Россия тут же в одностороннем порядке денонсировала статьи Парижского мира 1856 года о демилитаризации Черного моря. Севастополь вновь получил статус военно-морской базы, что и было закреплено Лондонским международным протоколом 1871 года. Русская эскадра вернулась из «бухты Орлова» в гавани Крыма. В Вильфранше, однако, база

для русского флота фактически сохранялась еще долго и после этого. Русские военные и гражданские суда не раз ее использовали, пополняли там запасы горючего и продовольствия, когда находились в Средиземноморье.

По мере освоения русскими Лазурного берега росла и торговля с Сардинией и Францией. В «бухте Орлова» еще в 1858 году открылся торговый причал, были сооружены хлебные склады — до 17 русских торговых судов ежегодно заходили в бухту и только к концу 1856 года доставили до 155 тыс. пудов русского зерна на продажу. Обрато они везли оливковое масло и цитрусовые. Уже в 1858 году торговый оборот «бухты Орлова» достиг 450 тыс. французских франков, что по тем временам было немало.

В порту Вильфранша шла и весьма интенсивная научная жизнь. В наши дни там разместилаь «Лаборатория морской биологии Парижского университета — VI». Но мало кто знает, что она прописалась в бывших военно-морских казармах русского флота, где в конце XIX века профессор Российской императорской академии наук Алексей Коротнев создал Русскую океанографическую лабораторию морской зоологии. Тогда это был крупный научный центр со своим океанографическим музеем, аквариумом, научной библиотекой. В 1907 году там работали 33 русских и иностранных ученых. Задолго до Ива Кусто в бухте Орлова появилась пристань для нескольких русских гидрографических судов, которые вели активные исследования Мирового океана. Центр Коротнева регулярно публиковал свои годовые научные отчеты и просуществовал как «русское научное учреждение» до 1932 года, когда он окончательно перешел в ведение французского Национального центра научных исследований.

Средиземноморского Севастополя больше не было, но «Русская Ницца» осталась. Императрица-мать превратила этот город в зимний филиал российского царского двора. Помимо забот о здоровье внука и своем собственном, вдовствующая императрица тревожилась и о восстановлении пошатнувшегося здоровья Российской империи. В ходе первых своих рекогносцировок на Лазурном берегу она, видимо, пришла к выводу, что Ницца идеально подходит для западноевропейского филиала ее двора. Многочисленные родственники Романовых, так или иначе, породнившихся со всеми европейскими монархами, могли приехать сюда из любой столицы запросто, без протокола повидаться с родными, что не так было просто сделать, выезжая к императору в гости в Россию. Так же, не возводя все это в ранг государственного визита, могла поступать — и поступала вплоть до 1914 года — вся императорская семья. По подсчетам летописцев дома Романовых, только с 1856 по 1898 год здесь побывали все дети Николая I (кроме его дочери, умершей в 1844 году), включая Александра II, который

сюда приезжал не раз. Постоянно отдыхали в Ницце и его дети, в том числе будущий царь Александр III, их ближайшие родственники. Список посетителей императорских вилл в те годы читается, как справочник европейских королевских семей. Такие возможности общения с коронованными особами Европы и членами их семей трудно было переоценить, особенно в те годы, когда Россия активно искала выход из тупика, в который загнал ее Парижский мирный договор. А для этого было необходимо искать союзников.

Вслед за императрицей начали скупать земли в Ницце и русские аристократы. Одной из первых купила в Ницце свой «шато» на побережье великая княгиня Елена, жена брата Николая I Михаила и свояченица Александры Федоровны. До сих пор в «бухте Орлова» стоит вилла князя Трубецкого. «Зимний двор» в Ницце притягивал русскую аристократию в эти места еще и потому, что наследник императорского престола, великий князь Николай Александрович, который и должен был бы войти в нашу историю под именем Николая II, жил там практически постоянно. Он был тяжело болен и потому средиземноморский зимний курорт стал для него на какое-то время спасением. Врачи, однако, запустили его болезнь, и, когда наступил очередной приступ, спасти его не смогли. Его отец — император Александр II, мчался к нему из Петербурга, но застал его уже при смерти. Его наследник умер в Ницце в 1865 году. Ему шел всего лишь двадцать второй год. Тело царевича на фрегате «Александр Невский» было доставлено в Петербург, и 6 июля 1865 года Николай Александрович был похоронен в усыпальнице русских царей в Петропавловском соборе.

После его смерти Александр II выкупил парк, где стояла вилла Бермон, и построил там поминальную часовню в честь престолонаследника. В память о нем власти Ниццы назвали близлежащий бульвар именем «Царевич». В 1903 году здесь началось строительство храма святого Николая по проекту профессора архитектуры Императорской академии художеств М. П. Преображенского. Храм по-настоящему великолепен. Он был выстроен в старорусском стиле допетровских церквей Москвы, Ярославля и Ростова Великого конца XVI — начала XVII вв. Купол колокольни и все шесть крестов, венчающих главы, покрыты сусальным золотом. Внешние декоративные элементы (арочные проемы, ниши для окон, наличники дверей и проемы южного фасада, балкончики на колокольне и т. д.) выполнены из резного белого мрамора. Внутренняя отделка храма проводилась под руководством русского художника Л. А. Пьяновского, одного из лучших мастеров церковного зодчества московско-ярославской школы. Иконостас собора создали в Москве в знаменитых мастерских братьев Хлебниковых по образцу старинных храмов Москвы и

Ярославля. Иконы писаны художником Глазуновым в духе школы Симона Ушакова. На освящении храма в 1912 году присутствовал племянник умершего цесаревича — император Николай II, и с тех пор улочка, ведущая к храму, носит его имя. Мать Николая II — императрица Мария Федоровна, урожденная принцесса Дагмар, вдова Александра III, принимала в строительстве этого храма самое активное участие и была официальной попечительницей созданного в 1903 году «Строительного комитета нового русского православного храма в Ницце». Для Марии Федоровны это была и личная дань памяти царевича: ведь она была его официальной невестой и только после смерти Николая стала женой Александра III.

Храм Святого Николая в Ницце по определению Святейшего Синода первым из зарубежных русских церквей получил почетное наименование собора. Для русской послереволюционной эмиграции на юге Франции он стал таким же духовным центром, как храм Александра Невского в Париже. Там хранятся редчайшие иконы и списки с самых известных шедевров русской иконописи.

Именно в этом храме находится удивительная просветленная икона Чудотворца Николая. Это личная икона царевича Николая, которая была с ним на его смертном одре. После его кончины она долгое время украшала вход в памятную часовню. Под влиянием южного солнца и влаги икона почернела, и изображение исчезло. Когда построили храм, ее перенесли туда. И вот 22 мая 1935 года, в день перенесения мощей Святителя Николая, церковный сторож вдруг заметил, что образ просветлел. Просветление увеличивалось с каждым днем, словно таяла и испарялась под невидимыми лучами темная пленка. Из-под затвердевшего лака появилось изображение Святителя Николая, а по сторонам — Спасителя и Божией Матери. Вскоре можно было свободно прочесть текст раскрытого Евангелия в руках Спасителя и надпись над иконой. 1 июня 1935 года, в субботу, об этом торжественно объявили прихожанам храма и отслужили молебен. За прошедшие с тех пор годы в соборе засвидетельствованы случаи чудесной помощи и исцелений от этого образа.

Собор святителя Николая Чудотворца — православный храм в Ницце, близ бульвара Царевича, в конце тупика Avenue Nicolas II; с 15 декабря 2011 года в ведении Корсунской епархии Московского патриархата

«Русская Ницца» к концу правления Наполеона III стала своего рода дипломатическим полигоном, где проверялись на прочность соглашения о

«правилах игры» в Европе после Крымской войны. В сложных отношениях между Россией и Францией той поры даже один какой-нибудь неловкий жест, неудачное слово, несоблюдение того или иного пункта протокола могли обернуться длительной враждебностью, а то и войной. Александр II, как и его мать, урожденная принцесса Пруссии, не скрывали своей неприязни к Наполеону III. В 1860 году Александра Федоровна унизила его в Ницце: не вышла к нему во время приема на своей вилле, сказавшись больной. А Наполеон две недели спустя отомстил ей за это в Париже, усадив ее внука, великого князя Николая, за один стол с бароном Дантесом — убийцей Александра Сергеевича Пушкина...

Александр II во время своего первого посещения Ниццы в 1864 году (кстати, он дважды инспектировал Вильфранш, что сильно нервировало «императора всех французов», как именовал себя Наполеон III) узнал, что племянник Бонапарта прибыл в Ниццу инкогнито. Он решил не упустить случай продемонстрировать русский флаг и «случайно» с ним встретился в городской префектуре.

Такого рода «уколами» Париж и Петербург обменивались постоянно вплоть до прихода на трон Александра III, с именем которого связан не только самый красивый мост через Сену в Париже, но и небывалый расцвет русско-французских отношений в конце XIX века. Русская Ницца на всех этапах их развития играла далеко не последнюю роль.

Ностальгия

В советское консульство в Париже он позвонил уже к вечеру, когда рабочий день заканчивался. Дежурного дипломата «отчитал»: «Что же это такое, никак не могу к вам дозвониться. Все время занято. А у меня срочное дело. Хочу сдать деньги в фонд помощи советским воинам, раненым в Афганистане, 50 тысяч франков...»

— Кто вы?

— Русский человек, Вячеслав Петрович Севастьянов, 1898 года рождения. Только вы уж, пожалуйста, сами ко мне подъезжайте, мне теперь передвигаться без помощи тяжело. Мой адрес... Записываете?

И вот я уже еду по этому печальному адресу: город Сен-Мор, приют для престарелых «Фуайе резиданс». Венсеннский лес, что под самым Парижем, еще не тронули краски осени. Солнце купается в сочной зеленой листве каштанов и платанов. И только желуди, покрывшие тропинки, да пожухлая придорожная трава напоминают, что на дворе сентябрь.

От Венсеннского леса до Сен-Мора — рукой подать. Дорога как бы сама привела к «Фуайе резиданс». Чистенький приют. Люди доживают здесь свой век в небольших однокомнатных квартирах, но у телевизора в холле собираются все же вместе — не так одиноко. И у входа сидели на скамеечке три чистенькие старушки, сторожа взглядом приютские ворота: не заедет ли вдруг сердобольный родственник?..

Вячеслав Петрович был не один. Из консульства ему привезли анкеты на въезд в СССР. На 68-м году эмиграции, на 91-м году жизни он решил возвратиться на родину, насовсем.

— Верно нагадала тогда цыганка в Севастополе, в двадцатом году, — вспоминает он. — Сказала, что мне всю жизнь предстоит скитаться и что вернусь домой стариком. А я молодой был, ей не поверил.

Я никак не могу представить его молодым. Хотя в свои 90 лет он даже не облысел — седые волосы, зачесанные назад, как у священника, ниспадают почти до плеч. И все же годы не грим, не смоешь. Густая, словно литая, борода, седые кустистые брови, старческая манера подолгу держать неподвижно руки на коленях ладонями вниз. А главное — глаза: выцветшие, подернутые слезой. Мальчишка с улицы заглядывает в окно — квартира на первом этаже выходит во двор — и ставит на стол пакет с продуктами. Потом разжимает кулак и нехотя высыпает на подоконник несколько монет. «Это сдача, месье Севастьянов», — говорит он и исчезает. Вячеслав

Петрович провожает его взглядом, глаза, оживившиеся было при виде мальчишка, вновь тускнеют, и застывает в них неизбывная тоска...

«Мальчуган соседский, — говорит он, будто оправдываясь. — Еду покупает, а по вечерам забирает к себе мою кошку. Так мне спокойнее. Плачу ему за это, конечно. Я ведь здесь совсем один. Представляете. Ни знакомых, ни родных — никого».

«Ни-ко-го...» — глухо звучит это слово в четырех стенах уютской квартиры. Убогая мебель, не застеленная постель, письменный стол с многолетним наслоением писем и бумаг. Неистребимый запах одинокой старости, от которого не избавляет даже открытое настежь окно. Понятно, что 50 тысяч франков у него были не лишние. Отдал, может быть, последние.

Консулу нужно записать его биографию. Вячеслав Петрович рассказывает медленно, с долгими перерывами. И не потому, что припоминает, память у него отличная. Мешает одышка. И переволновался накануне, не спал всю ночь — ждал, дадут ли разрешение на оформление советского гражданства.

— Я родился в Новочеркасске, в казачьей семье. Отец, Петр Иванович Севастьянов, был редактором и управляющим «Донских областных ведомостей». В 1905 году он стал одним из основателей первого на Дону земского союза. Я окончил кадетский корпус в Новочеркасске и сдал экзамены в политехнический институт. Мечтал стать агрономом. Но не получилось, не судьба, как видно. И к тому же мне ужасно не везло...

Невезением номер один был призыв всего их курса в Белую армию в 1919 году. За полтора месяца из студентов-второкурсников сделали артиллеристов. Во втором походе Деникина батарея Севастьянова дошла до Борисоглебска, оттуда под ударами красных катилась обратно к Дону, к Новороссийску, а затем в Крым — к Врангелю. Будто листаю страницы булгаковского «Бега», а не слушаю Севастьянова. Венгерский углевоз «Сегед», набитый до отказа казаками. Чей-то голос: «Братцы, может, останемся, не уедем, простят... Родина все же, братцы...» «Сегед» заглушил все сомнения последним гудком. И вот уже словно в пьяном бреду — минареты Константинополя, изматывающая качка на рейде, где их больше недели держали в карантине, ибо боялись тифа. Потом пришли вербовщики, звали ехать в Галлиполи, где белые собирали новую армию для нового «освободительного похода». Среди тех, кто отказался от реванша за Крым, был и Севастьянов. На «Сегеде» они прошли Босфор, причалили к берегам Югославии. И снова карантинный барак, голод.

«Надо было есть, надо было работать...» Стал разнорабочим на химическом заводе под Дубровником. Потом — землекопом, каменщиком.

«Молодые были, сильные, — вспоминает Вячеслав Петрович. — Сначала, конечно, от тяжелой работы появились мозоли кровавые на ладонях, а потом все зарубцевалось. Зарабатывали прилично, с голоду не умерли. И то хорошо».

В 1923 году пошли слухи, что можно будет вернуться в Советскую Россию, что объявлена амнистия бывшим офицерам и солдатам Белой армии. Во Франции был создан «Союз возвращения на родину». Севастьянов узнал, что первая группа белоэмигрантов готовится к репатриации в Болгарии. Чтобы попасть туда, он завербовался на железные рудники. Проработал там почти пять месяцев, пока не перебрался в Софию. Там его впервые познакомили с новыми советскими законами, с правилами возвращения на родину. «Я радовался, — говорит он, — что цыганкино предсказание не сбылось. Но оно, увы, сбывалось. В 1925 году в Болгарии после военного переворота была восстановлена монархия, и царь Борис наложил запрет на деятельность болгарского отделения «Союза возвращения на родину». Севастьянов решил ехать во Францию и попытаться вернуться домой оттуда. Снова рудник, на этот раз французский, под Мецем. Оттуда Вячеслав Петрович переехал в Париж, стал работать на мебельной фабрике.

Как все-таки бытие ваяет сознание! Воспитанник кадетского корпуса, мечтавший стать агрономом, бывший белый артиллерист подробно, любовно, даже с гордостью рассказывает, как учил его искусству полировки старый мастер на заводе эмигранта Королева под Парижем. Посвящает меня в тонкости смешения олифы и краски, искусство обработки застывшей лаковой поверхности.

Война заставила его снова сменить профессию: пошел на завод, выпускавший артиллерийские снаряды, и там работал по ночам, а днем, чтобы добывать себе пропитание, батрачил на ферме.

Из груды бумаг Севастьянов достает удостоверение ветерана Сопротивления, свидетельство о награждении его медалью, какие-то газетные вырезки, письма... «Вы слышали про «батальон д'Арманьяк»? — спрашивает он. — Я провоевал в нем всю войну».

Я не слышал, но вежливо киваю, и это воодушевляет старика. Он начинает в деталях вспоминать те годы. Все ветераны похожи. Тут все переплелось: боль старой раны и до сих пор живущая радость по поводу когда-то сброшенного с самолета мешка с долгожданным табаком, память о первом бое и о последнем, имя лучшего друга, не дожившего до победы. И опять мне не повезло, говорит он, все так же упираясь ладонями в колени. Когда освободили Тулузу, на ее окраине я встретил труппу русских, только что вырвавшихся из плена. От них узнал, что поблизости формируется

русская часть из военнопленных, они мне дали адрес — Кэмп де Касно. Приехал туда, встретили хорошо, даже пловом накормили, а когда я попросил, чтобы и меня отправили домой вместе с русскими солдатами, тамошний начальник подумал, а потом сказал: «Оставайтесь-ка лучше здесь. Ведь вы же гражданин Франции». То ли пожалел начальник, знал ведь, что на родине Севастьянова ждет, по меньшей мере, лагерь, то ли отринул — не наш, эмигрант... Так или иначе, судьба сделала еще один круг, и вновь он был отброшен от родины, теперь уж на долгие годы.

За Второй мировой войной последовала «холодная война». Газеты пугали «красным террором». О России писали только как о «гигантской тюрьме» и «суперказарме». После войны он женился, и жена, старше его на семь лет, уговорила не ехать.

Севастьянов ненадолго умолкает, отдыхает от рассказанного и заново пережитого. Поражает его язык — столько лет на чужбине, а в какой чистоте сохранил родное слово. Как-то я повстречал бывшую советскую гражданку: вышла замуж за француза, живет в Париже. И забыла напрочь родной язык за какие-то девять лет. С трудом подбирает слова.

— Вячеслав Петрович, а как вы так хорошо сохранили свой русский! Без всякой практики?

— Так как же можно иначе, когда это язык, на котором говорили отец, мать, братья. Есть, конечно, тут такие бывшие русские, которым на все это плевать. Я с ними не общаюсь. Лучше буду сам с собой разговаривать. Я уже привык так.

Потом он берет со стола старый номер журнала «Отчизна», который издается у нас для соотечественников за рубежом, и, перелистав его, говорит: «Вот считаешь когда, поплачешь...» Станным образом действительность в его восприятии переплелась с увиденными фотоснимками, с фильмами о России, которые он так пропустил через себя, будто бы сам прожил все показанное в кино и в иллюстрациях журналов. Верно, ностальгия — это не болезнь, а состояние души. «Вот женщина в поле, у могилы сына, — говорит он. — Вся в черном. И сидит, как окаменела. Женщины столько у нас перенесли. И в войну работали в поле, на заводах, заменяли мужчин...»

Другие как-то устраивались во французской жизни, интегрировались, становясь уже больше французами, чем русскими. А Севастьянов не умел, да и, видимо, не хотел. Свою ностальгию глушил непрерывной воловьей работой, которая состояния ему не принесла, но покалечить сумела. После того, как при разгрузке 200-килограммовый тук рухнул ему на спину, он попал на два месяца в больницу и вышел оттуда уже полным инвалидом — спина больше не разогнулась. Со временем к этому добавилась водянка.

Накопленных средств с трудом хватило, чтобы устроиться в приюте «Фуайе резиданс» и кое-как лечиться.

Предсказание цыганки все же сбылось. Вновь ему удалось увидеть родной Новочеркасск — в 1979 году. С группой туристов из общества «Франция — СССР» он поехал в Краснодар и оттуда, упросив местные власти, все же съездил в родные места, повидал брата Ивана, от которого писем не получал с войны. Брат обещал получить разрешение и построить для него в Новочеркасске квартиру. Сказал: «Как построю, напишу тебе сразу, чтобы приезжал». Не написал.

Огромная рыжая кошка бесцеремонно прыгает на мой блокнот и топчется, собираясь удобно устроиться потом на коленях. «Вот и она радуется, — говорит Севастьянов. — Отвыкли мы от гостей...»

И снова плачет, морщась, словно от боли, — так резанула по сердцу собственная же фраза. Сквозь слезы произносит: «Может, доживу, приеду в Россию, хоть помру дома...» Подумалось: как-то он у нас устроится? Ведь совсем беспомощный, больной.

Мы уже собирались уходить, а Севастьянов все не отпускал, хотя и просидели вместе почти четыре часа. Руки его сохранили крепость, и, он, радуясь этому, то и дело сжимал наши ладони, будто старался удержать их, как давно порванную, а теперь вот вдруг установленную связь с родиной.

Мы вышли из «Фуайе резиданс». Вечерело. Но старушки все так же сидели на скамейке, сторожа чистое и тоскливое одиночество французского приюта. К окошку Севастьянова снова подошел мальчик. Забирать на ночь кошку.

Русские из «Нина Риччи»

Их можно узнать сразу. В этих женщинах и мужчинах есть заповедный русский ген. Это категория даже не столько генетическая, сколько историческая и культурная. Носители этого гена вышли из аристократических семей, равно, как и из родов, вовсе не знатных. Их сближало тем не менее то, что в них доминировало нравственное здоровье. Генетикам еще предстоит установить эту связь между здоровьем духа и гена. Но в лучших представителях русской нации она налицо.

Одухотворенность лиц. Чистые и излучающие какой-то затаенный внутренний свет глаза. Благородная осанка свободных людей, никогда не стоявших на коленях иначе, как перед Богом.

Я ищу этих русских во Франции и нередко нахожу. Героев этого репортажа я нашел там, где ожидал их найти менее всего, — на парижской авеню Монтень, в классически французской фирме высокой моды «Нина Риччи», которая славится своими вечерними и свадебными платьями и очень женской парфюмерией высочайшего качества.

На авеню Монтень, этой самой модной парижской улице, где «прописаны» роскошные модные дома, напротив дома «Кристиан Диор» — особняк «Нина Риччи». В тот день там шла презентация духов «Эр дю тан», что в примерном переводе с французского означает «Дух времени». Духи эти были созданы в «Нина Риччи» в 1947 году. Так что, скорее, шла презентация новых флаконов. Народу, однако, было много, и специалисты, в массе своей женщины, обсуждали такие тонкости тонкого аромата «Духа времени», что не специалистам их просто понять не дано. Вот там мы и встретились с Лидией Владимировной Антосевич и Марией Андреевной Магаловой, с именами которых для многих русских ассоциируется фирма «Нина Риччи».

Мария Андреевна Магалова долгое время заведовала всеми зарубежными связями «Нина Риччи» и, конечно, связями с Россией. И по сей день в «Нина Риччи» она — признанный авторитет, хотя предпочитает теперь больше работать у себя дома, чем на авеню Монтень. Она остается послом «Нина Риччи», организует за границей ее выставки и показы моды, работает с прессой, что она делать умеет, как никто другой. Она всегда в работе, в движении. И поэтому, хотя годы и идут, по Марии Андреевне это незаметно. Видно, верно говорят, человек молодо выглядит, если у него душа молодая.

— Я выросла на русской культуре, — рассказывает она. — Мы урожденные Азанчевские-Азанчевы, татарского происхождения — Азанчаки. Они поселились в Ярославской области, в Рыбинске, очень давно. Фамилия Магалов — это по мужу. Он был грузином и полная его фамилия Магалашвили. Мы о своей семье мало знали. Папа в детстве ничего не рассказывал. Мама чаще вспоминала Россию. Она была дочерью адмирала Каськова, расстрелянного 15 декабря 1917 года. Сначала считали, что его вместе с 2000 русских офицеров расстреляли в Севастополе и бросили неизвестно где. Но недавно в Морском музее Санкт-Петербурга мне помогли найти, где был похоронен мой дед. Оказывается, на Малаховом кургане. Хорошо, что сейчас открываются архивы.

Дом моды «Nina Ricci», расположенный по адресу Avenue Montaigne,

39

— В детстве я приобщилась к русским традициям и в семье, и в наших скаутских лагерях, у «витязей». На Рождество, на Пасху особенно православные обычаи соблюдались до малейших деталей.

— По-своему русская эмиграция стала хранителем этих традиций. Без нее многое было бы потеряно.

И в России тоже много сохранили. Прежде всего, архивы. И в моем родном Рыбинске вот недавно открылся музей, куда люди принесли то, что они хранили в потаенных местах с деда-прадеда, чтобы только традиция русская не умерла. Это показывает величайшую ее жизненность. Прошло немногим более 70 лет, и то, что с 1917 года всячески стремились искоренить, стало возвращаться. У Анри Труайя (русская фамилия этого французского писателя — Тарасов) не так давно вышел роман о Николае II. Так вот он заканчивается так, что русский трехцветный Флаг сжигают, а вместо него поднимают красный. Когда роман вышел, Труайя сказал в интервью «Фигаро»: «А теперь я по телевидению вижу, как над Кремлем спускают красный флаг и поднимают русский, бело-сине-красный». Перемены, действительно, произошли стремительно за весьма краткий исторический срок. Если бы даже где-то в 1986-м году я сказала, что через пять лет от коммунизма ничего не останется, меня бы приняли за сумасшедшую. В это никто не мог поверить.

— Вы часто бываете в России, нередко в вашем родном Рыбинске. Тоскуете по всему русскому, оставаясь при этом Француженкой?

— Наверное, я немного идеализирую Россию. Для меня русский человек не может быть плохим. Так я воспитана. При этом я, конечно, воспринимала и французскую, как и международную, культуру и без этого себя не мыслю. Во многом это предопределено судьбами русской эмиграции. У нашей семьи есть родственники в Америка, в Колумбия, в других странах.

— Как вы пришли в «Нина Риччи»?

— Все прекрасное в этой жизни — случайно. Почти семь лет после окончания университета я работала журналисткой.

— Затем вся моя жизнь была связана с домами мастеров моды. Я была у «Элизабет Ардан» заведующей отделом международных связей, у «Эстер Лаудер» семь лет работала между Францией и США, затем для многих фирм приходилось трудиться, включая «Шанель», «Лореаль». Сюда меня пригласил Робер Риччи в 1984 году. Он уникальный человек. Я вообще к людям иду и к духу фирмы, а не просто «устраиваюсь на работу». Для меня «Нина Риччи» — это современный подход к истинным желаниям женщины. И я очень привязалась к этой фирме.

— Может быть, вы в этой Фирме почувствовали что-то русское, а не только чисто французское внимание женщины.

— Не без того. Я думаю, что не случайно в фирму пришел ее генеральный директор Владимир Кузьмин. У нас есть художник по

галстукам Сарач, были манекенщица Надин Варенова, сейчас — Катя Мещерякова. Да и первая жена Робера Риччи была по отцу русская. Ее девичья фамилия была Шайкевич. Отец ее был известным адвокатом. А по матери она гваделупка. Это была женщина редкой красоты и элегантности.

— Значит, не случайно такая тяга у русских женщина, а теперь и у мужчин к «Нина Риччи»?

— У каждого дома свой подход. Но «прикосновение России» ощущается не только у «Нины Риччи». Возьмите «Шанель». Там работало, кстати, четыре поколения Магаловых: бабушка моего мужа, княгиня Ксения, сестра его матери Татьяна Фриби, начинавшая там манекенщицей, а затем работала я, и потом работала моя дочь. А возьмите Ив Сен Лорана. У него работает Элен де Людингхаузен, урожденная Щербатова и Строганова. Она как один из ведущих директоров годного дома «Ив Сен Лоран» проводит феноменальную работу и во Франции, и в России. Взялась за восстановления Строгановского дворца, как героиня. Наследников нет, но она хотела вернуть этот уникальный дворец Петербургу. Так что и у «Ив Сен Лорана» есть русский дух.

Лидия Антосевич

Трудно представить, что эта женщина, судя по всему, от природы застенчивая, потому что она может по-девически краснеть до сих пор, — один из крупнейших специалистов в области экспорта предметов роскоши, готовой одежды класса люкс и дорогой парфюмерии. Знакомьтесь, Лидия Антосевич. Директор фирмы «Нина Риччи» по экспорту в СНГ и страны Восточной Европы.

Ее бабушка родилась в Тифлисе. Она была дворянка. А ее муж был итальянский консул. После события (так она называет революцию 1917-го в России) они приехали во Францию. Ее девическая фамилия — Трофимова. По отцу ее предки из Тобольска, потомки сосланного туда декабриста. А дедушка по матери — это граф Сельвин. Он из Петербурга. Граф ревностно соблюдал традиции России, православной веры. И верил, что Россия всегда будет Россией.

— Антосевич я по мужу, — поясняет Лидия.

У нее очень чистый русский язык. Это заслуга бабушки. Это она настаивала всегда, чтобы в доме говорили по-русски. А так — скаутские лагеря русских «витязей», четверговая церковноприходская школа. Русская эмиграция всячески сохранял свои культурные традиции. И язык в том был средством первейшим.

— Я занимаюсь экспортом вот уже 25 лет, — рассказывает Лидия Владимировна. — Вначале это была электроника. Затем нефтяное оборудование. И теперь «Нина Риччи».

— После нефти духи? Это правда, что духи делают из нефти?

— Как где. У нас — только из натуральных веществ и из натуральных цветов.

— С кем вы торгуете?

— Раньше — только с государством. Теперь с частными предприятиями и даже с частными магазинами».

— «Нина Риччи» открыла свои магазины в Москве и Санкт-Петербурге. В самом названии этой фирмы, не правда ли, есть что-то кокетливое, колдовское. Не поэтому ли она так популярна у русских?

— Дух «Нины Риччи», — говорит Лидия Антосевич, — всегда хорошо воспринимался в России. Русским женщинам нравятся наши легкие, воздушные и цветочные запахи. И наша одежда уже находит в России своего покупателя.

— Это трудно быть женщиной, матерью и бизнес-вумен? И еще торговать с Россией!?

— Женщине проще предлагать товары для женщин. А когда нет языкового барьера, там более. Трудно было начинать. Сейчас в наших магазинах в Москве и в Санкт-Петербурге мы продаем духи, косметику, аксессуары. Это означает, что появилась возможность поставлять весь ансамбль товаров, а не продавать их по частям.

— Русские не раз познакомились с коллекциями одежды «Нины Риччи», начиная с первого показа в «Совинцентре» в 80-х годах. Что Вам в этой сфере запомнилось больше всего? Ведь вы занимались и поставками модной одежды?

— Показов было много. Но самое интересное, что было, — это наша спонсорская акция. Когда «Нина Риччи» поставила костюмы для балета Васильева «Золушка» три года назад. Мы также организовали конкурс молодых модельеров в 1989 году и конкурс «новые имена». «Нина Риччи» — это, прежде всего, высокая культура моды и парфюмерии. Это фирма для шикарных женщин.

— Как, на ваш взгляд, одеваются сейчас русские женщины в Москве, Санкт-Петербурге, — спрашиваю я госпожу Антосевич.

— Сейчас за модой уследить трудно. Угнаться — тем более. Но я заметила отрадную тенденцию. Несколько лет тому назад женщины в России стремились, чтобы в их туалете была какая-то, пусть хотя бы даже одна, но модная деталька. Либо блузка, либо юбка, либо шарфик, либо пояс. Ну, сами знаете. А теперь они стремятся, чтобы модным был весь ансамбль. Чтобы к одежде были подобраны и все соответствующие аксессуары вплоть до косметики и духов. Вкус появляется. Женщины стали более внимательно относиться к своей личности, подбирают одежду, соответствующую их сущности и их образу жизни.

— В этом, на ваш взгляд, есть вклад «Нины Риччи»?

— Мы старались, — отвечает Лидия Владимировна. — В традиции «Нины Риччи» подчеркивать все то, что естественно. И в одежде, и в косметике. Это была всегда отличительная черта нашей марки. Мы всегда стремились подчеркнуть личность каждой женщины. Мы многое объясняли в России, что такое стиль. Надеюсь, что мы стали образцом для подражания.

— Способствует ли этому «русский дух» фирмы «Нина Риччи»?

— Конечно, но, и тут я полностью согласна с Марией Андреевной, не только «Нина Риччи». У Франции и России — уникальные духовные связи, взаимопроникновение культур и традиций. Это создает наилучшие предпосылки для понимания между нашими двумя народами. Существует своего рода духовно-телепатическая связь, как и историческая. Мне это,

кстати, хорошо видно на моей работе. У немцев, например, такой связи нет, и им труднее понять русских. К сожалению, французские предприниматели на пользуются этим в полной мере. Мы отстаем от многих наших европейских конкурентов и от Америки, в первую очередь.

— По-своему это компенсирует потоки русских эмигрантов, — говорит Мария Андреевна Магалова. — Они возвращаются в Россию. Как предприниматели, специалисты. К сожалению, их не всегда хорошо принимают. Видимо, мало пока прошло времени, чтобы преодолеть сложившиеся за годы Советской власти стереотипы.

Владимир Кузьмин, генеральный директор «Нина Риччи». Мы его встретили в отделе модной мужской одежды. Нас познакомили, и он пригласил нас к себе на чашку кофе. В его небольшом кабинете на втором этаже сразу ощущаешь, как спрессован его график, все рассчитано до минуты. Постоянные звонки. Переговоры со всем миром. Товар мало произвести, даже такой высокоартистичный, как модная одежды и модные духи «Нины Риччи». Это все-таки надо еще и продать. Кузьмин это делать умеет.

Он родился в 1920 году Санкт-Петербурге и приехал во Францию со своими родителями, где с 1917 года уже жил его дед. Кузьмин прекрасно говорит по-русски, но почему-то все же предпочитает в разговоре французский. «У меня, — говорит он, — в детстве практически не было русских друзей. Кроме разве детей друзей моих родителей. И я очень быстро офранцузился. К тому же в моих жилах течет и французская кровь. Мой отец был французом на одну четверть. Одна из его бабушек была француженкой, которая эмигрировала в Россию в 1789 году во время Французской революции. Ее фамилия была Бушей. У меня здесь есть дядя Бушей. А у другого моего дяди жена была знаменитая мать Мария, героиня Сопротивления. По материнской линии я грузин. Дед мой по матери родился в Тифлисе. Но вся наша семья жила в Москве». Сначала его мать стала работать в «Нина Риччи» в отделе готовой одежды. Конечно она получала достаточно скромную зарплату. И все же Владимир Кузьмин закончил университет, факультет права и высшую коммерческую школу. Молодого специалиста взяли на работу в фирму «Филиппе». Но он там не задержался. Роберт Риччи создавал отдел парфюмерии и пригласил Кузьмина его возглавить. Мать его этим была очень обеспокоена и буквально умоляла его не заниматься высокой модой. Он пообещал. Но через пятнадцать дней так случилось, что заведующий сектором высокой моды вынужден был из фирмы уйти, и Роберт Риччи буквально у трапа самолета, который увозил его в Америку, сказал Кузьмину: «Займешься еще и модной одеждой до моего возвращения». Когда Риччи вернулся через три

недели, он решил, что Кузьмин может вполне заниматься и духами, и модами. С тех пор прошло 50 лет.

— Вы наверняка знали жену Роберта Риччи. Какое влияние оказывала она на дела «Нины Риччи»?

— Немалое. Особенно на производство духов. Она была очень красивой и очень динамичной женщиной.

— Дом «Нина Риччи» родился в 1932 году. Из 63 лет его жизни вы проработали в нем полвека. Сколько лет приходится на вашу торговлю с Россией.

— Когда говорят о товарах с маркой «Нина Риччи», естественно, речь не идет о массированных поставках. Пока в России наши товары доступны по цене для немногих. Но мы видим перспективу, и поэтому мы открыли магазин «Нина Риччи» в Москве в 1991-м году. Для меня это стало и личным возвращением в Россию, где я не был с детства.

— Ваши дети говорят по-русски?

— Сын говорит. Дочь — меньше. Хотя, конечно, мы стараемся не разрывать духовные связи с Россией. Хотя мы ничего, кроме ковров, с собой из России не привезли. У меня дома есть русские картины, иконы. Хотя, конечно, православные традиции мы не соблюдаем. У меня жена — бретонка.

— А книги русские вы читаете для души?

— Нет. Я и французские-то не успеваю читать для души. Основное чтение мое — это специальная литература, необходимая мне для работы.

— Какими вы видите перспективы России?

— Если говорить о перспективах экономики, то России понадобится еще три-пять лет для того, чтобы возобновить нормальную экономическую деятельность, нормальную с нашей западной точки зрения.

... Мы прощаемся с Кузьминым. Лидия Антосевич ведет нас в магазин женской одежды. Посетителей здесь, конечно, немного. Товар, как понимаете, здесь штучный, а не серийный. Соответственно этому, конечно, и цены. Но разве настоящий мужчина пожалеет что-либо для любимой женщины, которая захотела приобрести для себя модное платье от «Нины Риччи» со всеми полагающимися к нему аксессуарами?

Русская звезда Луи Ферро

Декабрь — пора дефиле. Все ведущие кутюрье Франции спешат показать свои весенне-летние коллекции. Буйство красок и фантазии художника. Буйство бриллиантов и золотых украшений самых богатых в мире женщин, съезжающихся в эти дни в Париж. Праздник *haut couture* (высокой моды) каждый раз уникален и неповторим.

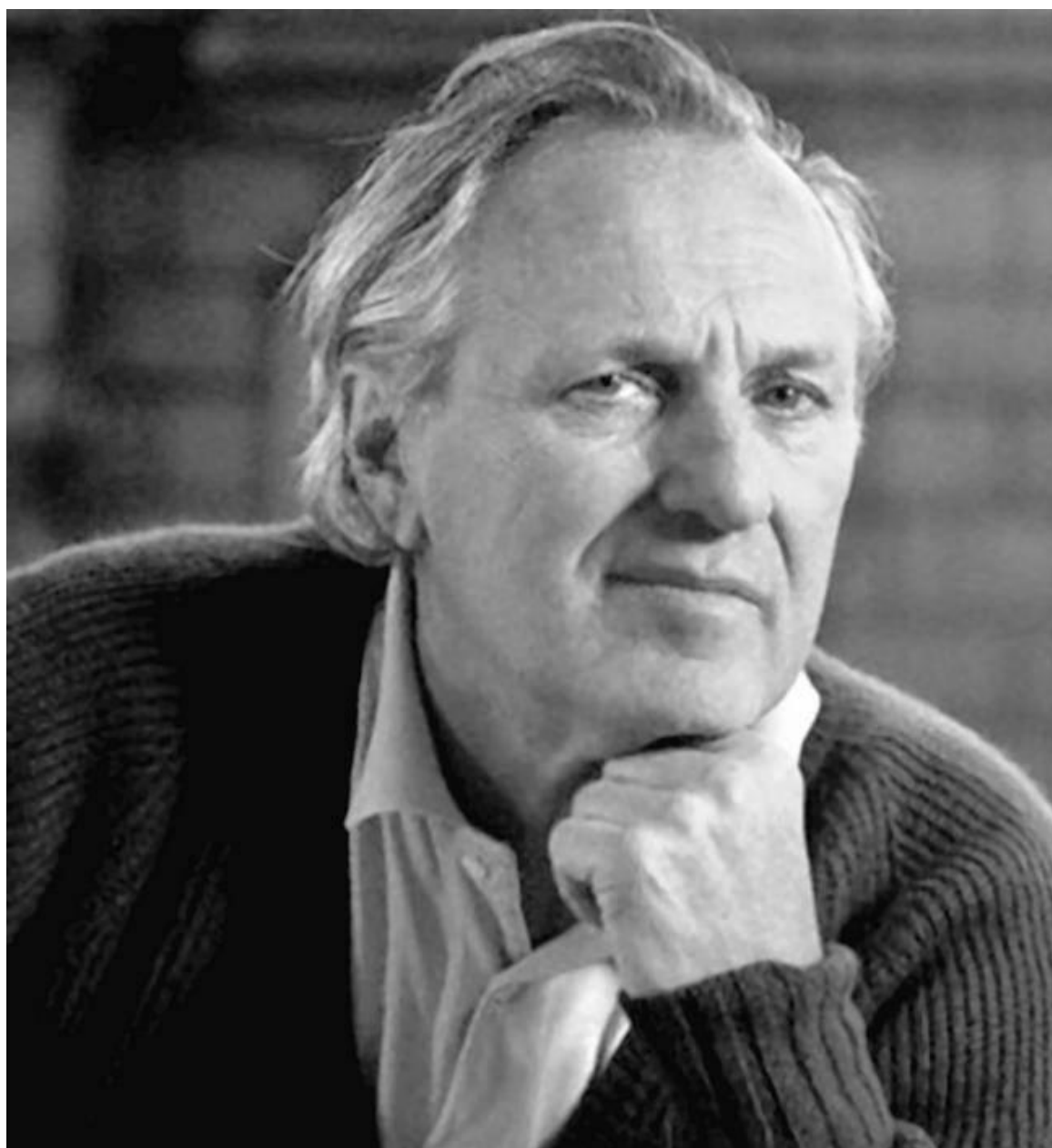
В один из пред рождественских дней я и получил приглашение из дома Луи Ферро, одного из самых высокохудожественных парижских кутюрье. В своих коллекциях он нередко использует мотивы собственных картин. Луи Ферро — известный живописец, и уже поэтому его поклонниц отличает особый стиль и особый вкус.

На этот раз коллекцию модного дома Ферро впервые представляла дочь Луи Ферро Кики. По традиции это дефиле проходит в Лувре, в «Карусель де Лувр». Народу там собралось на этот показ великое множество. Поначалу коллекцию встретили сдержанно. Но вот, как только на языке появилась необыкновенной красоты манекенщица с раскосыми глазами и черными как смоль волосами в оригинальном платье, чем-то напоминавшем по своей композиции нанизанные на шашлычную шпажку яблоки, зал дружно зааплодировал. Кики просияла. Ее новинки приняли знатоки высшего класса. Коллекция, в которой она использовала символы моря с картин своего отца — волны, мятущийся в бурю прибой и солнечные блики на морской глади, позволила ей сдать экзамен на право заниматься высшей модой.

Я заметил, что красавица-манекенщица неизменно вызывает аплодисменты в зале. И дело тут было не только в искусстве Кики Ферро. Девушка удивительно грациозно двигалась, словно входила в море, всем своим телом рассекая морскую волну. С замыслом кутюрье это полностью совпадало. Я подумал про себя: «Умная девочка» и спросил у сидевшего рядом со мной журналиста, весьма осведомленного в мире моды, кто она. «Это — твоя соотечественница, русская манекенщица Люба, — сказал он мне, заговорщицки подмигнув. — Ферро от нее без ума. Он даже в Елисейский дворец к президенту Миттерану приходил получать свой Орден Почетного Легиона с ней».

Мы познакомились с Любой в тот же вечер на приеме в честь Кики и Луи Ферро в модном ресторане «Габриэль» на Елисейских полях, где собрался весь бомонд и где фоторепортеры снимали всех, зная наверняка, что через одного попадут в звезду. Люба была на прицеле всех объективов.

Она была необыкновенно хороша в приталенном вечернем платье с большим декольте и обнаженной спиной, украшенном серебряным и золотым шитьем и тропическими цветами. Фигурка ее была столь изящна, стройна и совершенна, что корреспондентка российского телевидения, бравшая у нее интервью, попросила оператора снять ее в профиль, российским дамам на зависть. Гибкая, как лоза, длинноногая и вместе с тем вовсе не «каланча», Люба может послужить эталоном для любого скульптора, который решил бы изваять непредусмотренную греческой мифологией Музу Высокой Моды.

«Мода не создана для того, чтобы разделять людей, она создана для объединения. Это своеобразное рандеву любви».

(Луи Ферро)

Ожидая своей очереди на интервью нашей российской знаменитости, я разговорился с тем самым журналистом, который мне открыл ее имя. Мы с ним заспорили по поводу того, что же такое «высокая мода». У французов ответ на это однозначен: это высокое искусство. И когда Пьера Кардена избрали действительным членом Французской академии, все споры о том, что это: ремесло или искусство, как бы отпали сами собой. «Муза моды, — пояснил мой собеседник, — занимает место где-то между живописью и театром, ваянием и танцем, историей и современностью».

Действительно, дыхание искусства дает высокой моде жизнь. В ней есть своя поэзия. Она немыслима без музыки. Мода может быть трагичной, может искриться улыбкой, звать любовью, а бывает и откровенно издевательской. Она по одним ей известным законам то обретает лирический облик, то обращается в буффонаду, цирк и даже бурлеск. Ее сцена — «язык» — не мыслима без красивых женщин. Точнее, без самых красивых. Самые модные манекенщицы, такие, как Кэмпбелл, Клаудиа Шифер, за один показ зарабатывают по целому состоянию. Язык рисунка Мастера, создающего «высокую моду», должен соединиться с языком ткани, с цветом и светом, с музыкой и пластикой человеческого тела.

Красивое платье обретает красоту только в единении с красивым женским телом. Есть тут и обратная связь, в чем и заключается загадка Высокой Моды.

Навряд ли Люба Ступакова думала обо всех этих сложностях, когда шла по языку в замысловатых нарядах Кики Ферро. Она была само естество, сама красота, элегантность, женственность, юность. Не случайно же родилась она под знаком Девы.

Ей всего двадцать два года. А когда она рассказывает о своей жизни, то кажется, что ей по меньшей мере в два раза должно быть больше лет. Не верится даже, что за столь краткий срок она успела столько сделать.

Люба закончила спецшколу в Москве, освоила французский. Еще в советские времена ее как лучшую ученицу и комсомолку включили в состав советской делегации, которая была приглашена на празднование 200-летия Французской революции Федерацией советов родителей и учеников Франции. Так впервые она увидела Париж. И там произнесла первую в своей жизни речь, причем не где-нибудь, а на 56 этаже Башни Монпарнас, где шел официальный прием. Ее «спич» приняли на «ура», и ее заметила

сама Валентина Терешкова, космонавт СССР, председатель Союза советских обществ культурной связи с зарубежными странами. Терешкова пригласила ее работать в своем Союзе. Люба вполне могла стать идейно выдержанной функционеркой. Она уже ревностно принялась налаживать культурные связи и даже готовила поездку французской делегации в СССР в связи со 100-летием Шарля де Голля. К тому времени она уже поступила в Институт международных отношений (МГИМО) на факультет международного права. Одновременно училась во Французском колледже при МГУ и закончила его с отличием, как и МГИМО. Еще студенткой она прошла стажировку в Совете Европы в Страсбурге и в конторе известного парижского адвоката Оливье Гаста, в ведущих русских и инофирмах в Москве, победила в добром десятке международных конкурсов, стала одним из создателей клуба молодых деловых женщин в России («Зонта голден клуб»), поступила в аспирантуру Сорбонны, опубликовала десятки статей и заметок в научных журналах, объездила всю Европу и как-то «между делом» стала ведущей манекенщицей дома Луи Ферро. И все это произошло за какие-то пять лет: с 1990 по 1995 годы.

Если бы профессиональный астролог составлял ее гороскоп, то он наверняка нашел бы там тему Франции, с которой ее жизнь связана с детства. По странному совпадению журнал «Пари-Матч» опубликовал ее фотографию вместе с тогдашним мэром Парижа Жаком Шираком во время его посещения Французского колледжа в Москве. Фотограф улучшил пикантный момент: Ширак целует Любу в щечку. И года не прошло, как Люба попадает на практику в Париж, и ее сразу же берет на работу Луи Ферро. Модный дом Ферро расположен буквально напротив резиденции французских президентов — Елисейского дворца... Именно в этом дворце на приеме в честь Ферро Люба познакомилась с ныне покойным президентом Миттераном. Прошел еще год, и в Елисейском дворце поселился ее московский знакомый Жак Ширак, сменивший Миттерана на посту президента.

Люба поселилась с ним по соседству: дом Ферро предоставил ей квартиру в двух шагах от президентской резиденции. Есть во всем этом, согласитесь, некие судьбоносные знаки.

Когда Любу спрашиваешь, а как ей это все удалось, она серьезно отвечает, что так ей хотелось. Хотелось заниматься международным правом, и поэтому пошла и поступила в МГИМО. Хотела поехать в Париж, выиграла конкурс и поехала. Хотела стать манекенщицей, попросила randevu с Ферро, и тот ее сразу принял. Если бы мне кто это все рассказал вот в такой же последовательности, я бы рассмеялся этому человеку в лицо. Но Любе я поверил, потому что в этой волевой схеме «захотела и добилась»

— сама ее суть. Ее так воспитывали с детства ее родители, московские ученые и, конечно же, истовые демократы. Среди ее публикаций в специализированных французских журналах, которые Люба собирает со всей присущей ей дотошностью, мне попала ее статья о Борисе Никитине, известном русском педагоге из подмосковного Болшево, который на своих собственных семи детях поставил гениальный эксперимент: развивал в них интеллектуальные способности с помощью развивающих игр, изнуряющей гимнастики, суровой закалки и постоянного воспитания в них целеустремленности. Получилась, действительно, «великолепная семерка». И метод Никитина приобрел в России огромную популярность. Семья Ступаковых с Никитиными дружила. И Люба стала усиленно пропагандировать его книгу, уже переведенную на 14 языков, и во Франции. И здесь тоже добила своего: ее издали в Париже.

Я не знаю, заставляли ее родители, как Никитин своих детей, ходить по снегу босиком, но знаю, что она удивительно здоровый человек. Прежде всего, здоровый морально. Ее целеустремленность от этого.

Мне даже стыдно моих собственных вопросов, когда я спрашиваю ее: ну как же так, в Париже столько соблазнов, а вот ты живешь в замкнутом цикле «работа — дом — работа». Ты — такая молодая, неужели не хочется закатиться куда-нибудь на целую ночь, погулять, попеть-поплясать?

— Но я не могу поздно ложиться, — с недоумением, что я не понимаю ее, модели, жизни и работы, отвечает она. — Мне надо быть в форме. У меня гимнастика, бег, плавание, теннис. Представляете, сколько это все занимает времени. И уж никак нельзя позже полуночи засыпать...

Я продолжаю настаивать: «Ну, неужели никогда не хочется все послать куда подальше и просто расслабиться?»

Она смотрит на меня своим очень умненьким-благоразумненьким взглядом и разъясняет мне, старому дураку, что манекенщица — это профессия, что надо уметь вживаться в образ, предложенный кутюрье, и находиться в нем сутками.

Ведь манекенщица — это не только показы и дефиле, это еще и фотографирование, фестивали, поездки. Манекенщица, особенно из такого дома, как Луи Ферро, всегда центре внимания, в объективах. Поэтому ни-ни. Режим, гимнастика, строгая диета. При этом она еще умудряется — о Боже! — посещать Сорбонну, работать над диссертацией, писать статьи на французском языке о правовых аспектах франшизы в России, бывать в музеях и художественных галереях. Она непостижимо нормальна, увы, так же, как недоступна.

Характер — кремень. Железная воля. Но она же — слабая женщина! «Очевидно, — продолжаю я выступать в своем амплуа Мефистофеля, —

тебе часто приходится бывать в богемном обществе, в кругу тех людей, где царит вседозволенность...»

«Да, — отвечает Люба. — Я все время нахожусь в этом кругу. И надо уметь ему соответствовать. У меня есть там друзья и приятели, подруги, мы встречаемся. Но это, — она подыскивает слово, — нормально...»

Она не пьет «ни грамма спиртного, даже шампанского», не курит. Она удивительно целомудренна во всех своих манерах, суждениях, взглядах. Она совершенно сосредоточенно и серьезно заранее готовится к тому, чтобы стать идеальной женой и еще более идеальной матерью. Здоровой, прежде всего. Во всех отношениях.

— Твой любимый писатель?

— Достоевский.

— Твой любимый поэт?

— Ахматова. И Цветаева тоже. Я вообще очень люблю стихи и всегда, когда еду куда-нибудь беру с собой томик стихов...

Со всеми своими удачами и достижениями она терпеливо ждала своего женского счастья, прекрасного принца, который должен был явиться именно в тот момент, когда это предусмотрено в ее планах. И она дождалась этого принца. Им стал Алек Вильденштайн, чья баронская династия насчитывает 300 лет. С Фобург Сант-Оноре Люба переселилась в замок Мариенталь под Парижем. Она теперь не Ступакова, а Вильденштайн.

Встречаясь и беседуя с ней, я понял, что совершенно незаметно для нас всех в России поднимается качественно новое поколение россиян, свободных, целеустремленных, воспринимающих жизнь такой, как она есть, без идеологических и прочих иллюзий, и искренне уверенных в том, что быка надо брать за рога, счастье свое ковать самому и никогда ни у кого не сидеть на шее. При всей своей функциональности они, однако, не чужды романтики. Как-никак русская кровь сказывается. И в этом сила нашей нации.

Как-то я задал ей вопрос: «Кем ты себя ощущаешь: гражданкой мира, француженкой или все же русской?» Я знаю многих офранцузившихся русских женщин, которые воспринимают как наивысший комплимент фразу: «Да вы совсем не похожи на русскую». Эти дурочки всем видом своим говорят: «Вернуться в Россию? Да что я, сумасшедшая что ли?!»

Люба и здесь осталась верной себе: «Конечно, я ощущаю себя русской. Везде и всюду. Я не мыслю себя вне русской культуры, своего народа, своей Родины». Если у нее с Алеком будут дети, а они обязательно будут, она воспитает их по методу Никитиных и научит говорить по-русски.

Я видел, как на нее смотрят мужчины и молодые, и в возрасте. Глаза их широко раскрываются, а губы складываются в такую восторженную улыбку,

что она очень смахивает на идиотскую. Красота — это все-таки, действительно, страшная сила.

Я целую ей на прощание ручку и, конечно же, улыбаюсь. Наверное, так же, как все.

Диалог с «Нострадамусом»

... Улица Ренуар идет по крутому правому берегу Сены, как бы отчеркивая границу парижского района Пасси. С давних пор, когда Пасси еще был деревенькой, здесь любили селиться писатели. Об этом свидетельствует сохранившийся до наших дней дом Бальзака на рю Ренуар, в котором создатель «Человеческой комедии» скрывался от кредиторов. После революции Пасси облюбовали русские писатели — эмигранты. Здесь жили или просто бывали Бунин, Цветаева, Гиппиус, Мережковский, Георгий Иванов, Ходасевич. Они говорили, что живут «на Пасях»...

Я поднимаюсь на самый верхний этаж старинного дома с ротондой на рю Ренуар, в котором живет Элен Каррер д'Анкос. Прежде не особенно интересуясь ее биографией, я считал, что она — француженка. И только уже потом узнал, что имя ее напрямую связано с Россией не только в силу ее занятий советологией.

Ее книги «Разваливающаяся империя», «Ленин, революция и власть», «Десталинизация начинается», «Русское несчастье», «Слава наций», «Победоносная Россия» и другие принесли ей за последние 20 лет славу крупнейшего советолога не только во Франции, но и далеко за ее пределами.

В ноябре 1991 года Элен Каррер д'Анкос получила высшее признание для французского ученого и литератора — ее избрали во Французскую академию. Она заняла кресло, в котором до нее сидели Корнель, а затем Виктор Гюго. В приветственной речи академик Мишель Дрюон сказал: «Советологов много. Но Вас отличает от других Ваше личностное отношение и любовь, совмещенная с неимоверной жалостью к тому народу, которого судьба обрекла на “русское несчастье”».

На шпаге академика, которую создал француз грузинского происхождения, мастер Горджи специально для Элен Каррер д'Анкос, есть такие символы: андреевский флаг, Георгий Победоносец, поражающий дракона, Золотое Руно и галльский петух. Это символы России, Грузии и Франции.

Линия матери Элен Каррер д'Анкос восходит к графам Паниным: от Никиты Панина, ближайшего советника Екатерины II, до Софьи Паниной, единственной женщины с правительстве Керенского, министра по делам народного образования. Золотое Руно на ее шпаге — дань памяти отца, по происхождению грузина.

Среди ее предков (это по ее собственному утверждению, что некоторые ее родовитые соплеменники отрицают) — граф Алексей Орлов и его брат

Григорий, фаворит Екатерины II и президент Российской академии, — удивительные все же бывают совпадения. Но это в судьбе Элен Каррер д'Анкос не единственное. Ее бабушка переводила в России на русский язык романы Жорж Санд. Могла ли она подумать, что ее внучка станет действительным членом Французской академии, той самой, где прозванные «бессмертными» академики со времен кардинала Мазарини творят великое таинство: раз в 60 лет издают академический словарь французского языка! И уж, конечно, не могло никому в голову прийти до революции, что в академики эту русскую аристократку будет принимать секретарь Французской академии Морис Дрюон, автор знаменитой серии исторических романов «Проклятые короли», но по происхождению тоже русский. А шпагу академика вручит ей Анри Труайя, признанный классик французской литературы, урожденный Лев Тарасов. И еще пошутит при этом: «Наших тут, кажется, уже многовато...»

... У нее очень живые глаза. Улыбка не покидает уголки ее рта. Она вся в делах: ожидает приезда своего внука, которому сегодня исполняется два года, и день рождения будут праздновать здесь, всей семьей, у нее, признанной главы семьи. При всем при том Елена Георгиевна — так она разрешила мне себя называть — одета безукоризненно, в почти обязательный для французов пиджак-«тайер» канареечного цвета. И когда я попросил разрешения ее сфотографировать, она сказала: «Одну минуточку, я только накрашу губы...»

Я задаю ей вопрос за вопросом, и она отвечает, даже еще не дослушав вопрос до конца, будто считывает мои мысли:

— Вы — Академик, пожизненный член французской Академии. Что это означает для вас? Это работа? Должность? Символ статуса?..

— Я каждый четверг, если только не путешествую, работаю в Академии. Можно было бы, конечно, просто приходить на собрание ее членов каждый четверг, где говорят о том, как пересмотреть академический словарь французского языка. Это, в общем, всего полтора часа работы в неделю. А можно работать в комиссиях, где идет основная работа над словарем, целый рабочий день. Я выбрала второе, потому что люблю языки и для меня это страшно интересно. И к тому же чрезвычайно приятно.

Французская академия существует три с половиной века. В ней неизменно 40 человек. Это своего рода замкнутый клуб. Критерий здесь гениально прост: «бессмертными» должны быть люди и талантливые, и порядочные одновременно. Приятно все-таки, согласитесь, оставаться до смерти в компании порядочных людей.

— Скажите, кем вы больше себя чувствуете: француженкой, русской, в вас есть и грузинская кровь. Что стало для вас определяющим: кровь,

гражданство, культура, образ жизни?

— Родители воспитали меня, хотя и в Париже, но на русской почве. Мой отец был патриотом Грузии. Но он сам решил, что мне надо передать русскую культуру. Во мне поэтому две культуры, два языка. Конечно, и по гражданству, и по жизни я француженка. Но я себя чувствую, как в своей стихии, и в России, в русской культуре. С Грузией у меня более сложные отношения. Ведь я по-грузински не говорю.

— Как впервые состоялась ваша встреча с Родиной предков?

— Это было в 1955 году. Меня познакомили с одним сотрудником французского МИДа, который оказался внуком Плеханова. Во Франции никто не знал, кто такой вообще был Плеханов. А я знала. Однажды он предложил мне поехать в Россию в составе научной делегации. Я была тогда студенткой. В те времена мало кто ездил в Советский Союз, кроме разве что коммунистов.

Меня встретили в России, ну, скажем так, неласково. Вызвало подозрение, прежде всего, то, что я свободно говорю по-русски, а когда узнали, что я из семьи эмигрантов, то и вовсе ужаснулись. Приняли меня, наверное, за шпионку. Обидно было...

— Имена ваших предков тесно связаны с историей России. Есть ли у вас в связи с этим ностальгия по «памятным местам»?

— Я очень люблю Россию. И я этого раньше даже не знала. Первый раз она меня напугала. Слишком много там было Советского Союза и очень мало России. Но ностальгия была и тогда и есть сейчас, хотя и своеобразная. Я люблю большие города. Санкт-Петербург, Москву. В Москве у меня множество всяких любимых закоулочков... Я не стремлюсь идти по следам своих предков. Скорее, мои маршруты там определяет русская культура: я иду по следам Раскольникова, Чехова...

Элен Каррер д'Анкосс, урожденная Зурабишвили (род. 6 июля 1929, Париж), постоянный (пожизненный) секретарь Французской академии (избрана в 1999 году), историк, политолог, специалист по истории России. Сын — известный французский писатель Эмманюэль Каррер

— Почему вы занялись именно советологией?

— Меня интересовал не Древний Рим, а мир, в котором я живу. Коммунизм в то время был на подъеме. И тогда все спорили о том, докатится ли коммунистическая революция до Западной Европы. Вот я и занялась коммунизмом, потому что по своему интеллектуальному складу предпочитаю смотреть в будущее. И мне хотелось понять законы его развития и тем самым — срок его жизни. Так что и в этом плане, не говоря

уже о русских и грузинских корнях, мой интерес к Советскому Союзу совершенно естественен.

— Что вы считаете отправной точкой в ваших трудах о Советском Союзе?

— XX съезд КПСС. Это было, как шок. Приоткрылась завеса, за которой я увидела перспективу. Я начала жадно читать. В том числе и русскую художественную литературу.

— Советских авторов?

— Живших в СССР. Потрясли меня «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Матренин двор» Солженицына. Я вдруг ощутила, что Россия жива, не убита...

— После того, как вы написали свою книгу «Разваливающаяся империя», вас стали называть Нострадамусом от советологии. Жизнь, увы, подтвердила ваш прогноз. А как встретили вашу книгу тогда, в 1978 году?

— Разошлась она огромным тиражом. Но ее атаковали и справа, и слева. В «Фигаро» написали, что я работаю на КГБ, потому что «дезинформирую» западный мир. С другой стороны, коммунисты обвинили меня в том, что я работаю на ЦРУ, потому что «клевету» на СССР. Ну и, наконец, некоторые либеральные критики заявили, что я просто сумасшедшая, потому что никакого национального вопроса в СССР, по их мнению, просто не было. И даже когда началась перестройка, наметились центробежные тенденции, меня все еще спрашивали, ну где же ваши бунтующие мусульмане, малые народы? Сейчас, когда идет война на Кавказе, после кровавых драм в Средней Азии и особенно в Таджикистане, таких вопросов уже не задают.

Почему я пришла к этой книге? С моей первой диссертации, посвященной Бухаре в Российской империи и в первые годы Советской системы, меня волнует главный вопрос: что такое Россия, где она начинается и где кончается? На чем это все построено?

Начав со взаимоотношений между православными и мусульманскими народами в России, я сейчас к этому возвращаюсь, пытаюсь понять, куда пойдет дальше развитие отделившихся республик, как будут складываться их отношения с Россией, что станет с ней самой?

— Вы ищете ответ на то, кто мы: европейцы, азиаты, скифы, как говорил Блок, евразийцы?

— Я хочу понять, каков исторический интерес России. Она не может ориентироваться исключительно на европейский континент. Большей своей частью она расположена в Азии. И потому, скорее всего, ее будущее развитие определит ее двуконтинентальность. И не только я так думаю. Я встречалась с Назарбаевым. Он — умница. И мы с ним долго говорили.

Важно, что он все же желает жить с Россией, а не без нее. И в этом я вижу какое-то окошко в будущее...

— Вы предрекли развал СССР за 13 лет до того, как это случилось. Вы действительно думали тогда, что это близкая реальность?

— Я не думала, что это будет так быстро, скажу честно. Мне казалось, что СССР просуществует до конца века. Но не одна я задумывалась о непрочности Советского Союза. И Амальрик написал книгу под названием «Доживет ли СССР до 1984 года?» Он ошибся всего на 7 лет.

В этих предсказаниях нет чуда. Есть анализ. Когда я только начинала изучать всю эту проблематику, документов в руках у меня было мало. Но я обратилась к истории Второй мировой войны. Там был уже какой-то момент развала. Но гитлеровская политика и свирепость, то, что фашисты повели себя на оккупированных территориях, как дикари... Может быть, это и спасло тогда Союз. Ведь на Украине поначалу их встретили многие хлебом-солью. Да и взаимоотношения других народов с немцами тоже заставляли меня задумываться о том, что «единство советского народа», о котором так уверенно писала всегда ваша печать, — это вовсе не аксиома.

И Ленин, и Сталин осуществили все это деление на национальные районы, области и республики настолько произвольно, что было с самого начала ясно многим: придет время, когда люди начнут это оспаривать.

Например, сейчас таджики открыто отрицают право узбеков владеть Самаркандом. И доказывают, что исторически они имеют на это право. Так, когда делили Среднюю Азию на республики, разве об этих претензиях не знали? Конечно, если бы был жив Сталин, никто бы не резал горло соседу. Да и при Горбачеве на первых порах. И тем не менее постсоветское кровопролитие — это результат того раздела России на национальные «улусы», авторами которого были большевики.

— Мог ли, по-вашему, Горбачев удержать Союз от распада? И хотел ли он его сохранить? Как вы вообще относитесь к Горбачеву?

— Поначалу Горбачев мне понравился. Мне казалось, что он начинает мирную реорганизацию Союза. Горбачев не хотел его ликвидировать. Я и сама не считала, что СССР необходимо было, скажем так, распустить. У меня никаких к тому же нет здесь личных интересов. Но я считала, что реорганизация его нужна. И, когда надо было двигаться к такой реорганизации, Горбачев начал пропускать момент за моментом. Примерно с 1989 года он, видимо, уже перестал что-либо понимать и считал, что надо просто удержать Союз, а в результате упустил момент, когда его все-таки можно было спасти. Из-за его упрямства в значительной мере ничего из этого не вышло.

Он ничего не понял в литовской истории. Я уже не говорю о грузинской истории. В общем, в один прекрасный день я поняла, что он — человек конченный. И надо смотреть в другую сторону. Я не могу, говоря о нем, оперировать категориями «люблю» или «не люблю». Но я могу доказать, что он не тот человек, которым люди на Западе хотят его видеть. У меня, поймите, нет никакой личной оппозиции к Горбачеву. Я рассматриваю его как историк. И именно поэтому считаю, что нам всем еще придется многое пересмотреть. Многое неясно мне, кстати, и в истории путча. В том числе и позиция Ельцина мне неясна. После путча Горбачев себя вел не лучшим образом. Он упустил момент, когда нужно было себя вести, как великому политику. И как интеллигентному человеку. Он держался за власть, когда от нее надо было с достоинством отказаться. И, если бы он именно так и поступил, в истории осталась бы о нем совершенно иная память. Ему надо вообще было либо вовремя уйти, либо быть более тонким политиком и сделать вид, что он уходит. Он не сделал ни того, ни другого. Сидел, как дурак, и говорил: нет, я не уйду. А затем это... то, что турки называют «базарлык». Эти разговоры о том, какую ему оставят машину, дачу и т. д. Неэлегантно это. Ельцин тоже тут повел себя не лучшим образом. В общем, оба они оказались не на высоте. И, наконец, эта история с Конституционным судом... Если уж человек сыграл такую историческую роль, то тут надо подумать немножко о себе как об исторической фигуре, о своей репутации, а не просто о своих личных, сиюминутных интересах. Но вот тут-то Горбачев и не смог, как говорят, преодолеть планку.

Тем не менее несмотря ни на что все же последняя революция в России была совершена в основном без крови. И это заслуга Горбачева. Когда-нибудь подлинная история Горбачева будет написана. Пока рано. Надо смотреть архивные документы, анализировать все заново. То, что публикуют сейчас, — это либо сплошная горбомания, либо ненависть к нему. Объективности нет.

— В своей книге «Слава наций» (1990 год) вы пришли к достаточно парадоксальному выводу, когда написали, что только развал СССР, если он произойдет, поможет входящим в него республикам понять сложившуюся у них историческую общность с Россией. Прошло немного времени после сговора в Беловежской пуще, а жизнь действительно подтверждает ваш вывод...

— В этой книге я писала, что Россия и другие нации уже не могли далее жить вместе в рамках прежнего Союза в условиях жесткого централизма. Перемены были неизбежны. Но я не считаю тем не менее, что Беловежская пуща ознаменовала собой конец процесса. История никогда не заканчивается таким образом. Я не скажу, что Союз возродится. Но в

будущем, пусть не все бывшие республики, но часть их придут к новому альянсу. Здесь, конечно, многое определит то, какую роль сыграет Украина. Куда пойдет Казахстан. Особенно Украина. Есть на Западе силы, подталкивающие ее к окончательному разрыву с Россией. Украину воспринимают как европейское государство, ей сулят перспективу со временем вступить в Европейское сообщество. Россию же продолжают воспринимать как государство азиатское. И при этом Запад не понимает, что разрыв Украины с Россией был бы огромной трагедией не только для России, но и для всей Европы. Я согласна с Солженицыным. Все возможно для России, кроме разрыва с Украиной и Белоруссией. Россия без Украины — это историческая трагедия. Это означало бы, что граница Европы пройдет по русско-украинской, что Россию вытолкнули из Европы. Запад не понимает, какая это будет трагедия. И я боюсь, что Запад будет и впредь вести себя здесь весьма неосторожно. Я, кстати, именно поэтому стала советником Европейского банка реконструкции и развития. Я считаю, что смогу через него оказывать влияние, разъяснять, что неосторожную политику на этом направлении Западу следует остановить.

Я была в Грузии после того, как она стала независимой, и долго говорила с Шеварднадзе. Он понимает, что Грузия не может жить одна, она должна найти какую-то форму связи с Россией, хотя с этим моим тезисом явно не согласится грузинская эмиграция. Возможно, что Узбекистан, Таджикистан пойдут по другому пути. Время покажет...

— Какие сценарии развития нынешнего СНГ вы считаете наиболее вероятными?

— Я не верю в реинтеграцию бывших советских республик в Новый Союз. Скорее, они создадут нечто напоминающее «Общий рынок» в Западной Европе. Им придется решать и территориальные вопросы, самые трудные. Нельзя все время все откладывать на потом. Не получится. Возьмите, например, крымский вопрос. Россия без Крыма — это что-то все-таки не совсем нормальное. И почему Крым при Хрущеве был приписан к Украине, никому не известно. Это была глупость и большая. Надо будет решать этот вопрос. Решать и вопрос крымских татар. Нельзя ведь просто так игнорировать историю России двухсот последних лет.

Так что все это пока — переходный этап. И в этом свете надо рассматривать все явления сегодняшнего периода. Нет ничего стабильного. Я не исключаю даже, что и России придется пересмотреть свои границы. Одно дело — Татарстан. Казань уже более четырех веков живет в составе России и в российской организации. Четыре-пять веков — это уже необратимо. Но Кавказ — это немногим более века. Там каждый еще себя мнит Шамилем. И тут никакой совместной жизни, я думаю, не будет.

Какую-то реорганизацию придется принять, чтобы избежать ежедневных войн.

— В одной из своих последних книг «Победоносная Россия» вы говорите о России будущего, о ее возрождении как великой державы. Что питает эти ваши надежды? Какой вы видите будущую Россию?

— Россия — это историческое государство и историческая нация одновременно. Есть нации, которые, достигнув своего предела, распадаются на маленькие страны. У России, видимо, другая судьба. У нее огромные территории и богатства, хотя их пока и не могут рационально использовать. Различные народы, живущие в составе России, исторически объединены. Общая судьба их связывает много веков. Россия, несмотря на нынешнюю разруху, это не третий мир, а страна развитая. Население ее в массе своей образованно. И хотя народ долго подвергали идеологической обработке, люди на родине моих предков нормальные. На Западе это не всегда понимают. Здесь судят о России по фильмам Лунгина «Такси блюз», и «Луна-парк». Но это — большой город, а не вся страна. Такие фильмы можно сделать и о Франции.

Нельзя абсолютизировать понятия и мыслить стереотипами. Я верю в будущее России и ее народ, который единственно и может возродить ее величие. Для этого у России есть все возможности. Без нее не будет европейского континента. Я считаю, что европейцам надо сейчас как можно активнее прийти на помощь бывшим социалистическим странам. И, в первую очередь, России. Это и их обязанность и долг.

— Вам приходится принимать участие в различных форумах, на которых обсуждается вопрос о помощи России. Какое у вас сложилось впечатление? Готов Запад помогать России вновь встать на ноги, либо он не хочет видеть ее великой, а предпочитает, чтобы она распалась на мелкие княжества и волости, чтобы так было ее удобнее эксплуатировать?

— У Запада сейчас нет ясной доктрины. О помощи говорят все время, но как в опере, где поют «Мы идем, идем!», а все стоят на месте. Помощь пока очень маленькая. И европейские страны, которые, в первую очередь, должны быть в этом заинтересованы, чувствуют себя с Россией неуютно. Здесь не понимают, что такое Россия. Для многих это какой-то зверь. Советский Союз — то было нечто пугающее, но зато знакомое, привычное. На Западе по-моему просто до сих пор не поняли, что Россия существует. Не Советский Союз, а Россия. И они считают, что раз Союз развалился, то и Россия должна развалиться. Вместе с тем заявляют, что Украина не должна развалиться.

Япония поставила вопрос о роли азиатских стран. Она готова помогать именно азиатским странам на территории бывшего СССР. Видимо, речь

вообще идет о каком-то новом блоке азиатских стран, который может представлять потенциально немалую угрозу для европейского мира. Запад должен понять, анализируя такого рода процессы, что Россия — это часть Европы, что разлагать ее по кускам — не дело, ибо это в конечном итоге ударит по самой же Европе. Азиатские страны пошли вперед, и они Европе подарков делать не будут. А России нужно куда-то прописаться. Я считаю, что в интересах Европы помочь как можно быстрее поставить Россию на ноги. В этом отношении я оптимистка. И именно поэтому говорила в своей книге о Великой России. Я могу только в хронологии ошибиться. Но, в общем, я права. В конце XIX века Россия показала огромный динамизм. Ее развитие было изумительным. Этого никто не ожидал. Это показало, какой гигантский потенциал есть у русского народа. Страна — великая.

...Мы не раз встречались и говорили с Элен Каррер д'Анкос и после той нашей первой беседы у нее дома на рю Ренуар. Она во многом оказалась права, предсказав почти все основные этапы развития России после 1991 года. Не зря ее прозвали Нострадамусом. Самое главное ее предсказание, однако, не в этом.

Элен Каррер д'Анкос считает, что демократическая система, капитализм, установились в России окончательно и необратимо.

«Русские, — говорила она мне, — нормальные люди. Они не глупее других и также способны воспринимать демократию, как и другие. В конце концов, в истории России демократические начала были еще в XII веке».

Россия Питера Устинова

Папа Юмора и Изящной Словесности

Про Питера Устинова уже при его жизни говорили как о великом актере, драматурге, писателе. Его я знаю давно. Мы с ним встречались не раз в Париже еще в 80-е годы. Он родился в Лондоне в 1921 году, в семье журналиста, наполовину русского, наполовину немца. Его мать из рода Бенуа, французских простолюдинов, получивших дворянство в России. Он написал 23 пьесы, среди которых у нас более всего известны «Любовь четырех полковников» и «На полпути к вершине», сценарии для 9 фильмов и 13 книг. Он сыграл главные роли в 40 фильмах и в 20 пьесах, поставил сам 8 фильмов, столько же пьес и 14 оперных спектаклей. Он ученый, исследователь, он был ректором университета в Данди и в Дерхеме (Англия). Он был возведен в ранг пэра Англии самой английской королевой и потому именуется сэр Питер. Я никогда не мог, однако, представить себе, что его изберут еще и папой. Но не папой римским, а Папой Юмора и Изящной Словесности.

Случилось это так. Он позвонил и узнал, в Париже ли я. Сказал, что будет сюрприз. А затем через два дня я получил приглашение на торжественный прием по случаю избрания Питера Устинова вышеобозначенным «Папой» на бланке «Chateau Pape-Clement», на котором замок, знакомый мне только по бутылкам роскошного вина Grave, был вытеснен романтическим силуэтом над перекрещенными позолоченными ключами с наложенной на них папской тиарой. Это до сих пор символ замка, который действительно принадлежал в Средние века папе Клементу V.

Сэр Питер Александр Устинов (1921–2004) — британский актер театра и кино, кинорежиссер, постановщик опер и драматических спектаклей, драматург, сценарист, писатель, газетный и журнальный колумнист, теле- и радиоведущий, продюсер. Лауреат премий «Оскар», «Эмми», «Грэмми», «BAFTA», командор ордена Британской империи, рыцарь-бакалавр

Пока в ресторане роскошного отеля «Плаза Атен» собирались и рассаживались гости, приглашенные, как и ваш покорный слуга, на чествование нового папы, виноделы из Грав рассказали мне об истории их знаменитого замка и о винах их района. В значительной мере история эта связана с папой Клементом V. Это имя принял в 1305 году архиепископ Бордо Бертран Гот. Резиденция пап была тогда не в Риме, а во французском городе Авиньоне и выборы нового папы не могли обойтись без тогдашнего короля Франции Филиппа Красивого. Филипп подарил новому папе обширный домен в районе Грав вместе с замком, который тот и назвал «Папа Клемент» (Отсюда и название замка и производимого в нем вина — «Chateau Pape-Clement»). Новый папа был человеком, весьма хозяйственным, прекрасным виноделом. Он самолично проверял посадки новой лозы, все колышки, жерди и подпорки, поддерживавшие виноградные кусты на его виноградниках, следил за изготовлением бочек, как и за всем процессом изготовления вина. Качество вина, конечно, от этого лишь улучшалось. Впервые при дворе Папы в Авиньоне пили грав. Это вино особое.

Бернар Магре, нынешний владелец «Шато Пап-Клеман» с 1992 года, присуждает титул «папы» выдающимся людям, добившимся первостепенных успехов в той или иной области. В 1993 году Папой Сигар был избран Зино Давидов. Мстислав Ростропович стал в 1994 году Папой Музыки. В 1995 году знаменитый Ив Кусто, ныне покойный, был возведен на престол Папы Моря. А затем в 1996-м настала и очередь Питера Устинова.

В «Плаза Атен» собрался весь французский «бомонд». Кого там только не было. Писатели, актеры, телеведущие, кинорежиссеры, академики. Рай для любителей автографов. Я поймал себя на мысли, что все же трудно внутренне не ахнуть, даже при нашей журналистской профессии, когда вдруг видишь рядом таких людей, как Жак-Ив Кусто, Робер Оссейн и Питер Устинов. Питер был великолепен. Он произнес прекрасную, думаю, наполовину сымпровизированную речь о пользе юмора, который, как и хорошее вино, не только сближает людей, но и продляет им жизнь. После великолепного под грав «Chateau Pape-Clement» ужина новому Папе пришлось позировать для фото и телевизионных съемок. Устинов явно этим тяготился. Когда жар юпитеров рассеялся, я подошел к нему и спросил, сумеет ли он совместить со всеми своими многочисленными обязанностями еще и роль Папы Юмора и Изящной словесности. Он ответил: «Я попробую, Владимир. Мне просто надо будет для этого немного больше спать, чем сейчас. И открывать ночью в доме помимо всех форточек, как я

это делаю обычно, еще и балконную дверь». Не зря все же его избрали Папой Юмора.

Я спрашиваю, что он думает о вине Папы Клементя? Устинов загадочно улыбается и говорит: «Вино великолепное. Особенно 1989 года. И как человек с французской кровью, я предпочитаю красное вино. Но в силу своего происхождения из русских дворян Бенуа, а предки моей матери получили дворянство в России, я все же люблю вино белое. Приезжайте ко мне в Швейцарию, угощу вас вином со своего виноградника».

«Как еще и это? Когда же вы все успеваете?» — «Все очень просто, — ответил он. — Отдыхая от одного дела, делаю все другие. Помните, как я давал вам свое интервью, опубликованное в “Правде”?»

Я вспомнил это интервью, датированное 1988-м годом. Действительно, оно было уникальным.

На полпути к консульству.

... Внутренний дворик разделяет многоквартирный дом на рю Винеz в престижном парижском районе Пасси на две части, и, если бы не консьерж, я не сразу бы разобрался, в каком именно лифте надо мне подниматься на искомый третий этаж.

— Вам господина Устинова? — осведомился консьерж. — А вы с ним договаривались?

— Договаривались, договаривались! — послышалось из раскрывшего двери лифта, и в вестибюле появился Питер Устинов собственной персоной, улыбающийся давно знакомой мне по его фильмам «Билли Бад» и «Багдадский вор» улыбкой.

— Ради бога извините, — сказал он, — но я должен срочно ехать в советское консульство. За визой. И еще мне надо заехать в одно место за телеграммой, в которой подтверждают, что меня приглашает в Москву «Мосфильм», где решили снять фильм по моей книге. Так что наше интервью придется перенести на другой день...

— У меня есть такое предложение, — ответил я Устинову. — Мы едем за телеграммой и в консульство на моей машине. А по дороге вы отвечаете на мои вопросы. Договорились?

Он согласился. И, сев ко мне в машину, покорно взял в руки мой диктофон. Так началось это необычное интервью, которое продолжалось с перерывами в машине, в консульстве, во время нашей прогулки по улицам Парижа и даже в фотоателье, куда он зашел сфотографироваться на визу.

У фотографа он сказал: «Когда я прохожу мимо витрин фотостудий, в какой бы стране я ни был, я всегда поражаюсь, насколько люди похожи друг на друга. Все люди. Все земляне. По фотографии на паспорт, например,

можно определить только расовую принадлежность человека, но практически невозможно узнать, в какой стране он живет...»

— Я где-то читал, что антропологи выявили 12 типов людских лиц, которые встречаются во всех расах. Мне, однако, никогда не приходило в голову проверить, так ли это, у профессионального фотографа. Я, например, плохо различаю африканские лица или, скажем, японцев. Мне они все кажутся одетыми в униформу...

— Не скажите. При всей похожести люди не теряют своей индивидуальности. Я помню, когда меня призвали в армию, у нас отобрали гражданскую одежду. Но вот парадокс: индивидуальность из нас буквально фонтаном забила, едва нас всех одели в униформу. Я думаю, что это естественная человеческая реакция на попытки всех сделать одинаковыми...

— То же самое происходит, когда человека заставляют «жить, как все» или же когда одна нация приглашает все остальные жить, как она, не признавая за другими права на индивидуальность. Вот тут начинаются проблемы. Хотя и в обычаях, нравах у землян тоже много общего. Например, у русских и американцев...

— Верно. Но вот когда я попытался сказать, что и русские такие же люди, как все, то это вызвало у многих здесь, на Западе, резко негативную реакцию.

— Вы имеете в виду вашу книгу о России?

— Не только. И мой шестичасовой фильм о России тоже. Я его сделал с помощью одной западногерманской фирмы — никто больше не брался за это, считали, что я слишком дружелюбно настроен по отношению к русским. Заметьте, это было еще при Черненко...

Фильм имел успех оглушительный. Даже американцы, которые говорили, причем с самого начала, что я «некритичен», хотя это и не так, купили его. Вы написали книгу «Моя Россия», где с большой симпатией пишете о русских, о вашей исторической родине. Эту книгу в Англии, например, встретили в штыки, да и не только там. Чем это объясняется? Закостенелым антисоветизмом? Русофобией?

— Уже одни размеры России заставляют людей нервничать. На Западе всегда боялись ее потенциала. Боялись, что она вдруг возьмет и всей своей силищей навалится на остальную Европу.

Может быть, именно эти страхи и породили миф о «российском экспансионизме».

Между тем русские никогда этим не грешили. Если они когда и приходили с оружием в Западную Европу, то только по приглашению своих союзников. Ну а что касается экспорта идеологии, идей, то кто их в наше

время не экспортирует. Возьмите культурную экспансию США, других стран.

Запад многого в России не понимает. Как только в СССР начались националистические выступления в Армении, в других местах, у нас тут же объявили, что «Россия вот-вот развалится», потому что «завоеванные царями народы хотят независимости». Но русские и при царях никого не завоевывали, даже когда у них был шанс это сделать. Возьмите хотя бы историю их краткого пребывания на Гавайях — побыли и ушли. И Аляску тоже продали. Подавляющее большинство народов Советского Союза в свое время вошли в состав России по собственной доброй воле. И именно поэтому ваши движения за автономию в большинстве своем не сепаратисты. Они, скорее, сродни тем националистическим группам и партиям, которые есть, например, среди бретонцев (во Франции), басков (во Франции и Испании), шотландцев (в Великобритании) и т. д.

Наконец, на Западе не хотят понять, что у русских в силу самой их истории — а на них все время нападали извне, и чаще всего с Запада, — существует естественное стремление максимально защитить себя и свою независимость от любого агрессора. Отсюда и ядерное оружие, и ракеты. Я никогда не верил, что это накоплено для нападения на Запад.

— К сожалению, так, как вы, на Западе мало кто думал до сих пор...

— Да, и до сих пор, к сожалению, говорят о «советской угрозе», хотя агрессивность русских сейчас уже как раз мало кто верит. Разве что французские обыватели. Но у них для этого особые причины.

Интересно, какие же?

Устинову, видно, хочется разбавить разговор на политические темы юмором и он тут же реагирует:

— Причин много. В том числе и чисто гастрономические. Дело в том, что русский царь Александр I еще в начале прошлого века неудачно пошутил, сказав, что его казаки, которые вошли в Париж после разгрома Наполеона, потому разбили свои биваки на Елисейских полях и варят там пищу в походных кухнях, что им не нравится, как французы готовят. Большого оскорбления французу нанести невозможно. Наверное, именно поэтому французский обыватель, повторяя легенду об «экспансионизме русских», забывает о том, что это Наполеон напал на Россию, а не наоборот. Об этом вообще давно забыли. А вот о казаках до сих пор помнят. И когда начинаешь говорить о миролюбии русских, тут же найдется какой-нибудь эрудит, который скажет: «А вы знаете, что русские казаки стояли на Елисейских полях?!»

— Да, Европе всегда вроде бы хотелось вовлечь Россию в западное сообщество, а сделать это не давал панический страх перед тем, что вдруг

это действительно произойдет? Поэтому то протянут нам руку, то спрячут ее за спину. А предлог всегда найдется. Вчера это был «русский экспансионизм», потом — «советская угроза», сегодня — «нарушение прав человека». Что завтра?

Что касается прав человека, то тут основания для критики в ваш адрес, надо признать, были. Хотя, конечно, не правы те, кто полагает, будто русский народ нуждается в постоянных поучениях на этот счет. Я слышал утверждения, будто русские инстинктивно не приемлют права человека. Но это бред. Я приведу только один пример. Когда в 1960 году американец Пауэрс, пилот самолета V-2, был, сбит над территорией СССР, то в самом дальнем, как говорят, медвежьем углу России, на который он буквально с неба свалился, люди, его обнаружившие, отнесли к нему, как к пострадавшему человеку. Я не уверен, что с такой же терпимостью в то время отнесли бы в США к советскому пилоту, свались он с неба где-нибудь посередине Америки. Это говорит, прежде всего, об органическом уважении простого русского человека к правам других, к правам человека в самом широком плане.

Очевидно, это связано и с традиционным для русских поиском смысла жизни. В чем-то это влияние религии, с которой началось развитие искусства и литературы, вообще культуры в России. И не без влияния религии в русском национальном сознании сформировалось то отношение к искусству, которое мой двоюродный дед Александр Бенуа назвал в своей книге «благочестивым». Это очень четкое слово.

Вместе с тем Россия всегда была ну как бы вне всего, и Запад воспринимал ее подобно пассажирам экспресса, наблюдающим за человеком, бегущим за поездом без всякой надежды его догнать...

— И по сей день нас воспринимают так же?

Перефразируя древних, скажу так: по мере того, как вы меняетесь, меняется и отношение к вам.

Тайны семейных корней

... Я неудачно притормозил, и водитель огромного «мерседеса» меня буквально обсигналил, выражая тем самым свое недовольство моим поведением на дороге. Этому ему показалось мало, и у светофора он меня догнал и высказал мне свое «Пфэ!» уже устно. Сам он при этом так разволновался, что весь покрылся красными пятнами, и, увидев мою сочувственную улыбку, обозлился еще больше, да так газанул, когда дали зеленый, что едва не врезался в грузовик.

— Знаете, — прокомментировал эту сцену Устинов, продолжая свои рассуждения о враждебно к нам настроенных людях, — многие считают, что врага иметь хорошо, полезно. По их убеждению, это обостряет инстинкты и быстроту реакции, способствует деловой активности и помогает понять, где ты находишься. Есть люди, которые просто жить не могут без внешнего врага.

— Может быть, это все-таки от непонимания. Вот ведь даже Черчилль говорил о России как о секрете, завернутом в загадку и укрытом непроницаемой тайной.

— Это, на мой взгляд, мистика. Россию надо изучать по-настоящему, чтобы ее понять. А интерес к этому сейчас огромен. Я получил сотни писем после своего фильма о русских, и ни в одном из них не было укоров в мой адрес за симпатии к русским.

Говоря о загадках. Ответьте на такую: как вы обнаружили свои русские корни?

— История нашей семьи весьма забавна. Недавно советское посольство в Лондоне переслало мне целую кипу документов. Их переправила в Англию одна женщина, которая занимается научно-исследовательской работой в Саратове. В историческом архиве этого города она разыскала очень много данных о нашей семье. В том числе и рисунок моего прапрадеда, приписываемый А. С. Пушкину. Впрочем, это, скорее, карикатура. Прислали также и рисунок того дома, в котором мои предки жили в Саратове. Судя по всему, наш род пошел из Царицына, нынешнего Волгограда. Именно оттуда мой прадед двинулся в Сибирь. Легенда утверждает, что он, хотя и не был грузином, прожил не то 108, не то 113 лет. И говорят, что он к тому же был совсем не худой...

Устинов выразительно поглаживает себя по похожему на прадедушкин животик и смеется:

— А мне, кстати, пока всего 68! Уж я своего шанса перегнать предка не упущу. — Отхохотавшись, он продолжает рассказ: — Мой дед дослужился до офицера-кавалергарда, был весьма остер на язык и своих взглядов, кстати, достаточно радикальных, не скрывал. Он дружил со многими выдающимися людьми того времени, в том числе с Мусоргским. Во время каких-то маневров он упал с лошади и повредил себе позвоночник, так что на долгие годы остался прикованным к постели. А это, признайте, в тот век, когда не было телевидения, нелегко вынести. В результате он полюбил девушку, которая ухаживала за ним. А она была из немцев Поволжья, семья ее жила в Покровске, нынешнем Энгельсе. Любовь была такая, что он даже принял лютеранство. В России того времени православному, да тем более дворянину и офицеру, такое не прощалось. Дед был разжалован и по приказу государя-императора выслан на 40 лет из пределов России в ссылку. Так он стал гражданином существовавшего тогда княжества Вюртемберг. И поэтому мой отец не говорил по-русски.

— А вы говорите?

— Отшен плохо. Так вот, там моя несостоявшаяся бабушка на своей исторической родине деда бросила и сбежала в Австралию с капитаном дальнего плавания. Я на нее зла не держу за это, ибо дед к тому времени уже поправился. Может быть, именно поэтому я до сих пор переписываюсь с ее детьми от того, другого деда...

— А что же наш кавалергард? Вернулся в Россию?

— Не сразу. Под конец жизни он стал очень религиозным человеком и переселился в Палестину. И там, несмотря на то, что он все еще по указу царя находился в ссылке, его сделали почетным консулом в Иерусалиме, и он занимался делами русских монахов.

«Лучше Франции ничего пока не придумано».

(Шарль де Голль)

Вернулся он в Россию, как только началась Первая мировая война, успев до этого жениться второй раз — на моей бабушке, которая наполовину была эфиопкой. Он заявил, хотя уже был в преклонном возрасте, что раз России угрожает опасность, желает немедленно вернуться в свой полк, где он числился по указу царя все же не в отставке, а в резерве. Это, если хотите, пример «русского фанатизма». Умер он в Пскове в возрасте 80 лет. И как раз началась революция...

— А ваш отец приехал в Россию с ним?

— Да нет. Он же был гражданином Бюртемберга до аншлюса и впоследствии стал офицером немецкой армии. России он совершенно не знал. И только после войны решил поехать туда в первый раз в своей жизни, надеясь найти родителей. Дед, как я уже сказал, умер к тому времени. Мать и сестру отца арестовало ЧК, и они сидели в тюрьме в Пскове. Никто не знал там, что с ними делать. С помощью русского комиссара отцу все же удалось освободить их из тюрьмы и получить проездные документы, по которым он вывез родных в Каир через Стамбул. Гораздо позже они стали с этим комиссаром друзьями уже в Лондоне, куда тот был назначен советским послом. Имя этого комиссара — Майский. Да, я забыл, что по пути в Каир мой папа задержался на две недели в Петрограде, где встретил мою мать и на ней женился. К венчанию оба они «шикарно» оделись. Мама венчалась в ночной рубашке своей бабушки, а отец — в спортивном костюме. Скоро произвели и меня на свет, что случилось уже в Лондоне, где отец работал корреспондентом немецкого телеграфного агентства.

Незадолго до войны отцу предложили работу пресс-атташе в посольстве Германии в Англии. Но вскоре МИД Германии возглавил Риббентроп, который потребовал от всех проверки на расовую чистоту. Ну, с нашей русской и тем более эфиопской кровью на звание арийца рассчитывать просто не приходилось. Короче говоря, отец возмутился и ушел из посольства, хлопнув дверью. Я узнал об этом во время занятий в школе, где сидел за одной партой с сыном фон Риббентропа. На следующий день из Берлина пришла телеграмма, в которой МИД Германии требовал, чтобы отец срочно вернулся в Берлин. Можно было догадаться, что его ждал минимум концлагерь. Отцу ничего не оставалось, кроме как попросить убежища в Англии. Так он, а значит, и вся наша семья, стали гражданами Великобритании.

— Со сколькими же странами связан ваш род Устиновых?

— Я не подсчитывал. Отец был немцем, а стал английским подданным. Его брат был убит во время Первой мировой войны, как немецкий офицер. Другой его брат — гражданин Канады, но живет в Лос-Анджелесе. Самый младший брат — аргентинец, а сестра отца, моя тетка, — ливанка. Ну а я

сам женат на француженке, а вы знаете, что, по мнению француженок, женщина может жить только в одном городе мира — это в Париже. Вот именно поэтому, хотя я сам и предпочитаю жить в Швейцарии, я подолгу живу во Франции и реже — в Англии. Но все это для меня — дело не первостепенной важности, где кто живет, какого кто гражданства. Мое отношение к России тем более этим не определяется. Я внутренне ощущаю свою с ней связь. И особенно когда пишу пьесы и книги. Вот, например, у вас Театр имени Моссовета поставил мою пьесу «На полпути к вершине». Так вот, русские актеры сыграли ее лучше, чем кто-либо другой на Западе. И я, может быть, именно тогда понял, что я русский писатель по своему мироощущению...

Диалог с Богом

— Русский писатель для вас, следовательно, категория скорее духовная, чем чисто национальная...

— И да, и нет. Я приведу вам один пример. В моем сериале есть диалог с Достоевским, которого играет русский актер. И я спрашиваю Достоевского: «Должно быть, у вас много горечи на душе после того, как эти идиоты сослали вас на четыре года в Сибирь и затем заставили служить солдатом в армии еще восемь лет?»

Достоевский смотрит на меня с удивлением и говорит:

«Да, я признаю, что они идиоты. Но я их не виню, так как они дали мне все мои сюжеты, всех моих героев...» Это чисто русское. Это мало кто понимает...

На Елисейских полях неподалеку от отделения Аэрофлота к нам подошел седой старик — парижский вариант Мельника из «Русалки» — и, протягивая нам отпечатанные на ротаторе листочки, сказал: «Господа, совсем недорого, купите, не пожалеете, прекрасные стихи. Вот послушайте...» Он принялся читать, кстати, действительно, неплохие стихи. Толпа обтекала его. Изредка бросали монету. Стихов же никто не брал. Устинов сказал:

— Мне иногда в голову приходила такая мысль: на Руси издавна преследовали творческую интеллигенцию именно потому, что русские, как ни один другой народ, чрезвычайно серьезно относятся к своей литературе и своему искусству. В других обществах на писателей, например, всем просто наплевать. Я поясню. Допустим, кто-то из ваших известных поэтов, ну, например, Вознесенский, вздумает почитать свои стихи на улице. Что тут произойдет?! Соберется толпа, перекроет улицу. Милиционеру придется направлять транспорт в объезд. Правда, есть риск, что милиционер с этой задачей не справится, так как при первом же удобном случае отвлечется от своих дел, чтобы послушать поэта. На Западе такое невозможно. Тут творческую интеллигенцию высоко не ставят.

— Я бы этого не сказал о Франции, здесь к ней относятся, пожалуй, как нигде серьезно.

— По внешним признакам да. Здесь писатели нередко становятся даже министрами. Например, Мальро, Ламартин. Им нравилось, когда их звали не господин писатель, а господин министр. Это вряд ли где еще может иметь место в Европе, кроме Франции. Но быть министром, на мой взгляд, — это не лучшее, что может сделать писатель.

— Ваши родственники, в частности по линии Бенуа, самым тесным образом связаны с русским искусством. По многим причинам реальных его богатств, разбросанных по всему миру в результате революционных бурь и войн, а то и попросту разворованных, мы себе пока что в полном объеме не представляем. Есть к тому же и великие имена, просто волонтаристски вычеркнутые из нашего культурного наследия. Сейчас наступила пора, как говорится в «Екклесиасте», «собирать камни». Какова, на ваш взгляд, в этом роль тех, кто хранит наши культурные традиции в русском зарубежье?

— Для меня этот процесс «собирания камней» чрезвычайно важен. Я присутствовал на открытии музея Бенуа в Петродворце, в здании, которое принадлежало моему прапрадеду. Те, кто в Советском Союзе работали над реставрацией нашего семейного особняка, проделали огромную работу. Они украсили его многочисленными гербами семьи. И это было поистине удивительно, ибо Бенуа были крестьянами, и первый из них в нашем роду был просто неграмотным, как многие крестьяне до Французской революции. Но затем они образовались настолько, что сами стали учительствовать, и в этом качестве один из них приехал в Россию. Как раз во время Французской революции. И дворянство Бенуа получили в России, причем на их гербе была изображена едва ли не роялистская символика. Я думал, что существует не более 30 потомков тех Бенуа, а их прибыло 160 человек в Петродворец. Многие из них здесь, на Западе, занимают весьма солидное положение. И наш род в этом отношении, хотя и уникален, но все же не единственный.

Русская интеллигенция в эмиграции оставалась, как правило, верной не только русской культуре. Она обогатила мировую культуру, мировую науку. Это люди по-настоящему, по-русски талантливые, которыми могут равно гордиться и Россия, и те страны, гражданами которых они волей судеб стали. Вот я только что снялся в фильме о Великой французской революции в роли Мирабо. Знаете, кто этот фильм поставил? Саня... Режиссер Александр Мнушкин. Ему, кстати, 83 года. А фильм сделал потрясающий. Он идет почти шесть часов и обошелся в 50 миллионов долларов. Надо думать, что французы такое доверили бы далеко не каждому...

— Вы сказали, что по мере наших перемен меняется и отношение к нам. Ну а к вам меняется ли отношение у русских эмигрантов, которые вас, мягко говоря, не жаловали за ваши, как они считали, незаслуженно лестные отзывы о Советском Союзе?

— Когда я решил впервые поехать в СССР, моя мать заклинала меня этого не делать. Она вспоминала революцию и все, что ей пришлось пережить в ЧК. Если бы у нас разговор происходил сейчас или так году в 1982-м, я бы смог ее успокоить, приведя слова Грэма Грина. Когда Брежнев

сменил Андропов, он сказал: «Я так и думал, что КГБ возьмется за спасение России...» А когда его спросили, почему он пришел к такому выводу, Грин ответил: «Тот, кто наблюдает, не может не замечать...»

— Ваш первый визит в СССР, кажется, пришелся на начало 60-х?

— Да. В 1963 году я сделал фильм «Билли Бад», который вашему Министерству культуры понравился, и меня, хоть и с опозданием, пригласили для участия в Московском кинофестивале. Тогда, я помню, в Лондоне в советском консульстве меня спросили: «Устинов — это ваша настоящая фамилия?» Я не удержался и ответил: «А что, лучше ее поменять?» Думал, что мне визы после этого не дадут. Но дали. Сейчас эти наши тогдашние страхи кажутся анекдотичными.

В 1987 году я был приглашен в Москву на форум творческой интеллигенции. Когда я оттуда вернулся, меня пригласила выступить французская телепрограмма «Антенн-2». Я рассказал обо всем, что видел и слышал в Москве, и этим вызвал весьма неприятную для меня реакцию ведущей передачи, которая мне просто откровенно хамила. Она попыталась представить меня телезрителям как некоего наивного дурачка, после чего руководству этого телеканала пришлось приносить мне извинения. Я уже не говорю о массе людей, выразивших мне сочувствие по телефону. Так вот, прошло с тех пор совсем немного времени. И вот накануне визита Горбачева в Париж (речь идет о визите с 4 по 6 июля 1989 г. — В. Б.) та же самая «Антенн-2» показала о Советском Союзе чрезвычайно доброжелательную передачу. По-своему это означало и изменение отношения лично ко мне: все больше людей, в том числе и русские эмигранты, убеждаются, что я во многих своих оценках был прав.

— Вы написали немало книг, сыграли множество ролей. Что вам самому нравится больше всего?

— Новая роль и новая книга. Старыми достижениями жить нельзя. Когда успоаиваешься на достигнутом, уже больше ничего не достигнешь.

...Смеркалось, когда мы вернулись на рю Винеz. Виза была получена, билеты на самолет заказаны, и интервью само по себе как-то взято. В голове уже вертелись заголовки типа «Питер Устинов — русский гражданин мира...». Быть может, я так бы и озаглавил это интервью, не спроси я его напоследок, а о чем его новая книга. И вдруг он улыбнулся такой пиквикской улыбкой и сказал: «Мне очень трудно вам рассказать о чем. Могу только прочесть первые строчки:

«Назовите вашу фамилию», — сказал консьерж отеля вошедшему. «Бог...» — «Значит, с двумя «г»?» — спросил консьерж, не поднимая головы. «Нет, только с одним «г», — сказал старик. «Довольно-таки

необычное имя», — сказал консьерж. «Мне говорили, что уникальное», — сказал старик, не в силах скрыть того, насколько его все это забавляет...

«Вот и все», — сказал все с той же улыбкой Устинов. И по тому, как он наслаждался звучанием каждого слова в этом рафинированно-английском пассаже, приглашая меня не спешить с оценками будущего романа по маленькому отрывку, а просто посмаковать вместе с ним эти вкусные, сочные строчки, было ясно, что он все-таки настоящий англичанин, хотя и с такими глубокими русскими корнями, которыми не всякий наш соотечественник сможет похвастаться. А может ли англичанин быть русским, если он даже не живет на русской земле? Загадка русской души уже в который раз ускользнула от меня. Может быть, потому, что у каждого из нас в душе — своя Россия. И ее тоже, как и всю Россию целиком, умом не понять и никаким аршином не измерить...